

ISSN 0042-8779

ИВМ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

7

2015

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

7/2015

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- П.В. Лизунов** — Становление института биржевых маклеров в России в XVIII — начале XIX в. 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- М.К. Чиняков** — Огюст-Фредерик-Луи Вьес де Мармон ... 17

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- С.А. Нефёдов** — Как готовили революцию 1905 г. 41

СООБЩЕНИЯ

- З.Р. Сабирова** — «Континентальный плацдарм» 56

- С.Ю. Краснов** — Наследование имущества в обычно-правовых представлениях донских казаков во второй половине XIX в. 68

- Д.В. Тимофеев** — «Свобода» и «рабство» в крестьянских прошениях первой четверти XIX в. 79

- С.А. Агуреев** — Экспедиции ИРГО в Эфиопию на рубеже XIX—XX вв. 91

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- В.Б. Аксёнов** — Рабочие выступления весны-лета 1914 г. в контексте теории революционной ситуации 109

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- Т.Л. Лабутина** — Британский посланник Роберт Кейт и Екатерина II о перевороте 1762 г. 123

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- Ю.И. Дин** — Несостоявшаяся депортация корейцев Сахалинской области в 1952 г. 136
- С.Р. Мамедов** — Информационное сотрудничество Азербайджана с Россией 142
- С.В. Пашков** — Отношение норманиста М.П. Погодина к трудам антинорманистов 147
- А.Н. Птицын** — Эмиграция сербов, хорватов и словенцев в Россию в XIX — начале XX в. 156

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- А.Р. Павлушков** — Судьба вице-президента Синода Г. Дашкова 162

ИСТОРИОГРАФИЯ

- А.Н. Белков** — Официальная периодика Русского Охранного Корпуса 169
- С.С. Акимов** — ARS. Исследования нижегородских искусствоведов. Сборник научных статей 172

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке
Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям.

Становление института биржевых маклеров в России в XVIII — начале XIX в.

П.В. Лизунов

В России слово «маклер», которое происходит от голландского «Makelaar» или немецкого «Makler» — посредников при заключении торговых сделок и договоров, получавших за свои услуги определенное вознаграждение — вошло в обиход в начале XVIII века. Посредничество в торговле было давним и широко распространенным явлением. В допетровской Руси имелось аналогичное по смыслу понятие «промежник» или «торговый сводчик». В русско-немецком словаре и разговорнике XVI в., известном как «Русская книга» Т. Шrove, записано: «Пооди да добываи промежника, который нам промежничит. Я не хочу без промежника с тобой торговать... я не знаю гораздо русского языка». Услуги «промежников» вознаграждались денежной оплатой, именуемой «могорец» или «барыш»¹.

Институт присяжных маклеров, то есть официальных посредников, как и регулярная купеческая биржа, появился в России по инициативе Петра I. Впервые в официальных документах упоминание о маклерах встречается в 1717 г., когда именным указом императора от 17 марта была учреждена должность придворного маклера: «Великий Государь указал: от казенных товаров быть гоф-маклером Самойлу Мюксу и, будучи у того дела, к стороне Его Величества чинить всякую верность и казенной прибыли прилежное радение». Коммерц-коллегия также издала указ, согласно которому «Мюксу в приказах и в губерниях, на ярмарках, как у покупки, так и у продажи казенных товаров, быть по силе вышеписанного указа гоф-маклером, и за труд брать с одних купцов, которые те казенные товары будут покупать, по деньге с рубля, а с цены казенных товаров не брать, и с купецких всяких товаров, которые будут чинить торг через его, брать с купца и с продавца по деньге ж с рубля»². С июня 1723 г. Мюксу также было велено «каждонедельно» подавать в Коммерц-коллегию сведения о вексельном курсе и прейскуранты³.

Лизунов Павел Владимирович — доктор исторических наук, профессор Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова. Архангельск.

До назначения гоф-маклером английский купец Самюэль (Самойла Андреевич) Мюкс (Мьюз, Мекс, Меух) ⁴ вел торговлю в Архангельске и Москве. Его ежегодный товарооборот доходил до 171 тыс. рублей ⁵. В Архангельске Мюкс женился на дочери местного купца Якова Якимова — Авдотье. Затем со всем семейством переехал в Петербург, где продолжил вести торговлю и даже приобрел сахарный завод, принадлежавший ранее «московскому торговому иноземцу» Павлу Вестову.

Мюкс не был единственным кандидатом на должность гоф-маклера. В документах Сената сохранилось доношение английского купца Самюэля (Самойла Исаков сын) Гартсайда (Гарцын, Гарсин, Гартейд, Gartside), датированное сентябрем 1715 г., с просьбой назначить его генеральным маклером ⁶. Гартсайд приехал в Россию в 1708 г. в возрасте 24 лет, начинал торговлю, как и Мюкс, в Архангельске ⁷. Английский посол в России Чарльз Витворт охарактеризовал «молодого комиссионера» как «человека среднего положения и состояния» ⁸.

Гартсайд был лично известен Петру I по «Бенго-Коллегии или Великобританскому славному монастырю в С.-Петербурге» («братству сумасброднейшего собора в Бахусове законе»), аналогичному «всешутейшему и всепьянейшему собору». В этой «бенг-коллегии» (от англ. *bung* — пьяный) Гартсайд был «архиепископом и чудотворцем», занимая, согласно реестру, второе место, как вице-президент. Участником «сумасброднейшего братства» являлся и Мюкс, стоявший в иерархическом списке из 55 членов «разночинствующего сумасбродного братства» на 29 месте «порваера» (от англ. *purveyor* — поставщик) или провиантмейстера ⁹.

Петр I в своих письмах неоднократно упоминал Гартсайда и даже писал, что «сей купец много пользы сделал» в покупке и оснащении кораблей. Сохранились царская жалованная грамота Гартсайду, его письма Петру I и кабинет-секретарю А.В. Макарову, а также его проекты с предложениями увеличения государственных доходов, развития промышленности и расширения торговли в России ¹⁰.

В проекте, предложенном Гартсайдом в 1712 г., он брался строить в России корабли, привлекать различных мастеров, учить русских кораблестроению и навигации, организовать канатные, парусинные и полотняные фабрики, мыловаренные и рафинадные заводы, лить пушки, делать порох, развивать рыболовство, китобойный, тюлений и моржовый промысел, ловлю трески, лосося и прочее. За это он хотел получить монополию в торговле мачтами, досками и бревнами, поташем, канатами, конопляным и льняным семенем, а также иметь исключительное право на пивоварение в Архангельске. Гартсайд даже предлагал учредить один банк в Архангельске, а другой — в Амстердаме, суля Петру I большую прибыль. При банке он предполагал создать контору для страхования всех товаров, вывозимых из России ¹¹.

В ноябре 1715 г. Гартсайд подал на имя Петра I мемориал с предложением учредить в России систему маклерства и бракования для упорядочения торговли основными экспортными товарами. Он просил пожаловать его званием генерального маклера и браковщика при продаже казенных товаров: льна, пеньки, сала говяжьего, воска и прочих товаров в Петербурге, Вологде и Архангельске, «дабы пре-

жние свои несчастья, в торговле понесенные, ... хотя малое число для пропитания себе возратить». По уверению Гартсада, от его назначения будет только польза казне и купцам, которые будут уверены в том, что приобретенный ими товар «добрый». Гартсайд просил определить плату с продавцов и покупателей как принято во всей Европе. В качестве поручителей он обещал предоставить в Коммерц-коллегию «добрых купцов», владевших имуществом на 10 тыс. рублей. В помощь себе Гартсайд просил в разных городах выделить подмаклеров, старост, вязальщиков, дрягилей и других необходимых людей, сколько понадобится. Он обещал, что если будут поступать жалобы от купцов на него или его людей, то он обязуется справедливо во всем разобраться. Для этого Гартсайд просил дать ему право виновных штрафовать или наказывать телесно, в зависимости от проступка.

Кроме того, Гартсайд предлагал все казенные товары продавать и покупать публично, от чего, уверял он, казне будет польза. В качестве доказательства «убытку и умалению казны» Гартсайд приводил пример с продажей в 1715 г. смолы. Он утверждал, что при публичных торгах можно было получить 20 тыс. руб. прибыли. Многие иностранные купцы в Петербурге дали бы лучшую цену и взяли бы 40 тыс. бочек, поскольку после побед России над шведами в Финляндии ежегодные поставки из Стокгольма — около 50 тыс. бочек финской смолы — прекратились, и возникла «великая скудость в смоле во всей Европе».¹² В подтверждение того, что он достоин звания генерального маклера, Гартсайд просил Петра I указать Комерц-коллегии выслушать его предложения.

Однако Пётр I назначил гоф-маклером не его, а Мюкса. В «Историческом описании российской коммерции» М.Д. Чулков писал, что «дворцовый, или коронный, маклер» был необходим, чтобы заключать от имени казны «великие вексели и контракты», а наиболее «искуснейшим» в этом деле был признан англичанин Мюкс¹³.

В сущности, гоф-маклер являлся правительственным чиновником. В объявлениях, печатавшихся в «Санкт-Петербургских ведомостях» о торгах, которые совершались при посредничестве Мюкса, он часто именовался «придворным маклером». Кроме посредничества при продаже казенных товаров или покупке товаров для казенных нужд, Мюкс занимался и частной коммерческой деятельностью. Товары, продававшиеся при его участии, были самыми разнообразными: лошади, вестфальские окорока, бургундское и рейнское вина, золото, серебро, алмазы, женские платья, чулки, шляпы, полотно, сукно, кофе, фарфоровая посуда, сало, треска, поташ, пенька, железо и пр. Иногда в объявлениях о публичных торгах через Мюкса сообщалось, что товары «от него гораздо сносной цене уступлено будет»¹⁴. Торговые операции Мюкс проводил в порту, на бирже, а также в своей квартире, расположенной в доме английского купца Якова Гарнера за Почтовым двором¹⁵.

Впрочем, коммерческие дела у Мюкса не всегда шли успешно. Так, 18 марта 1721 г. по указу Сената в Коммерц- и Камер-коллегиях рассматривалось дело о его многочисленных долгах, как частным лицам, так и казне (Приказу Большой казны и Адмиралтейской канцелярии). В свое оправдание Мюкс «бил челом, что многократными и несносными его случаями в купечестве как морем, так и от должни-

ков пришел он во всеконечную скудость». Мюкс уверял, что восстановить свою торговлю и выплатить кредит он сможет только в случае, если «его царское величество в бедности и несчастном его скудости милостью своею не оставит». При этом он ссылался на опыт других государств, в которых в подобных случаях выдавались «мораторские листы или грамоты до исправия» должника. Мюкс просил пожаловать ему подобный «мораторский лист» сроком до 10 лет для постепенного возврата всех казенных и партикулярных долгов. Вместо «поруки» он обещал, что вместе с женой и детьми до своей смерти будет «пребывать» в российском государстве ¹⁶.

В 1727 г. долги Мюкса рассматривались в Доимочной конторе, которая занималась «правежом» — взысканием недоимок и штрафов со злостных неплательщиков. До окончания расследования Мюксу было дозволено найти поручителей. Среди них он назвал контр-адмирала лорда Дуффуса, а также иностранных купцов Веккеля, Инесби, Гиля и Эвенса, не предоставив однако никаких бумаг в Доимочную контору, куда он сам не являлся. Более того, выяснилось, что некоторые из названных им лиц сами имеют «немалые доимки» и быть поручителями не могут ¹⁷.

Чтобы доставить Мюкса в Доимочную контору 4 ноября 1728 г. к нему домой был направлен солдат Ингерманланского полка А. Погорельский. Идти с ним пешком Мюкс отказался и велел запрячь лошадь. Погорельский, опасаясь, что Мюкс может уехать без него, ухватился за одноколку, в которой сидел Мюкс. Слуга, помогая хозяину избавиться от Погорельского, стал бить солдата по рукам и голове. Волочась за одноколкой, тот разорвал мундир, потерял кожаные рукавицы, а у его шпаги изогнулся эфес. Через 2 дня в протоколе Доимочной конторы было записано о состоявшемся примирении между Мюксом и Погорельским. Обидчик пообещал за увечья заплатить 5 руб., а вместо изорванного мундира купить новое сукно и пуговицы ¹⁸.

Из Сената в Доимочную контору был направлен указ, в котором повелевалось рассмотреть имевшиеся у Мюкса долги и собрать по ним «поручные» записи. В ходе сенатского расследования выяснилось, что многие его должники были не в состоянии оплатить свои обязательства, а иных и вовсе не удалось отыскать ¹⁹. В Сенате, где разбиралось дело, было решено «для правежу тех его долговых денег в уплату оной доимки определить» майора Отеприцкого ²⁰. В Росписи основных должников значились архангелогородцы О.А. Барабанщиков, Р.И. Попов, С. Посников, И.И. Вешняков, И. Звягин, новоторжец А. Кочеров, москвитяне Д. Алаторцев, Д. Сыренщиков и П. Милютин, вологжанин А. Пешников, ярославец Т. Карпов, англичане С. Гартсайд, А. Меврел и Делано, любечанин М. Шмит, датчане И. и Т. Ловтусы. В этом списке были бывшие пленные шведские генералы и офицеры, которые взяли у Мюкса 5000 руб. и не вернули, опротестовав вексель. Общая сумма долга составляла 36 844 рубля.

В Росписи должников, «с которых взять нечего», оказался и тесть Мюкса купец Я. Якимов, который не смог вернуть зятю свой долг. Сумма невозвратных долгов превышала 11 350 рублей ²¹.

Несмотря на значительные долги, Сенат велел освободить Мюкса из Доимочной конторы «на добрые поруки» ²². Сенатскими указами от 7 июня 1729 г. и 22 января 1731 г. были подтверждены его

права на занятие гоф-маклерской должности. Кроме того, с Мюкса снимались «прежних лет доимки», которые числились за ним по Берг-коллегии и Адмиралтейству в размере 16 504 рублей ²³.

Важным новшеством, внесенным указом от 22 января 1731 г., стало увеличение числа гоф-маклеров. По просьбе Мюкса, в помощь ему Комерц-коллегия определила его соотечественника, маклера Ивана (Джон) Эдварца (Эдвардс, Эдвартс, Эдвард, Эдверц, Эдварс, Эварц) ²⁴, который, как и Мюкс, вел обширную торговлю в Архангельске, а с 1719 г. обосновался в Петербурге. Эдварц также являлся членом «сумасбродейшего братства» в должности «стряпчего или аторного генерала» ²⁵. Согласно сенатскому указу, в обязанность обоим вменялось «чинить всякое прилежание... о всяких покупках и подрядах в казну и о продаже казенных товаров, и о переводе через вексель денег из Коллегий и Канцелярий... ища казне... прибыли» ²⁶. В нем вновь предусматривалось, что «за труд их при тех покупках и продажах, по прежде данному... указу, брать с одних купцов, которые казенные товары будут покупать или в казну продавать, маклерских денег по деньге, а за перевод векселей по полушке с рубля» ²⁷.

После смерти гоф-маклера Мюкса в июне 1741 г. «у продажи казенных товаров и для переводу на вексели казенных же денег» был назначен выходец из Нарвы, мещанин Каспар (Каспер) Кервидер ²⁸. Его отец, Каспар Кервидер-старший в 1708 г. во время Северной войны вместе с женой Доротеей-Елизабет и другими жителями Нарвы был выселен в Вологду. Через Архангельск и Москву он вел торговлю, в основном, шелковой материей. После окончания войны Кервидер-старший не захотел возвращаться в родной город, а поселился в Петербурге, где продолжил торговать вместе с сыном ²⁹. С середины 1730-х гг., после смерти отца Кервидер-младший стал заниматься коммерцией самостоятельно. Указом Елизаветы Петровны от 4 августа 1743 г. ему в помощь московским гоф-маклером был назначен купец Авраам Лишевский ³⁰.

В ноябре 1750 г. Сенат определил на место умершего гоф-маклера Кервидера любекского купца Иоганна Каспара Сирициуса, который, как и его предшественники, был иностранцем. Он предоставил в Комерц-коллегию вместе с прошением о занятии должности «одобрительных о себе три аттестата». Один принадлежал английскому генеральному консулу, нарвскому купцу барону Якобу Вольфу, который сообщал, что ему известно о долгом времени службы Сирициуса в хорошей английской конторе «с великой похвалой». Сирициус также пожелал «быть в вечном подданстве ее императорского величества» Елизаветы Петровны. 9 ноября 1750 г. по указу Сената его просьба была удовлетворена ³¹.

16 января 1721 г. был издан «Регламент, или Устав Главного магистрата», глава XIX которого «О маклерах или торговых сводчиках» гласила: «Понеже определенных и присяжных маклеров дело весьма есть потребное и касается до установления доброго в купечестве порядка, чего для во Европских купечествах никакие договоры в торгах без оных не утверждаются, и для того журнал, или вседневная записка маклеров, такую силу имеет, как протокол в суде, и избирается такой маклер и определяется от Магистрата, но никакого жалованья не имеет; токмо получает за труды свои определенные деньги

от купеческих людей, что ему от Магистрата определено будет, и какие торги и вексели через такого человека заключаются, те надежны от всякого обмана, и обмена товаров суть безопасны». Главному Магистрату было велено «в приморских и других знатных городах... где знатные торги есть, таких маклеров выбрать... из купечества добрых и во всех торгах и вексельных переводах искусных людей, и приведчи к присяге (или к вере), содержать их во всем так, как выше объявлено»³².

Деятельность маклеров в Регламенте прописывалась весьма четко: никакие договоры не могли заключаться без их посредничества, а маклерские записки при сделке должны были гарантировать купцов от возможного убытка в торговых операциях. По закону маклеры являлись не только посредниками при заключении сделки, но и отчасти заменяли нотариусов, так как по закону «вседневная записка маклеров, такую силу имеет, как протокол в суде»³³.

В изданном в мае 1729 г. Вексельном уставе особо оговаривалась роль маклеров при заключении сделок с векселями: «Понеже для общей пользы все вексели и договорные в них кондиции надлежит чрез определенных присяжных маклеров заключать: того ради те маклеры... повинны в своей книге чистую записку заключенных векселей держать, записывая именно на ряду по числам имена переводителя и векселедавца, и куда и на кого вексель дан, и на который срок и по какой цене и прочия обстоятельства»³⁴.

Необходимость участия маклера в сделках с векселями объяснялась так: «и буде после случится какой спор: и тот спор разбирать через маклера и его записные книги»³⁵. В уставе также предусматривалась возможность совершения сделки и без посредничества маклера: «а у кого при договоре маклера не случиться, и те споры разбирать письменными свидетельствами и свидетелями»³⁶. Об этом же тремя годами раньше говорилось в сенатском указе от 1 февраля 1726 г.: «...между купецкими людьми, как по партикулярным письмам и векселям и по записным купеческим книгам и счетам, так и в бесписьменных торговых их делах и в покладах и ссудах... суд производить по прежнему купеческому обыкновению таможенным судом»³⁷.

В 1762 г. Сенат вновь был вынужден вернуться к рассмотрению вопроса об участии маклеров в заключении торговых сделок. Поводом послужили челобитные московских и петербургских купцов с просьбой об определении их присяжными маклерами. Среди московских купцов были Степан Лялин, Михаил Устюжанинов, Илья Павлов, Иван Соколов, среди петербургских — Сидор Данилов, Андрей Копосов, Козьма Терехов, Трифон Позняков³⁸. В своем ходатайстве они просили «все купечество таким образом обязать, чтоб ни один вексель, ни договор... без их маклеров заключен не был»³⁹. Их прошение поддержал и Главный магистрат. В доношении, направленном в Сенат, предлагалось «для прекращения в вексельных делах и о торговых договорах происходимых разных споров и вымышленных сочинений и отбывательств коварных, и ради купецкой пользы, в тех губерниях, провинциях и приписных городах, где знатные торги и вексели есть, у записки векселей и купеческих договоров маклерам из купечества, по аттестатам торгующих купцов, быть надлежит». Главный магистрат настаивал на том, чтобы «вексели и договоры, кои в

маклерские книги записаны не будут... уничтожить и не действительными почитать»⁴⁰.

Сенат однако решил, что полностью «согласиться с этим не может». Сенаторы полагали, что такое установление может купечеству «крайнее разорение принести», да и с Вексельным уставом и сенатским указом от 1 февраля 1726 г. «не может быть согласно». По их мнению, «как внутренние и переводные вексели, так всякие купецкие на товары и прочие договоры записывали у них маклеров в их книги те одни, которые сами того пожелают». Это необходимо лишь для предостережения от возможных споров, а также при сделках с лицами, «на которых заимодавцы или кредиторы малую надежду имеют»⁴¹. Много неудобств в обязательном участии маклера в совершении сделки находила и Коммерц-коллегия. Она полагала, что сделки могут заключаться в местах, где «маклера не случиться» или «сыскать... его будет скоро не можно», а иные купцы захотят сохранить условия сделки в тайне, «что в коммерции между купечеством для сохранения кредита за важное почитается»⁴². Мнение Сената совпало с суждением многих российских и иностранных купцов. Более того, они подали несколько челобитий с просьбой отказать купцам Лялину и Данилову «со товарищи» в их прошении и «о назначении впредь никого в маклеры на таком основании, чтоб им все вексели и договорные кондиции в книги свои записывать»⁴³.

Если гоф-маклерами в России в течение долгого времени были исключительно иностранцы, то посреднической деятельностью занимались и российские купцы. 24 июля 1727 г. купцы, торговавшие при Петербургском порте, подали на имя Петра II прошение, где жаловались на действия маклеров-иностранцев, от которых им «чинится... немалая ж обида». Они указывали, что в отличие от иностранцев исправно платят в казну различные подати и несут службу, и просили государя «тех иностранных маклеров от здешнего порта отрешить». Из справки, поданной в Комиссию о коммерции из Петербургского магистрата, явствовало, что до 1727 г. кроме Мюкса других маклеров «определения не было»⁴⁴.

По требованию Магистрата, Мюкс сообщил, что в Петербурге имеется 9 маклеров без «определения», среди них — 7 иноземцев и 2 русских купца⁴⁵. Сколько они получают за труд, Мюкс не сообщал⁴⁶. В 1729 г., по сведениям Комиссии о коммерции, в Петербурге насчитывалось уже 4 российских маклера — Еремей Титов, Василий Агаев, Петр Сафонов и Андрей Краснаков⁴⁷. В 1734 г., согласно справке, поданной в Коммерц-коллегию присяжным маклером Эдварцом, при Петербургском порту и бирже имелись 3 присяжных маклера: Мюкс, Кервидер и Павел Тамес, из неприсяжных — 14 купцов — 8 иностранных и 6 российских⁴⁸.

В октябре 1736 г. Коммерц-коллегия решила назначить 12 присяжных маклеров — по 6 от русских и иностранных купцов. Главным условием назначения являлись аттестация и грамотность. Гоф-маклеру Мюксу было предложено выбрать из иностранных купцов 5 маклеров, которые «к тому делу будут быть достойны». Коммерц-коллегия потребовала от Петербургской Ратуши вместо 4 прежних русских маклеров выбрать 6 «грамотных людей, добрых и неподозрительных и тому делу заобычайных»⁴⁹. Мюкс своих кандидатов не представил.

Поэтому было решено избрать 5 иностранцев из присяжных и неприсяжных маклеров по решению бургомистров.

Судьбы многих маклеров были схожими: они торговали сначала в Архангельске, затем в Петербурге, а после неудач в коммерческих делах занялись посредничеством. Например, Петер Мейер в 1694 г. выехал из Швейцарии в Россию, служил у Андрама Корца приказчиком в Архангельске до 1700 г., а затем — у разных купцов «для вспоможения в купечестве». В 1724 г. Мейер приехал в Петербург, где вскоре «за несчастием и разорением своих торгов» оставил собственное дело и занялся маклерством⁵⁰.

В 1759 г. торговавшие на Петербургской бирже купцы, отмечая, что маклерами являются в основном иностранцы, а среди русских их только трое, «да и те к тому делу не весьма еще заобыклые», обратились в Сенат с просьбой назначить гоф-маклером российского купца. В их челобитной обращалось внимание на то, что «по немало производимой при здешнем порте коммерции исправиться никак невозможно; и необходимо... для лучшего в распространении российскими купцами коммерции и купечеству удовольствия и наблюдения российского купечества интереса, для заключения ими между собою и иностранными купцами, також и судебными местами договоров и переводу на вексель денег, надлежит определены быть с их российской стороны одному гоф-маклеру»⁵¹. На усмотрение Сената была предложена кандидатура купца Михаила Туфанова, постоянно торговавшего в Петербурге. В своем прошении русские купцы писали, что «должность... по особливому его достоинству, как честному человеку надлежит, исправить может безостановочно, и они им будут довольны»⁵². Сенатским указом от 9 ноября 1759 г. Коммерц-коллегии повелевалось привести Туфанова к присяге и назначить его вторым гоф-маклером.

Вскоре, 29 ноября того же года, состоялось назначение третьего гоф-маклера. Им стал уроженец Ревеля Яган Миддендорф (Иван Миттендорф), выбранный по его собственной просьбе, поддержанной иноземными купцами. Четвертым гоф-маклером, по указу Сената, в 1760 г. был определен англичанин Томас Рональд (Роналд)⁵³.

В мае 1762 г. к ним был добавлен еще один гоф-маклер — гамбургский купец Вильгельм Махенгаур, 12 лет занимавший должность обычного маклера при Петербургской бирже. В указе о его назначении Сенат также предписывал Коммерц-коллегии по необходимости назначать «людей добрых и надежных» сверх определенного числа гоф-маклеров, «дабы за малоимением оных в случающихся между купечеством, по их маклерской должности, обращениях, остановки быть не могло»⁵⁴.

Для упорядочения биржевых сделок в 1760 г., по определению Коммерц-коллегии, в Петербурге была учреждена гоф-маклерская контора, в которой гоф-маклеры должны были дежурить поочередно. От конторы требовалось ведение ежедневных записей о биржевых сделках (покупка, продажа и поставка разного рода товаров), ценах и вексельном курсе. По инструкции Коммерц-коллегии, гоф-маклерская контора ежемесячно была обязана представлять ведомости о ценах и оборотах, подрядах, покупках и продажах товаров и валюты, а также векселей, заключенных при посредничестве маклеров. Скорее

всего, дела конторы не наладились, так как в более поздних законодательных актах она не упоминается ⁵⁵.

Деятельность гоф-маклеров признавалась полезной и необходимой «для всякия покупок и подрядов, в казну также для продажи казенных товаров и для перевода вексели денег», о чем свидетельствовал именной указ Екатерины II от 8 декабря 1774 года. В нем императрица подтверждала права гоф-маклеров, данные еще Петром I, отмечая усердие во время русско-турецкой войны (1768—1774) гоф-маклеров Петра Барца и Ягана Миддендорфа, которые «доказали похвальное о пользе казенной речение». Екатерина II предлагала «впредь употреблять оных предпочтительно пред другими яко доказавших свое о пользе казенного интереса усердие», о чем специально извещались все портовые таможи страны ⁵⁶.

Во второй половине XVIII в. присяжные маклеры при заключении товарных сделок получали определенный Коммерц-коллегией куртаж — по $\frac{1}{4}$ процента с продавца и покупателя, а при вексельных и валютных сделках — по $\frac{1}{8}$ процента с каждой стороны ⁵⁷. Ставка $\frac{1}{8}$ процента была чрезвычайно высокой, поэтому конкуренция заставляла некоторых маклеров понижать ее до $\frac{1}{10}$ процента и даже меньше.

Наряду с присяжными маклерами имелось немало неофициальных посредников. Еще в 1729 г. гоф-маклер Мюкс подал прошение в Комиссию о коммерции, в котором жаловался на то, «что многие из купецких людей в его маклерскую должность вступают, и тем добрый порядок должности маклерской повреждают, а у него пропитание отнимают». В своем прошении Мюкс предлагал «для порядочного содержания маклерской должности, в которую бы неопределенной и неприсяжной вступить не дерзал, дабы введен был маклерский устав таким образом, как и в других государствах» ⁵⁸.

Коммерц-коллегия, вопреки желанию Мюкса, привлекла для обсуждения проекта Маклерского устава иностранных и российских купцов, полагая, что «без их ведома каких диспозицей или учреждений... касающихся до существа коммерции и купцов, учинить оным было бы не без великой обиды и доброму порядку не без опровержения» ⁵⁹. Из 27 статей устава купцы полностью одобрили лишь 10. Более того, они высказались за отмену должности гоф-маклера, считая, что ее вполне могли бы исполнять и рядовые маклеры. Обиженный Мюкс написал в Комиссию о коммерции доношение с обвинениями в адрес тех купцов, которым было доверено комментировать его проект. В конце концов, в августе 1730 г. Коммерц-коллегия проект Мюкса отвергла, найдя в нем «изобилие в речах, ничего не содержащих, многова обещания, а действием или хотя ясным толкованием никакого показательства, и один пункт другому противен и не постоянное разглоголие» ⁶⁰.

Тем не менее, Сенат приказал Коммерц-коллегии «определить... сколько надлежит, без излишества» иметь присяжных маклеров ⁶¹. В сенатском указе предусматривалось также всем маклерам, «кто определены будут, тем учинить присягу и дать инструкции ж; а прочих всех неопределенных и неприсяжных отрешить, и маклерами им быть не велеть» ⁶². Указ этот ни к чему не привел: и от русских, и от иностранных купцов постоянно поступали жалобы на отсутствие присяжных маклеров, отчего, по словам жалобщиков, часто возникали

«великие споры» между купцами. Одни отрекались от совершенной ранее на бирже продажи, другие — от покупки, ссылаясь на маклеров, никем не избранных и не утвержденных законом. На основании этих жалоб Коммерц-коллегия 16 декабря 1734 г. направила на биржу новое определение, разрешавшее посредничать только присяжным маклерам и запрещающее незаконным маклерам участвовать в торговых сделках под угрозой штрафа и наказания⁶³. Одновременно Коммерц-коллегия предлагала всем желающим русским и иностранным купцам подать просьбы о вступлении в маклеры. Для этого требовалось представить письменные аттестаты или свидетельства о том, что они «люди состояния доброго и... к тому делу достойные и поверить им в том маклерстве, возможно»⁶⁴.

В мае 1737 г. российские маклеры направили в Коммерц-коллегию прошение, сообщая, что прежние неприсяжные маклеры как российские, так и иностранные, продолжают посредническую деятельность, чем им «чинитца немалое помешательство». Они просили запретить неофициальным маклерам заниматься посредничеством. Коммерц-коллегия обязала таможеню штрафовать неприсяжных маклеров. 8 декабря 1737 г. в Коммерц-коллегию поступило доношение от голландских бургомистров Франца Людвига Попа и Ягана Отелинга, которые писали, что «повсюду где христианские владения где магистратские места имеются и купечеству повелено быть чтоб какие купцы которые от морских несчастий и других несчастных случаев впали... таким купцам маклерами быть не запрещается ибо чрез такой торг может получить как себе так и жене и детям нужнейшее хлебное пропитание»⁶⁵. Бургомистры просили позволить занимать маклерскую должность десяти маклерам: Павлу Тамесу, Касперу Кервидеру, Давиду Варнеру, Эрнесту Готфриду Опире, Петру Федмеэру, Якову Муришону, Яну Виглену (Вяглен) Старку, Якову Ренигольт, Тобиасу Кенигсфельду и Иохиму Финке. Коммерц-коллегия в ответ известила, чтобы впредь без доклада ей и ведома голландских бургомистров «никому в маклерскую должность не вступать токмо надлежит рассуждение иметь какими иными способами такие люди которые впредь от несчастья в упадки придут...»⁶⁶.

Однако, несмотря на все строжайшие запреты правительства, частное маклерство продолжало существовать. Сенатские указы о его запрещении издавались в 1749 и 1762 годах⁶⁷. Указ от 23 августа 1749 г. был опубликован после сообщения московского присяжного маклера Аврама Лишевского о процветании в Москве незаконного посредничества. При этом Сенат предлагал неприсяжных и неопределенных маклеров от их должностей отрешить и впредь не допускать нарушения закона. Наблюдение за его соблюдением было возложено в Москве на Главный магистрат, а в Петербурге — на соответствующую Контору. Указом от 15 апреля 1762 г. Сенат предлагал Коммерц-коллегии и Комиссии о коммерции назначить во всех губерниях, провинциях и городах, «где знатные торги и вексели есть», присяжных маклеров, выбрав их из местного купечества⁶⁸.

В январе 1764 г. Коммерц-коллегия вновь была вынуждена предостеречь торговавших на бирже русских и иностранных купцов, предупредив, что все сделки, заключенные при посредничестве неприсяжных маклеров, впредь будут считаться недействительными, а купцы и маклеры будут подвергаться штрафу в размере 100 руб. с каждой тысячи.

В 1774 г. в очередной раз Коммерц-коллегия обсуждала проблему незаконного посредничества. Президент коллегии граф А.Р. Воронцов заявил, что число неприсяжных маклеров, как «всем хорошо известно, весьма немалое». Многие из них «не только делают помешательство, но довольно вреда торговле, между прочим способствуя разными происками и видами своими, во унижении цен российским товарам, а особливо в унижении курса, разглашая иногда, что будет переводная сделка вне государства когда и на мысль не приходит такой перевод делать»⁶⁹. Отмечая, что «такое самовольное неустройство терпимо быть не может», Воронцов снова высказался за необходимость обязательного для всех маклеров утверждения в Коммерц-коллегии. И хотя по сложившейся уже традиции «маклерские места принадлежат предпочтительно таким, которые прежде торговали и в некоторый упадок невинно пришли несчастным на их приключением», Воронцов предлагал основное внимание при утверждении маклеров в должности обращать на их персональные качества и поведение. Маклеры, полагал президент Коммерц-коллегии, должны быть «доброй совести, так и беспорочности которых немало сомнения не вызывало»⁷⁰. Воронцов также требовал более строго следить за ведением записей о сделках в маклерских книгах.

17 ноября 1813 г. Государственный совет подготовил «Правила на заключение маклерских или торговых записок» с приложением форм, которые маклеры должны были выдавать продавцам и покупателям. В «Правилах...» оговаривалось, что все маклерские или торговые сделки, совершенные при посредничестве маклера, должны содержать: имена продавца и покупателя, название товара, его количество и качество, цену, время получения денег и товара. Кроме того, требовалось указать пробы товара, скрепленные печатями и подписями сторон. Маклерам строжайше запрещалось посредничать тем, кому воспрещен торг при портах и биржах. В случае спора или тяжбы, возникшей из-за сделки, совершенной маклером с нарушением, таможня должна была предоставить в Департамент внешней торговли подробное объяснение о причинах отступления от правил. Маклер, отстраненный от должности, мог быть привлечен к суду, а информация о случившемся вывешивалась на бирже⁷¹.

Наконец, в 1828 г. особому комитету, образованному для составления правил о браковании товаров, Министерством финансов было предложено составить проект «Положения о биржевых маклерах», который в 1831 г. получил высочайшее утверждение и стал законом⁷². Таким образом, более ранние законоположения, а также сложившиеся к тому времени правила и обычаи были сведены в один закон, который определял и разъяснял права и обязанности маклеров и гофмаклеров, вводил деление маклеров на биржевых и корабельных, биржевых аукционистов и диспашеров.

Избрание маклеров, по новому закону, производилось только купцами 1-й и 2-й гильдий, торгующими на бирже, открытой подачей голосов. Маклеры назначались бессрочно, но могли быть отрешены от деятельности за серьезные или неоднократные должностные проступки. Они не имели права вести свое коммерческое дело и торговлю, должны были быть свободны от государственной службы и состоять в 3-й купеческой гильдии. Кандидаты в маклеры обязаны

были быть российскими подданными, возрастом не моложе 30 лет, состоять купцами или управляющими у купцов 1-й и 2-й гильдий или долгое время служить приказчиками. Из разорившихся купцов к посреднической деятельности на бирже допускались только «несчастные несостоятельные». Им отдавалось предпочтение при прочих равных условиях ⁷³.

Избранные маклеры утверждались Департаментом внешней торговли, приводились к особой присяге и получали специальный знак биржевого маклера — серебряную пластинку с соответствующей надписью. Ее маклеры были обязаны носить в петлице в доказательство своего звания. Биржевые маклеры по своему выбору могли заниматься товарными сделками, денежными, вексельными, курсовыми операциями или страхованием. При заключении сделки маклеры получали куртаж (вознаграждение) с покупателя и продавца; если в сделке участвовала казна, то куртаж маклер получал лишь с частного лица. Размер вознаграждения определялся при сделке с товарами: с покупателя и продавца — по $\frac{1}{2}$ процента с каждого, с переводных векселей — $\frac{1}{4}$ процента с продавца или векселедержателя, а со всех прочих денежных оборотов — $\frac{1}{8}$ процента. Впрочем, маклерам предоставлялось право «делать противу сего уступку добровольно» ⁷⁴.

Из числа биржевых маклеров министр финансов назначал гоф-маклеров, число которых зависело от необходимости. Согласно Положению, они определялись «для наблюдения за правильностью действий биржевых маклеров и для собирания сведений, как о ценах продающихся и покупающихся на бирже товаров, так и о курсах денежном и вексельном» ⁷⁵. Гоф-маклерам разрешалось совершать частные сделки наравне с прочими биржевыми посредниками.

Публикацией Положения о маклерах завершилось становление института биржевых маклеров в России, длившееся более ста лет. В нем можно выделить два периода. Первый был связан с преобразованиями Петра I, учреждением биржи, должностей гоф-маклера и присяжных маклеров, изданием первых законов и правил, регламентирующих их деятельность. Во времена Петра I маклеры, чаще иностранцы, нередко выступали в роли переводчиков или «сводчиков». Предпочтение иностранным купцам при назначении на маклерскую должность объяснялось их опытом и знаниями европейской биржевой практики и норм биржевой торговли. Русские купцы, наоборот, посещали биржевые собрания по царскому повелению. Из-за постоянного недостатка свободных капиталов купечество было вынуждено прибегать к услугам маклеров, которые «сводили товары» по «меновой цене». Учреждая биржу и институт маклеров, Петр I заимствовал западноевропейский опыт и практику торговли, не обращая внимания на то, что условия для их существования в стране еще окончательно не сформировались. Однако усилиями царя нововведение постепенно приживалось и расширялось.

Второй период был связан с дальнейшим развитием и совершенствованием института биржевых маклеров. Постепенно росло количество маклеров, не только иностранцев, но и россиян. Они появились помимо Петербурга и Москвы в Архангельске, Одессе, Риге, Нежине и других городах. Чаще всего маклерами становились разорившиеся купцы, оказавшиеся не по своей воле неудачливыми в тор-

говле, то есть «невинно упавшие». Английский купец, придворный банкир Екатерины II Ричард Сутерланд в 1782 г. в записке графу Воронцову отмечал, что «предмет сего учреждения (институт маклеров. — П.Л.) есть тот, чтобы дать хлеб бедным рачительным людям»⁷⁶. Если первоначально маклеры назначались Коммерц-коллегией, то с 1762 г. их стали избирать по рекомендации купечества. Особое внимание в этот период уделялось борьбе с неприсяжным посредничеством. Тем не менее, закон не обязывал торгующих на бирже купцов заключать сделки непременно через присяжных посредников. Лишь к концу XVIII — началу XIX в. биржа стала важным элементом экономики, а маклеры — непременным атрибутом биржевой торговли.

Примечания

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского государственного научного фонда (РГНФ), проект № 07-01-00306а.

1. МЖЕЛЬСКАЯ О.С. Лексика обиходно-разговорного языка Московской Руси XVI—XVII вв. (по данным иностранных руководств для изучения русского языка). СПб. 2003, с. 172, 184—185, 195.
2. Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (АСПБИИ), ф. 36, оп. 1, д. 556, л. 28об.; Полное собрание законов Российской империи. 1-е собр. (ПСЗ РИ I), т. V, № 3074, с. 490.
3. ЧУЛКОВ М.Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до настоящего. Т. 4. Кн. 6. М. 1786, с. 505.
4. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 9, отд. II, д. 76, л. 217—218об.
5. ЗАХАРОВ В.Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М. 1996, с. 119.
6. «Просил нас аглинский купец...». Документы из архивов России и Англии. 1714—1715 гг. — Исторический архив. 1994, № 3, с. 195.
7. ОГОРОДНИКОВ С.Ф. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении СПб. 1890, с. 157, 172—175.
8. Сборник Императорского Русского исторического общества (СИРИО), 1888, т. 61, с. 228—230.
9. ПЛАТОНОВ С.Ф. Из бытовой истории Петровской эпохи. I. Бенго-Коллегия в С.-Петербурге при Петре Великом. — Известия Академии наук СССР. 1926, т. 20, вып. 7—8, с. 527—530.
10. Собрание писем императора Петра I к разным лицам с ответами на оные. Ч. 1. СПб. 1829, с. 277. Ч. 2. СПб. 1829, с. 141; Письма и бумаги императора Петра I. Т. 13. М. 2003, вып. 2, с. 335—338.
11. СИРИО, 1888, т. 61, с. 228—230.
12. «Просил нас аглинский купец...», с. 190—192.
13. ЧУЛКОВ М.Д. Ук. соч. Т. 4. Кн. 1. М. 1785, с. 54.
14. Санкт-Петербургские ведомости. 16.XII.1729; 21.II, 4.IV, 30.V.1734.
15. Там же, 21.II, 11.VI.1734.
16. РГАДА, ф. 276, оп. 3, д. 33, л. 1—1об.
17. Там же, л. 2—2об., 8—9.
18. Там же, л. 2—2об., 6—7.
19. ПСЗ РИ I, т. VI, № 5682, с. 368.
20. РГАДА, ф. 276, оп. 3, д. 33, л. 2.
21. Там же, л. 7—8об.
22. Там же, л. 7.
23. ПСЗ РИ I, т. VIII, № 5420, с. 203; № 5682, с. 368.
24. РГАДА, ф. 276, оп. 3, д. 178, л. 2об.; АСПБИИ, ф. 36, оп. 1, д. 545, л. 369; ПСЗ РИ I, т. VIII, № 5682, с. 368.

25. ПЛАТОНОВ С.Ф. Ук. соч., с. 527—530.
26. ПСЗ РИ I, т. VIII, № 5420, с. 203; № 5682, с. 368.
27. РГАДА, ф. 276, оп. 3, д. 178, л. 1—2об., 5; ПСЗ РИ I, т. VIII, № 5682, с. 368.
28. РГАДА, ф. 276, оп. 5, д. 2854, л. 12об.; ф. 397, оп. 1, д. 485, л. 7об.—8.
29. ЗАХАРОВ В.Н. Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века. М. 2005, с. 408—409.
30. РГАДА, ф. 397, оп. 1, д. 485, л. 8; Санкт-Петербургские ведомости. 22.I.1743.
31. РГАДА, ф. 397, оп. 1, ф. 485, л. 8—8об.
32. АСПБИИ, ф. 36, оп. 1, д. 546, л. 364—366; ПСЗ РИ I, т. VI, № 3708, с. 301.
33. ПСЗ РИ I, т. VI, № 3708, с. 301.
34. АСПБИИ, ф. 36, оп. 1, д. 546, л. 368; ПСЗ РИ I, т. VIII, № 5410, с. 167; т. XIII, № 9660, с. 122.
35. ПСЗ РИ I, т. VIII, № 5410, с. 167.
36. Там же.
37. Там же, т. VII, № 4828, с. 568; т. XV, № 11 504, с. 977.
38. РГАДА, ф. 276, оп. 3, д. 1066, л. 13—15об.
39. ПСЗ РИ I, т. XV, № 11 504, с. 977.
40. Там же.
41. Там же.
42. Там же.
43. РГАДА, ф. 397, оп. 1, д. 488, л. 13об.
44. Там же, оп. 2, д. 190, л. 216об.
45. Там же.
46. Там же, л. 204—204об., 216об.
47. Там же, д. 190, л. 253об.
48. Там же, ф. 276, оп. 5, д. 2854, л. 6—6об.
49. Там же, л. 8.
50. Там же, ф. 397, оп. 2, д. 190, л. 252—254.
51. ПСЗ РИ I, т. XV, № 11 008, с. 388—389.
52. Там же.
53. КАЙДАНОВ Н.И. Систематический каталог делам Коммерц-коллегии. СПб. 1884, с. 236.
54. ПСЗ РИ I, т. XV, № 11 544, с. 1013; АСПБИИ, ф. 36, оп. 1, д. 545, л. 361—362, 371—372об.
55. ТИМОФЕЕВ А.Г. История С.-Петербургской биржи. 1703—1903. СПб. 1903, с. 52.
56. ГААО, ф. 58, оп. 1, д. 50, л. 28.
57. АСПБИИ, ф. 36, оп. 1, д. 546, л. 401.
58. ЧУЛКОВ М.Д. Ук. соч., т. IV, кн. 2, с. 440.
59. Цит. по: КОЗЛОВА Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е — начало 60-х годов). М. 1999, с. 184.
60. РГАДА, ф. 397, оп. 2, д. 190, л. 218—235, 250об.
61. ПСЗ РИ I, т. VIII, № 5420, с. 203—204.
62. Там же.
63. АСПБИИ, ф. 36, оп. 1, д. 556, л. 30об.
64. ТИМОФЕЕВ А.Г. Ук. соч., с. 46.
65. РГАДА, ф. 276, оп. 5, д. 2854, л. 9—10.
66. Там же, л. 10об.
67. ПСЗ РИ I, т. XIII, № 9660, с. 121—122; т. XV, № 11 504, с. 976—977.
68. Там же, т. XV, № 11 504, с. 977.
69. АСПБИИ, ф. 36, оп. 1, д. 545, л. 358—361об.; д. 556, л. 186.
70. Там же, д. 556, л. 186об.
71. ПСЗ РИ I, т. XXXII, № 25 476, с. 662—664.
72. Там же, II, т. VI, отд. 1, № 4255, с. 18—36.
73. Там же, с. 19—20.
74. Там же, с. 22.
75. Там же, с. 19, 23.
76. РГАДА, ф. 1261, оп. 6, д. 464, л. 5.

Огюст-Фредерик-Луи Вьес де Мармон

М.К. Чиняков

Имя маршала Первой империи и герцога Рагузского Огюста-Фредерика-Луи Вьес де Мармона широко известно российскому читателю, хотя он в Отечественной войне 1812 г. не участвовал. Более того, имя Мармона многое говорит тем, кто занимается не только изучением Наполеоновских войн, но и Июльской революцией 1830 г. во Франции: в первом случае — как главного подписанта капитуляции Парижа и в силу его поведения во время первого отречения императора Наполеона I Бонапарта; во втором — неудачной попыткой подавления революции.

Биография герцога Рагузского неоднократно рассматривалась французскими и в меньшей мере отечественными историками ¹. В целом французская историография не отвергает тезис о предательстве Мармона во время отречения Наполеона в апреле 1814 г., хотя и пытается относиться критически к данному тезису и принимает во внимание политическую неуверенность маршала во время Июльской революции 1830 г., подтверждая мнение герцога Рагузского о его невозможности защитить престол Бурбонов. Среди маршалов-мемуаристов Мармон занимает лидирующее положение — он оставил девять томов воспоминаний ², не считая пятитомных работ-отчетов о путешествиях ³. Мемуары маршала, опубликованные по его завещанию, охватывают период с его рождения до 1841 г. и подробно описывают кампании и сражения с его участием. Особенно Мармон подчеркивал положительное отношение Наполеона к собственной особе, с пренебрежением отзываясь о лицах, с которыми ему приходилось общаться.

С начала XVII в. предки маршала именовались Вьес (Viesse); фамилия Мармон (Marmont) имеет позднее происхождение. Истории известны шесть поколений будущего маршала. Первым из них был Пьер Вьес (?-1628), юрист, земельный собственник в провинции Бур-

Чиняков Максим Константинович — кандидат исторических наук, доцент Московского педагогического государственного университета.

гундия, принадлежавший к буржуазии, поскольку дворянами Вьесы стали при деде будущего маршала по имени Эдм (1700—1782), исполнявшего обязанности королевского судебного секретаря в парламенте Безансона, что давало право на дворянство. Однако Мармоны не входили ни в один гербовник. Именно Эдм Вьес приобрел в провинции Бургундия сеньорию Мармон, представлявшую собой обыкновенное пастбище у г. Шатильон-сюр-Сен.

Отец будущего маршала, Никола-Эдм Вьес (1729—1806), сеньор де Мармон, сеньор де Сент-Коломб, сеньор Мулен-Руж — конюший, служивший капитаном в пехотном полку Эно. После Семилетней войны (1756—1763) Вьес вышел в отставку и исполнял обязанности окружного королевского представителя в балляже Ламонтань, то есть выполнял функции контролера над местной администрацией. В 1769 г. Никола-Эдм женился на Клотильде-Виктуар Шапрон (1747—1815), дочери королевского советника и аудитора Парижской Счетной палаты, только что приобретшего право на дворянство ⁴.

От брака Никола-Эдма и Клотильды-Виктуар появились два ребенка: девочка, Александрина-Шарлотта (1771—1780) и мальчик, родившийся 20 июля 1774 г. в Шатильоне и нареченный Огюстом-Фредериком-Луи, но крещенный только девять лет спустя (15 марта 1783 г.). Таким образом, Мармон стал самым молодым из всех 26 наполеоновских маршалов. С 1780 г., после смерти сестры, 6-летний будущий герцог Рагузский оказался единственным наследником в семье, так как оба его дяди были католическими священниками (приорами) и не имели права иметь семью.

Детство Мармон провел в Шатильоне, где окончил коллеж и где раскрылась его любовь к точным наукам и истории. Мармон зачитывался биографией Вольтера, шведского короля Карла XII, которым искренне восхищался и которому старался подражать. Мармон-старший отдавал все силы на обучение сына: «Гораздо почетнее быть достойным того, чего не смог получить, чем получить то, чего ты не достоин» ⁵. Мармон-старший был человеком образованным и начитанным и привил сыну любовь к знаниям. Не случайно, наверное, Мармон возил с собой в кампаниях собственную библиотеку в 600 томов, любезно предоставляя книги офицерам своей свиты. В начале 1789 г. Мармон выехал для продолжения обучения в Дижон, где впервые повстречал «необычного человека, существование которого легло на Европу и весь свет невероятно тяжелым бременем. Он появился в моей жизни внезапно, ворвавшись словно молния, оставив после себя миру вихрь смятения и неуверенности и мрак темноты» ⁶, — писал он. Речь шла, безусловно, о Наполеоне Бонапарте — их познакомил двоюродный брат Мармона, шевалье Лёлье, друг Бонапарта по Бриенской и Парижской военным школам.

Хотя отец готовил для сына скорее карьеру юриста, Мармон испытывал тягу к военному ремеслу, тем более, что многие предки будущего маршала были военными: один из них, например, погиб во время Войны за Испанское наследство (1701—1713). Наверное, полагая, что это увлечение пройдет с возрастом, отец не стал возражать, и в 15 лет, 6 июля 1790 г., Мармон с помощью родственника, генерал-майора графа де Меэган, стал обладателем почетного чина су-лейтенанта гарнизонного батальона Шартра. Будучи отличным математи-

ком, юноша хотел использовать в будущей службе свои способности к точным наукам. В январе 1792 г. Мармон поступил в Шалонскую артиллерийскую школу, где его однокурсником стал будущий наполеоновский генерал и ближайший друг императора Ж. Дюрок. Математические дисциплины давались Мармону легко в отличие от латыни, и он был на хорошем счету у преподавателей.

Во время его учебы во Франции произошло крупное событие — 10 августа 1792 г. в Париже была свергнута королевская власть. К самой Революции 1789 г. 15-летний Мармон отнесся в целом положительно, руководствуясь любовью к родине и славе, но свержение монархии вызвало у будущего маршала, по его словам, чувство огромного сострадания и сочувствия судьбе «несчастливого короля»⁷. Об истинных чувствах маршала остается только догадываться, хотя традиционно считается, что Мармон на тот момент был монархистом. Например, известен случай, когда в августе, после свержения Людовика XVI, он отказался кричать «Да здравствует республика!», за что чуть было не поплатился жизнью⁸.

Получив 1 сентября 1792 г., в 17 с половиной лет, чин второго лейтенанта артиллерии, Мармон был выпущен в 1-й полк пешей артиллерии, бывший Лаферский — именно в этом полку начал проходить службу шесть лет назад другой дворянин, второй лейтенант артиллерии Наполеоне Буонапарте. В феврале 1793 г. Мармон получил чин первого лейтенанта и был отправлен в Альпийскую армию. Впечатления об участии в боевых действиях Мармон излагал в письмах к родителям достаточно спокойно: «Пули, свистевшие над моей головой, производили на меня мало впечатления. Они казались мне детскими игрушками по сравнению с пролетающими мимо ядрами»⁹.

В ноябре 1793 г. капитан артиллерии (с 12 ноября) Мармон получил приказ отправиться на усиление войск, осаждавших Тулон, и прибыл к осажденному городу 2 декабря под начальство командующего осадной артиллерией капитана артиллерии Бонапарта, вспомнившего юношу, с которым не виделся с момента первой встречи в 1789 г. в Дижоне. При генеральном штурме Тулона 17 декабря Мармон отличился на глазах будущего императора, обратившего на него внимание. Общий вкус к точным наукам, общность мелкодворянского происхождения — все это сближало 19-летнего Мармона с 24-летним Бонапартом, знакомство которых вскоре переросло в дружбу. Когда Бонапарта постигла опала летом 1794 г., Мармон, без разрешения от начальства, незамедлительно последовал за ним в Париж вместе с другим участником осады Тулона Ж.-А. Жюно, с которым Мармон подружится на всю жизнь. Вместе они образовали тесный дружеский круг. Позднее покинутый всеми император скажет о Мармоне с горечью в голосе: «Человек, с которым я делил свой хлеб!»¹⁰. Это была правда в буквальном смысле слова. Тем не менее, в июле 1812 г. Наполеон заявил, что не знал полной «осадки его корабля»¹¹.

После назначения Бонапарта командующим Итальянской армией, он взял с собой Мармона в качестве адъютанта. Мармон, с 12 мая того же года первый адъютант Бонапарта, участвовал во всех важных сражениях Итальянской кампании (1796): при Лоди, где во главе отряда захватил первую пушку у врага, за что был награжден почетной саблей; при Кастильоне, где эффективно использовал конную артил-

лерию, выдвинув ее в первые линии боевых порядков; при Арколе, где вместе с братом командующего, Луи Бонапартом, помогал Наполеону выбраться из канавы ¹².

4 октября Мармон представил Директории в Париже 22 трофейных знамени, взятых во время сражения при Сан-Джорджо, где он также отличился; 13-го Мармон получил (временно) чин бригадного командира (полковника) (утвержденный 1 января 1797 г.). Во время второй своей Итальянской кампании (1797) Мармон продолжил боевую службу в Итальянской армии: сражался при Риволи, участвовал в принятии капитуляции австрийского гарнизона Мантуи.

В 1798 г. 24-летний бригадный командир Мармон решил обустроить личную жизнь, но все оказалось не так просто. У начальника бригады Мармона за несколько месяцев провалились несколько брачных проектов. В первом случае отвергли Мармона, во втором причиной расстройств свадьбы стал он сам, отвергнув Полину Бонапарт, которую ему предложил в супруги ее брат Наполеон ¹³. Во время пребывания в Париже по случаю доставки Директории трофейных знамен, вечером того же 1 октября 1796 г. он присутствовал на балу, где познакомился с «приятной и хорошенькой» ¹⁴ Анной-Марией-Гортензией Перрего (1779—1855), дочерью парижского банкира. Они посчитали себя созданными друг для друга. Отец проявил недовольство выбором дочери и попытался даже разрушить их отношения, но наткнулся на твердый отказ Гортензии: «Права ваши надо мной не могут распространяться на желания моего сердца... Любезный батюшка, проявите сострадание к вашему несчастному дитя, еще есть время. Скорее можно умереть, чем что-то изменить» ¹⁵. Свадьба состоялась 12 апреля 1798 г.: мужу было 24 года, супруге — 18 с половиной лет; он — католик, она — протестантка. В материальном плане Мармону крупно повезло: в качестве приданого он получил миллион франков и парижский особняк. Бонапарт выделил счастливым молодоженам полмиллиона франков. Вместе с тем, свадьба прошла несколько странно: отсутствовали родители жениха и сам Бонапарт.

Брак оказался неудачным. Детей Мармон, как и маршалы Г.-М.-А. Брюн и Ж.-М.-Ф. Серюрье, не имел, что, вероятно, во многом способствовало краху союза (у Мармона не было детей и от внебрачных связей). В целом маршал, не являясь образцом добродетельного супруга, отзывался не очень лестно о супруге, обвиняя ее в неверности, поскольку его долгое отсутствие давало повод для подозрений. Маршал называл супругу «эгоистичной, страстной, безрассудной и избалованным ребенком». Он говорил, что «добрые поступки вовсе не были чужды ей, но она обладала очень большим самолюбием, и ее резкость разрушала достигнутое. Позднее льстецы намеренно забыли ее недостатки, а ее неправота в мой адрес была безгранична и беспредельна» ¹⁶. Автор истории маршальской семьи возлагал вину за развалившийся брак на Мармона, снедаемого огромными амбициями и неумным тщеславием ¹⁷. К концу жизни маршальша жестоко страдала от рака, обезобразившего ей лицо, и никуда не выходила из дома. Ее единственным настоящим пристрастием стало коллекционирование драгоценных книг, которые пошли с молотка после ее смерти. По ее завещанию беднякам раздали 2 тыс. франков. Она пережила супруга на три года, скончавшись 25 августа 1855 г. в возра-

сте 78 лет, и была похоронена на парижском кладбище Пер-Лашез, оставив о себе добрую память.

Спустя месяц совместной жизни, 7 мая 1798 г. первый адъютант командующего Восточной армией Бонапарта Мармон оставил жену и вместе с Бонапартом отправился в Египетский поход (1798—1801). «По пути» эскадра остановилась на Мальте, где 10 июня во главе пяти батальонов Мармон, после недолгого боя, занял древнюю резиденцию мальтийских рыцарей и лично захватил их знамя (изображение знамени войдет в герб Мармона). Бонапарт оценил заслуги адъютанта, наградив

его в тот же день, 10 июня, долгожданным для Мармона чином бригадного генерала (утвержден 9 сентября 1800 г.). Таким образом, среди 26 наполеоновских маршалов Мармон стал, наряду с Л.-Н. Даву, одним из двух самых молодых офицеров, получивших чин бригадного генерала в 23-летнем возрасте. По прибытии в Африку Мармон участвовал в самых важных сражениях: взятии Александрии, сражениях при Пирамидах. Отправившись в Сирийский поход, Бонапарт сделал Мармона комендантом Александрии, ни разу не пожалев об этом: 3 февраля 1799 г. Мармон отбил попытку высадки английского десанта и в течение всего периода пребывания на посту успешно решал разные вопросы, начиная от подведения питьевой воды в город и заканчивая пропагандой среди французских солдат уважения к исламу.

Вместе с Бонапартом 22 августа 1799 г. Мармон убыл во Францию и встал на сторону главы заговора брюмерского переворота, хотя, в отличие от Ф.-Ж. Лефевра и И. Мюрата, никакой выдающейся роли в событиях сыграть не успел. После победы Первый консул предложил другу либо возглавить артиллерию Консульской гвардии, либо стать государственным советником. Поскольку Мармон не хотел подчиняться Ж. Ланну, командующему гвардией, он выбрал второй вариант. На этом посту Мармон занимался решением административных вопросов, касавшихся военного ведомства.

Мармон участвовал в третьей Итальянской кампании (1800), опять вместе с Бонапартом, но уже в качестве командующего артиллерией Итальянской армии. При переправе через Альпы Мармон придумал класть стволы пушек в выдолбленные еловые стволы, чтобы легче транспортировать артиллерию по горным склонам. При атаке важного форта Бард Мармон догадался обернуть колеса соломой и ночью,

соблюдая строжайшую тишину, незаметно доставил на боевую позицию несколько пушек на расстояние пушечного выстрела от противника, в результате чего форт пал. В самый решающий момент сражения при Маренго Мармон умело распорядился действиями артиллерии Итальянской армии, во многом поспособствовав победе Первого консула. Не удивительно, что 9 сентября 25-летний Мармон получил чин дивизионного генерала, а через два года после Амьенского мира (1800), 16 сентября 1802 г., — ответственную должность генерал-инспектора артиллерии.

2 октября 1803 г. Мармон был награжден первым орденом — крестом легионера ордена Почетного легиона. Впоследствии он получил Большой офицерский крест (1804) и Большой крест того же ордена (1805). Мармон стал одним из редких наполеоновских маршалов — полных кавалеров самого престижного военного ордена Старого порядка — ордена Св. Людовика: шевалье (1814), командор (1816) и Большой крест (1820), а также кавалером ордена Св. Духа (1820). Кроме того, Мармон награждался иностранными орденами: крестом шевалье ордена Золотого орла (или орден Большой охоты) (Вюртемберг, 1806 г.), был командором Железной Короны (Итальянское королевство, 1805 г.) и командором того же ордена (Австрийская империя, 1817 г.). Кроме того, Мармон имел редкую для маршалов награду в виде российского ордена Св. Андрея Первозванного (1826).

Будучи другом Бонапарта и искренне восхищавшийся им, его первый адъютант с 1796 г., прошедший вместе с ним три Итальянские кампании и Египет, поддержавший его во время брюмерского переворота, способствовавший победе Первого консула при Маренго, Мармон испытал невиданное разочарование, когда не нашел собственного имени в первом списке маршалов. Обладая излишним самомнением, Мармон высказал Бонапарту, что он заслужил жезл более, чем кто-либо другой, но глава государства оставил стенания друга без ответа¹⁸. Нельзя не восхититься действиями Наполеона, сумевшего отделить дружбу от профессионализма — несмотря на свои достоинства, Мармон был чересчур молод (в 1804 г. ему исполнилось 30 лет) и никогда не командовал крупными воинскими соединениями. Армия совершенно не знала Мармона. Таким образом, в мае 1804 г. дружба Мармона и Бонапарта дала серьезную трещину.

Во время подготовки высадки на берегах «туманного Альбиона», 14 июня 1803 г. Бонапарт назначил Мармона командующим артиллерией шести военных лагерей (будущей Великой армии), с 5 февраля 1804 г. — командиром так называемого Голландского корпуса (с 30 августа 1805 г. 2-й армейский корпус Великой армии). Мармон вспоминал: «Войска быстро достигли степени обученности, которую трудно себе вообразить. Я никогда не видел французские части достигшими по боевой подготовке столь высокой степени совершенства»¹⁹.

Желая занять солдат и прославить императора и Францию, Мармон велел построить рядом с лагерем земляную пирамиду, подобную египетским²⁰. В сентябре 1804 г., по истечении 27 дней, приказ был выполнен, и 36-метровая пирамида получила в честь создателя название «Холм Мармона» (Marmonberg). 21 октября 1804 г. прошло торжественное открытие. На каждой из четырех сторон были плиты с прославлявшими императора и подвиги французской армии надпися-

ми. На вершине холма стоял деревянный 13-метровый обелиск. После победы Наполеона при Аустерлице пирамида получила второе название — «пирамида Аустерлица». Со временем пирамида разрушилась, но в 1894 г. была отреставрирована; деревянный обелиск был заменен каменным. Это сооружение — единственное в своем роде на территории Нидерландов.

С началом Австрийской кампании (1805) Мармон выступил в поход. В его корпусе существовала железная дисциплина. Так, вольтижер 11-го линейного полка П. Робино вспоминал: «Командующий Голландской армией (имелся в виду 2-й корпус. — М.Ч.) блестяще поддерживал великолепную дисциплину, и каждый легко выполнял свой долг»²¹. Корпус Мармона участвовал в Ульмской операции и, преградив путь при Граце эрцгерцогу Карлу, прикрыл правый фланг сил Наполеона, благодаря чему австрийцы не успели соединиться с главными силами. Не случайно Наполеон сказал в ноябре 1805 г.: «Я не перестаю выражать знаки удовольствия Мюрату, Ланну, Даву, Сульту и Мармону»²².

После Аустерлица Наполеон отправил Мармона в Далмацию, отданную Австрией Франции по Пресбургскому миру (1805) и включенную Наполеоном в состав Итальянского королевства. С 7 июля 1806 г. генерал стал командующим Далматской армией и генерал-губернатором Далмации и должен был изгнать находившиеся там русские войска и флот под командованием вице-адмирала Д.Н. Сенявина, контролировавшие опорные пункты и, прежде всего, важный портовый город Котор.

1 августа 1807 г. Мармон вошел в Рагузу (совр. Дубровник, Хорватия), где разместил свою штаб-квартиру, а затем выступил на Котор. Однако попытки захватить порт силой окончились неудачно: в сентябре Мармону пришлось, сбросив в море под Котором свои пушки и большое количество провианта, отступить. Генерал откровенно признавался: «Начало кампании никуда не годилось»²³. Победу при Кастельнуово (совр. Херцег-Нови, Черногория) (1—2 октября) каждая сторона приписала себе²⁴, но 3-го Мармон отошел обратно к Рагузе, затем потерял несколько островов в Адриатике, и против французов вспыхнуло восстание в Далмации. Ситуация для Мармона улучшилась только с подписанием Тильзитского мира (7 июля 1807 г.), по которому Россия отдала Котор французам, и Сенявин убыл в Россию через Гибралтар²⁵.

На подвластной ему территории Мармон реорганизовал находившиеся под его командованием воинские части, обеспечил их снаряжением, формой, амуницией, повысил боевой дух, укрепил крепости, включая и Рагузу. Силами солдат Мармон проложил 300 км дорог через горы и равнины вглубь территории, так как все основные трассы проходили только вдоль побережья. Одновременно Мармон способствовал развитию культуры, искусства и образования: поощрял строительство и развитие театров, литературных салонов, основал лицей в Заре (совр. Задар, Хорватия), Рагузе.

В Рагузе Мармон не забывал и о собственном комфорте, обустроив местный замок по собственному вкусу, устраивая там роскошные пиры и балы. Он постоянно просил жену высылать ему деньги, причем в больших количествах. Наполеон стал подозревать Мармона

в нецелевом расходовании выделяемых ему государственной казной Франции денежных средств, и генералу пришлось оправдываться, отправляя Наполеону длинные письма. В итоге виновным признали финансового чиновника, которого император отозвал в Париж. Не исключено, что Мармон проявлял необыкновенное расточительство, пытаясь показать престиж и всемогущество Франции, по-видимому, в собственных глазах олицетворяя ее и себя. Удивительно другое: во время финансового скандала и упреков в чрезмерных расходах император 15 апреля 1808 г. возвел друга в сан герцога Рагузского (патент на титул был получен через пару месяцев, 28 июня). Мармон стал шестым герцогом среди всех 16 герцогов-маршалов и, как потом оказалось, первым среди будущих маршалов.

В 1809 г. Австрия развязала очередные военные действия против Франции. Наполеон, срочно прибывший из Испании на новый театр военных действий, призвал к себе все силы, в том числе Мармона из Далмации. Движение Мармона на усиление главных сил встретило сопротивление, и ему приходилось продвигаться с боями. 28 июня Наполеон в своей излюбленно резкой манере заявил герцогу Рагузскому: «Под вашим командованием 10 тыс. человек, а вы не можете заставить их повиноваться себе!... Что же вы будете делать, когда вам придется руководить 120 тыс. человек?!»²⁶ Однако Наполеон проявил чрезмерную суровость: в действительности Мармон, «побеждая на пути природу и многочисленного неприятеля», привел войска к Ваграму с минимальными потерями²⁷.

Во время сражения при Ваграме корпус Мармона находился во второй линии. Когда корпус Н.-Ш. Удино ринулся в атаку, Мармон обратился к Наполеону за дальнейшими распоряжениями, на что император ответил: «Поскольку я не могу быть везде одновременно, предоставляю вам право действовать по вашему же усмотрению»²⁸. В результате Мармон не двинулся с места, и Наполеон бросил злую реплику в адрес герцога Рагузского: «Мармон, вы маневрировали, как устрица», что привело Мармона в жуткое отчаяние²⁹. Во время преследования австрийцев из-под Ваграма Мармон, находясь в авангарде армии, по собственной инициативе вступил утром 10 июля при Цнайме (совр. Зноймо, Чехия) в неравную и ожесточенную борьбу с эрцгерцогом Карлом и удержался на занимаемых позициях до подхода утром следующего дня маршала А. Массена. Французы готовились к продолжению боевых действий, но Карл предложил перемирие, и в 2 часа ночи 12 июля Наполеон согласился.

Победоносное окончание кампании Наполеон отметил вручением трех маршальских жезлов в тот же день, 12 июля 1809 г., — Э.-Ж.-Ж.-А. Макдональду, Мармону и Удино. Таким образом, Мармон и Даву оказались самыми молодыми наполеоновскими генералами, ставшими маршалами в 34 года, но таланты Даву, безусловно, неоспоримы.

Наполеон пытался обставить вручение жезла как сюрприз, но герцог Рагузский принял адъютанта начштаба «Германской армии» маршала Л.-А. Бертье со столь важным известием очень холодно, получив жезл как должное и не будучи благодарным кому-либо: «Да, я был доволен, но не вне себя от восторга»³⁰.

Традиционно факт вручения Мармону маршальского жезла объяснялся двумя факторами: во-первых, дружбой с императором,

поскольку не случайно в армии говорили, что именно дружба выбрала Мармона маршалом³¹; во-вторых, Наполеон, достигший победы с небывалым трудом, был щедр на награды. Однако один из биографов маршала выдвинул любопытную версию — после смерти тестя Мармон стал, посредством жены, совладельцем огромнейшего, как минимум, во Франции банковского капитала, и император пытался заплатить Мармону некий выкуп за развод в виде назначения титула герцога Рагузского (17 февраля 1808 г. умер Перрего, а 15 апреля Мармон получил герцогский титул) и производства в маршалы, чтобы самому жениться на мадам Мармон³². (Как известно, в декабре 1809 г. последовал официальный развод Наполеона с Жозефиной, а в марте 1810 г. свадьба с Марией-Луизой).

После завершения кампании Наполеон отправил маршала обратно в Далмацию, но в новом качестве: 8 октября 1809 г. император назначил герцога Рагузского генерал-губернатором (первым) Иллирийских провинций (автономной области в составе Первой империи), отданных Австрией Франции по условиям Шёнбруннского мира (1809). Перед Мармоном Наполеон ставил очень сложную задачу — сделать провинции фактически частью Франции, подчинить их население французскому императору, обеспечить его полную лояльность и сделать его источником поступления в наполеоновские войска живой силы. Фактически Мармон превращался в Иллирийских провинциях в некоронованного «короля Иллирии», «Мармона I». Маршал прекрасно понимал преимущества своего положения: «Если сказать одним словом, без преувеличения, я был настоящим вице-королем с неограниченными полномочиями»³³.

Первоначально Мармон решил вопросы территориальной безопасности на границе с Османской империей. Убедившись в отсутствии желаний турок уладить приграничные конфликты дипломатическим путем, Мармон приступил к радикальным мерам: в ответ на их нападения он с отрядом хорватов вторгся на турецкую территорию, разгромил попавшиеся ему отряды, взял трофеи, разорил и сжег в отместку пару селений, брошенных населением. Маршал нагнал столько страху на турок, что, по его словам, они пугали его именем детей³⁴. Укрепив внешние границы, Мармон навел порядок внутри Иллирии, действуя против многочисленных банд и недовольных французами крестьян, причем не только с помощью военных операций: он, например, ставил солдат на постой в дома, где жили сообщники смутьянов или разбойников. Через короткий срок в Иллирии воцарилось, хотя и относительное, но спокойствие.

В рамках строительства нового, буржуазного общества Мармон частично отменил феодальные привилегии, ввел Кодекс Наполеона, гражданский брак вместо церковного, предоставил всем гражданам равные права перед законом, подчинил местные суды французским судебным институтам, хотя большинство французских законов не применялось в Иллирии, и иллирийцы не имели французского подданства³⁵.

Мармон прокладывал новые дороги, строил мосты, укреплял таможенную службу, открывал биржи, основал почту, упорядочил налоговые сборы, развивал экономику. Для пополнения французской армии ввел обязательную воинскую повинность, провел реформы для

хорватских частей, вызвавшие широкую поддержку среди хорватских офицеров ³⁶.

В Иллирии возникли даже масонские ложи, но вряд ли благодаря Мармону, ибо вместе с Бертье, Ж.-Б. Журданом и Л. Гувион Сен-Сиром его принадлежность к масонству осталась невыясненной ³⁷. Существует предание, что в 1810 г. именно Мармон посадил на территории будущей Словении первые липы, ставшие ее символом.

С 4 июля 1810 г. генерал-губернатор реорганизовал систему учебных заведений, ввел преподавание на сербскохорватском (его называли иллирийским) языке в начальной школе. Политика Мармона в поощрении местных языков создала предпосылки для возникновения и расцвета в 1830—1840-е гг. иллиризма. В правление «Мармона I» выходила официальная газета «Официальный телеграф» на французском и сербскохорватском языках; началась подготовка к изданию франко-сербскохорватского словаря, вышедшего в 1812 году. С другой стороны, в лицах в крупных городах обучение велось на итальянском языке, слабую конкуренцию которому составлял французский.

Как всегда, Мармон не забывал и о себе: в столице Иллирии Лайбахе (совр. Любляна, Словения) процветал маршальский двор, при котором работала сотня слуг с добрым десятком поваров; для выездов Мармона содержались конюшни с сотней лошадей, а для охоты наголове были своры собак.

Именно во время правления Мармона в Иллирии он получил очень неблагозвучное прозвище «Monsieur de Culfier» («Господин Гордозады»). Когда Мармона посетил губернатор Триеста генерал граф Л.-М.-Ж.-А. Нарбонн-Лара, внебрачный сын Людовика XV, Мармон принял его стоя, на что граф величественно заметил: «Господин маршал, я потерял привычку беседовать стоя, и могу не расслышать ваши инструкции...» ³⁸.

Сам Мармон вспоминал: «Моя служба заканчивалась не позднее трех часов пополудни. Решения приняты, документы подписаны, и с этого времени до вечера я предавался прогулкам, охоте, празднествам и всевозможным удовольствиям... Все дела по Иллирии я решал исключительно с одним министром — министром финансов, по военным вопросам французских войск — с военным министром» ³⁹. Налогового бремени и рекрутских наборов не стало меньше (в 1811 г. в Хорватии вспыхнуло восстание против наборов в армию), Континентальная блокада привела к упадку торговли и промышленности. Из-за нехватки денег закрывались многочисленные школы. Мармону так и не удалось найти компромисс на межэтническом уровне, ибо в Иллирии проживали несколько разных народов, и на межконфессиональном, ибо представители власти принадлежали к католикам, стремившимся ущемить православные народы. В целом реформы Мармона оказались выгодны только небольшой группе населения. К тому же австрийцы вели в Иллирии, бывших своих землях, успешную антифранцузскую пропаганду ⁴⁰. Таким образом, «правление» Мармона для упрочения престижа и влияния Франции в Иллирии оказалось неудачным. Возможно, причины отправки Наполеоном Мармона в Испанию как раз и крылись в неспособности маршала справиться с иллирийскими проблемами. Однако вина в неудачах должна лежать не только на герцоге Рагузском, но и на политике неопределенности статуса Иллирии в частности.

С 9 апреля 1811 г. Мармон был назначен командиром 6-го армейского корпуса Португальской армии вместо Нея, а месяц спустя, 7 мая, маршал заменил Массену на посту командующего Португальской армией, находившейся в тяжелом положении: не хватало ни боеприпасов, ни формы, ни провианта, ни денег. Мармон приступил к реорганизации армии, одновременно пытаясь и здесь обустроить быт войск, но ввиду отсутствия денег, по сравнению с пребыванием в Иллирии, достиг меньших успехов, хотя, например, ввел среди своих войск ручные мельницы, позволявшие солдатам эффективно выпекать хлеб в полевых условиях ⁴¹.

Герцог Рагузский не изменил себе: в Валладолиде он превратил собственную штаб-квартиру в настоящий королевский двор, стоивший огромных денег, на которые, по словам очевидца, генерала П.-Ш.-Ф.-А.-А.-Д. Тьебо, можно было содержать кавалерийский полк. Ужины, балы, обеды следовали друг за другом без перерыва. На них прислуживали двести лакеев, состоявших под управлением дворецких и трех интендантов ⁴². Подобные затраты не входили в бюджет армии, и солдаты прозвали маршала «король Мармон». Наполеон часто жаловался, что его «лейтенанты» потеряли привычку к простоте, подобавшей генералам на войне. Быстрота маршей в героическую эпоху революционных войн оказалась не более чем воспоминаниями.

По прибытии на новый театр военных действий Мармон объединился с герцогом Далматским Сультом, и маршалы подступили к Бадахосу, окруженному А. Веллингтоном, поспешившим 18 июня 1811 г. отступить. Город был спасен. Однако дальнейшее взаимодействие между французскими командующими приостановилось. Умелые действия Веллингтона по разъединению французских группировок привели к изоляции Мармона от трех армий: Сульта, короля Испании Жозефа и Л.-Г. Сюше. 22 июля 1812 г. произошло сражение Мармона при Арапилах (или при Саламанке) с англо-испано-португальским войском Веллингтона.

Маршал допустил ряд непростительных ошибок. После того, как он ввел в атаку две дивизии, оказавшиеся изолированными от главных сил, во французской передовой линии образовалась брешь примерно в пару километров, в которую Веллингтон незамедлительно бросил войска. Это и решило исход сражения. Веллингтон нанес серьезное поражение французам ⁴³. Мармон попытался переломить ход сражения, но получил тяжелое ранение и не смог больше руководить боем. Авторы известного коллективного военно-исторического труда о республиканских и наполеоновских войнах Франции едко заметили, что ранение маршала спасло французам от худшего поражения, поскольку его преемником стал генерал Б. Клозель, умело выведший войска из-под удара союзников ⁴⁴. Раненого Мармона отправили в Бургос, затем в Байонну. Он выжил во многом из-за бережного к нему отношения со стороны его свиты. Маршал вспоминал: «Ни одна сиделка в мире не проявляла столько забот при уходе за юной роженицей, как за мной мои ветераны» ⁴⁵.

При Арапилах французы потерпели первое крупное поражение на полуострове. Проигрыш Мармона серьезно повлиял на расстановку сил на полуострове: французы понесли серьезные потери в живой силе (25%); потеряли Южную Испанию; Сульт снял осаду Кадиса, и

Веллингтон вступил в Мадрид. Однако силы французов еще были велики. Мармону Арапилы принесли одни несчастья, так как битва стала первым крупным сражением, в котором он участвовал в качестве маршала.

Не залечив ранение, с правой рукой на перевязи Мармон 12 марта 1813 г. возглавил 6-й армейский корпус. Герцог Рагузский участвовал во всех крупнейших сражениях: при Лютцене, где чуть было не погиб вечером 2 мая во время паники среди чинов 37-го полка легкой пехоты, спровоцированной атакой прусских гусар, Бауцене, Дрездене и Лейпциге, где в течение двух суток оборонял позиции, и где под ним убили четырех лошадей, а ему оторвало картечной пулей два пальца на левой руке: большой и указательный. Во время Плейсвицкого перемирия Мармон, как в Иллирии, предался развлечениям, в частности, охоте. Как вспоминал очевидец, в окрестностях Бунцлау, где находилась штаб-квартира 6-го корпуса, «эти охоты проводились с таким размахом, какого нигде не наблюдалось во Франции»⁴⁶.

Во главе того же 6-го корпуса Мармон, страдая от испанских и германских ранений, принял активное участие во Французской (Шампанской) кампании 1814 г.: при Бриенне, Ла Ротьере, Шампобере, Монмирайле, Вошане. В ночном сражении при Лаоне (с 9 на 10 марта) герцог Рагузский проявил полную неосмотрительность, «безответственное поведение»⁴⁷, граничившее с некомпетентностью: не побеспокоившись о войсках, маршал удалился на ночлег в один из замков, в нескольких километрах от места сражения. В итоге его корпус, подвергшийся ночной атаке пруссаков, только благодаря счастливой случайности остался существовать как боевая единица. 11 марта Наполеон высказал суровое мнение о военных талантах маршала: «Герцог Рагузский вел себя как последний су-лейтенант»⁴⁸. Правда, Мармон несколько реабилитировал себя в одной из последних блестящих побед императора — при Реймсе (13 марта), освобождение которого в своих мемуарах достаточно метко назвал «последней улыбкой фортуны»⁴⁹.

Вместе с командиром Сводного армейского корпуса Императорской гвардии маршалом Э.-А.-К. Мортье Мармон проиграл очередное сражение, при Фер-Шампенуазе, и отступил к столице. Вечером 29 марта маршалы прибыли в Париж и вместе с Кларком, признавая бессмысленность борьбы за столицу, приняли решение бороться во имя спасения чести армии. В течение всего 30 марта Мармон достойно и энергично сопротивлялся атакам союзных войск, но силы оказались слишком неравными. Командир одной из бригад 6-го корпуса генерал П. Пельпор вспоминал о действиях маршала: «Какое великолепное зрелище! Маршал Франции и два генерала с тремя сотнями конскриптов сражаются за столицу великой Империи на улицах Бельвиля (пригород Парижа. — М.Ч.)... Этот последний бой украсил всю Французскую кампанию и достойно завершил ее»⁵⁰.

Приблизительно около 13 час. 30 мин. Мармон получил распоряжение Генерального заместителя империи Жозефа Бонапарта, разрешавшее ему вступить в переговоры с союзниками о прекращении огня (четкая цель переговоров не указывалась), но Мармон продолжал оказывать неприятелю упорное сопротивление и воспользовался предоставленным ему Жозефом правом только в 15 час. 30 мин., от-

правив к союзникам парламентаров с предложением заключить временное прекращение огня.

Переговоры об условиях вывода французских войск из столицы и ее судьбе проходили в парижском особняке Мармона Паради-Пуассоньер в сложной обстановке. Союзников представляла делегация во главе с российским статс-секретарем К.В. Нессельроде, французскую сторону — маршалы Мармон и Мортье, который через некоторое время заявил об отказе их продолжать; в итоге Мармон остался один. Около 2 час. ночи 31 марта герцог Рагузский фактически подписал капитуляцию Парижа, превратившись в могильщика Первой империи, хотя, судя по воспоминаниям министра иностранных дел генерал А.-О.-Л. де Коленкура, император обвинял в сдаче столицы не Мармона, а Жозефа ⁵¹. В ночь с 30 марта на 1 апреля Мармон встретился с Наполеоном в Фонтенбло и лично рассказал ему об обстоятельствах сражения и ухода войск из Парижа, получив, по словам маршала, похвалу из уст императора ⁵². Встреча оказалась последней.

В 1814 г. Мармон, как и все другие маршалы, больше не верил в победу Наполеона и его гений. По мнению автора биографического очерка о маршале солидного многотомного сборника «Славные деяния кавалеров ордена Почетного легиона», можно было сомневаться в искренности и порядочности поступков Мармона. Маршалу иногда даже приписывали чистейшие выдумки, которые легко опровергались даже его критиками ⁵³. Мармон допускал много просчетов в сражениях и кампаниях, вызывая справедливую критику в свой адрес со стороны императора. 4 марта император сообщал военному министру герцогу Фельтрскому генералу А.-Ж.-Г. Кларку: «Вы мне прислали письма Мармона. Чрезмерное тщеславие маршала сквозит в них; он всегда непризнан окружающими: он всегда все сделал и все предусмотрел. Он снедаем чувством досады, что со своими великими талантами никак не может избавиться от невезения» ⁵⁴. Вместе с тем сам Наполеон допускал множество просчетов, не говоря уже о других маршалах, хотя из них только Мармон чуть было не потерял весь корпус по совершенной глупости.

Как известно, Мармон стал ответственным лицом и за отречение императора. Участие герцога Рагузского в событиях, завершивших историю Первой империи, бесспорно. Но был или нет Мармон в апрельские дни 1814 г. предателем? Событиям апрельских дней его главнейшие участники отводили большое место в своих воспоминаниях ⁵⁵.

К 1 апреля Наполеон располагал под Парижем 60 тыс. чел, из них 12 тыс. — 6-го корпуса, против 140—145 тыс. союзников. Ожидая подкреплений, Наполеон был полон решимости дать сражение союзникам. По наполеоновской диспозиции, 1 апреля корпус Мармона закрепился у селения Эссон (совр. Корбейль-Эссон). Однако к концу 3 апреля Наполеон натолкнулся на нежелание продолжать борьбу со стороны генералитета в лице маршалов Бертье, Лефевра, М. Нея, Удино и Макдональда, и был вынужден принять решение об отречении в пользу сына при регентстве императрицы Марии-Луизы. Для переговоров с союзниками Наполеон назначил делегацию в составе Нея и Макдональда, предоставив Мармону, при его желании, возможность войти в состав делегации. В 17 час. 4 апреля делегация прибыла в Эссон.

Тем временем, вечером 30 марта, то есть еще до официального подписания капитуляции Парижа, к Мармону прибыл Ш.-М. де Та-

лейран-Перигор (с 1 апреля глава временного правительства), пытавшийся заставить маршала отказаться от идеи воевать за императора. Мармон, по его собственным словам, во всем отказал Талейрану.

Около полудня 3 апреля к Мармону обратился эmissар Талейрана с постановлением Сената от 2 апреля, объявившим императора, его семью и всех его потомков лишенными престола и освободившим всех гражданских и военных чинов от присяги Наполеону. Утром 4 апреля эmissар, получив устное согласие Мармона на сотрудничество с временным правительством, убыл обратно в Париж. (Подобного рода миссии были отправлены Талейраном не только Мармону.)

Вечером 3 апреля, или утром 4 апреля, Мармон вступил в переписку с командующим Богемской армией К.Ф. Шварценбергом и сообщил ему о готовности перейти со всеми своими войсками на сторону временного правительства: «Сентаский декрет освободил армию и народ от присяги императору... Я готов оставить с моими войсками императора Наполеона»⁵⁶. Таким образом, на фоне постановления Сената от 2 апреля, втайне от Наполеона, Мармон согласился по собственной инициативе на контакт с союзниками и французским временным правительством во главе с Талейраном.

По прибытии к концу дня 4 апреля в Эссон, Коленкур, Макдональд и Ней встретились с Мармоном и, отправив Шварценбергу просьбу о разрешении прибыть в Париж для переговоров, стали ждать ответа. В ходе беседы уполномоченных Наполеона с Мармоном последний получил сведения о цели поездки делегации. Мармон, по его словам, попросил их взять его в Париж с целью, как он сам утверждал, уведомить Шварценберга о прекращении с ним всяких отношений. Нельзя не заметить, с одной стороны, что ни один из уполномоченных не решился известить Наполеона о действиях Мармона, заключавшихся в налаживании переписки с неприятелем, не говоря уже об отсутствии с их стороны решения об аресте Мармона, выглядевшего бы логическим шагом. С другой стороны, неизвестно, что конкретно рассказал Мармон Коленкуру, Макдональду и Нею. Скорее всего, Мармон не посвятил уполномоченных во все детали взаимоотношений с союзниками.

Оставив корпус до своего возвращения под командованием Ж. Суама как самого старшего из дивизионных генералов, Мармон приказал не двигаться с места без его разрешения. Если Мармон по-прежнему не оставлял мысли о спасении Франции, как он всегда утверждал, его отъезд в Париж можно объяснить одним из ходов в сложной игре, заключавшейся в обеспечении алиби за предстоявший переход его корпуса на сторону союзников.

Пока трое уполномоченных находились в Париже, вечером 4 апреля в штаб-квартиру 6-го корпуса пришел приказ от Бертье Мармону прибыть в 22 часа этого дня в Фонтенбло. В отсутствие Мармона приказ получил Суам. Суам, по официальной версии, решил, что Наполеон получил сведения о вступлении Мармона в переговоры со Шварценбергом и об участии в этом заговоре части генералов корпуса, и во избежание наказания, то есть расстрела, собрал дивизионных командиров, высказал им свои опасения и приказал, в нарушение инструкций (по крайней мере, широко известных) Мармона, увести войска в распоряжение временного правительства. Вместе с тем, непонятно, как Суам заставил

передовые посты союзников поверить в то, что они переходят на их сторону, а не пытаются, применив военную хитрость, напасть на них.

Утром 5 апреля, после первой аудиенции с Александром I, когда уполномоченные завтракали в парижском особняке Нея, к ним вошел Мармон и сообщил о переходе 6-го корпуса на сторону союзников, о чем ему только что сообщил его адъютант полковник Ш.-Н. Фавье, покинувший корпус. Однако представляется несколько непонятным, как Фавье удалось достаточно быстро найти своего маршала, не имея никаких надлежащих документов, и в городе, контролируемом союзниками.

После перехода 6-го корпуса на сторону союзников и нежелания маршалов продолжать борьбу Наполеону ничего не оставалось делать, как в сложившихся условиях подписать полное отречение. Безусловно, именно уход 6-го корпуса с позиций сыграл решающую роль при подписании отречения и подверг опасности войска Наполеона ввиду предполагаемой битвы. Однако роль Мармона в этом переходе на сегодняшний день не совсем ясна. Документально подтвержденным и бесспорным можно считать, во-первых, факт вступления Мармона в тайные сношения со Шварценбергом и взятия на себя определенных обязательств по переходу 6-го корпуса на сторону союзников и, во-вторых, наличие желания разорвать эти отношения.

Изучая действия Мармона во время «эссонского дела», нельзя не прийти к двум выводам: во-первых, учитывая сильную диспропорцию в живой силе в пользу союзников, верность Мармона Наполеону вряд ли спасла бы императора; во-вторых, совершенно очевидно, что, с точки зрения этики, действия Мармона можно квалифицировать как предательство и измену, поскольку Наполеон рассматривал его как своего старинного товарища. Одним из самых сложных вопросов остается проблема, связанная с законностью тайных переговоров Мармона со Шварценбергом, ибо Сенат освободил всех гражданских и военных чинов от присяги Наполеону. В подобных государственных кризисах должностным лицам всегда тяжело разобраться, на чьей стороне закон и кому следует подчиняться. Не случайно Мармон в мемуарах уделил много места оправданию своего поступка как дела служения Франции, но не Наполеону, убеждая всех, что вступил в переговоры со Шварценбергом только во избежание гражданской войны: «Мои действия имели целью спасение моей страны...»⁵⁷. Очевидец событий, каноник В. Шастене говорила: «Я отдаю должное чистоте помыслов герцога Рагузского и не желаю распространять неблагодарные слухи, связанные с его именем. Он прошел путь от искренности первых отношений к Бонапарту до неблагодарности и предательства одновременно Наполеону, несмотря на то, что был обязан всем именно вниманию к своей персоне со стороны императора. Лично я считаю, что он оказал большую услугу государству, которую он осуществил с самыми искренними намерениями»⁵⁸.

В глазах французского (и не только) общества Мармон стал предателем. Не случайно французский язык обогатился во время 1-й Реставрации глаголом «raguser» (не только как синоним глагола «предать», но и «ошибаться») и существительным «ragusade» (как синоним существительного «предательство», «ошибка»), произведенными

от титула Мармона, герцога Рагузского (de Raguse). Слова просуществовали до 1830—1848 гг.⁵⁹, и в современном французском языке не употребляются. Мармон получил также и другое прозвище, новый вариант слова «предатель», менее известное, — «Гаузар» («Geusar», анаграмма слова «Рагуза» — «Raguse»).

В 1816 г., на о. Св. Елена Наполеон сурово высказался о Мармоне сотоваришу по изгнанию Э. Лас-Казу: «Он был самым посредственным из всех командующих... Выращенный в моем лагере, вскормленный в моем доме, женившийся благодаря мне, пресыщенный почестями и богатством, он стал одним из самых известных людей во Франции, по крайней мере, одним из самых воспитанных и достойных. Его амбиции дали ему повод мечтать о большем, чем он мог иметь. Он забыл, под чьим знаменем добился всех чинов и титулов, под чьей крышей провел молодые годы. Он забыл, что обязан всеми почестями престижу национальной кокарды, которую втоптал в грязь для того, чтобы стать ровней с предателями, против которых он сражался в течение 25 лет! Вот участь монархов: они рожают неблагодарных людей...»⁶⁰. Тому же Лас-Казу в том же году он сказал: «Я был предан Мармоном, которого мог называть моим сыном, моим дитя, моим творением»⁶¹.

Первый секретарь императора Ж.-Ф. Фэн вспоминал пророческие слова императора о герцоге Рагузском: «Неблагодарный! Он будет более несчастлив, чем я!»⁶². На Св. Елене личный врач Наполеона Б.Э. О'Меара запротоколировал проклятие поверженного императора: «Мармон останется пугалом для потомства. Пока будет существовать Франция, при имени Мармон люди будут вздрагивать от ужаса. Он чувствует это и, без сомнения, теперь превратился в самого жалкого человека, который только может существовать на свете. Он никогда не простит сам себе этого поступка (речь шла об «эссонском деле». — М.Ч.) и кончит свою жизнь как Иуда»⁶³. Отзывы Наполеона о действиях Суама неизвестны.

Придя к власти, 4 июня 1814 г. Людовик XVIII возвел герцога Рагузского в сан пэра Франции и в должность капитана 6-й роты Королевских телохранителей. Герцог Рагузский, не желая, чтобы окружавшие думали, будто он требовал цену за «эссонское дело», старался держаться в стороне от общественно-политической жизни. Тем не менее, и роялисты, и бонапартисты ненавидели Мармона и называли его роту «ротой Иуды»⁶⁴. Попытка маршала придать себе значимость в глазах короля с выдуманном заговором против его величества 30 ноября 1814 г. окончилась для Мармона неудачно: никаких фактов заговора не нашли, и никто не поверил маршалу. Назначение 3 декабря военным министром Сульта уязвило Мармона, который еще больше возненавидел герцога Далматского, которого укорял в неоказании ему поддержки накануне Арапил.

Высадка Наполеона в заливе Жуан 1 марта 1815 г. не обрадовала Мармона. Он уверенно, в отличие, например, от Лефевра, занял сторону короля. 16 марта король созвал совет для выработки планов дальнейших действий, где маршал предложил королю укрыться в замке Тюильри с 3 тыс. человек и припасами на два месяца, чтобы поставить «узурпатора» в трагическую или смешную ситуацию. В ночь с 19 на 20 марта Людовик XVIII оставил Париж⁶⁵. Вместе с ним в Гент

уехал и Мармон в качестве капитана роты Телохранителей, остановившись в местном отеле «Англия». Проехавший 23 апреля через Гент английский лейтенант 18-го гусарского полка Вудберри рассказывал: «Мы проехали мимо королевского дворца и салютовали несчастному королю Людовику XVIII, показавшемуся в окне вместе с герцогом Фельтрским и Рагузским, двумя большими канальями»⁶⁶. Однако то ли вследствие желания короля, то ли по собственному почину, маршал перебрался из Гента в Брюссель, затем на лечебные воды в Экля-Шапель.

Мармон не ошибся в чувствах Наполеона по отношению к своей персоне: по прибытии в Париж Наполеон обвинил герцога Рагузского (и П.-Ф.-Ш. Ожеро) в предательстве и провел реорганизацию генералитета, в частности, вычеркнул 10 апреля из списка маршалов 40-летнего герцога Рагузского (вместе с Ожеро, К.-Д. Периньоном, Виктором и Бертье).

После повторного прихода к власти Людовика XVIII Мармон удостоился высокой чести стать одним из четырех генерал-инспекторов Королевской гвардии (3 августа 1815 г.), был подтвержден в сане пэра Франции (31 августа 1817 г.) и, желая остаться в фаворе, вместе с Виктором голосовал за смерть Нею. С другой стороны, по некоторым данным, он пытался заступаться за него, как и за братьев-генералов Фоше, начальника почты А.-М.-Ш. Лавалета, но, как известно, первые трое были расстреляны, а последнему чудом удалось сбежать из тюрьмы, и не благодаря Мармону. Тем не менее, победить неприязнь к себе со стороны общественности маршал так и не смог. Король относился к нему скорее настороженно: хотя 29 августа 1821 г. Людовик XVIII доверил Мармону командование 1-м военным округом (Парижем), но отказался задействовать его в 1823 г. в Испанской экспедиции, отправив на полуостров Удино и Б.-А. Жанно де Монсея. Вместе с тем, Мармон стал единственным из всех десяти живших маршалов (исключая Ж.-Б.-Ж. Бернадота, короля Швеции и Норвегии Карла-Юхана XIV), удостоенных чести присутствовать 25 октября 1824 г. на похоронной церемонии Людовика XVIII.

Понимая собственную непопулярность при дворе, герцог Рагузский много времени проводил в своих землях в Шатильоне, где, повинувшись организаторской страсти, построил пивоваренный, уксусный, сахарорафинадный и металлургический заводы, завод по производству черепицы, а также провел любопытный опыт. Современники с интересом следили за усилиями герцога Рагузского. Так, влиятельная дама мадам де Буань рассказала историю о баранах с двумя шкурами: «Однажды я посетила столь хрестоматийно известное учреждение — четырехэтажную овчарню, которой маршал страшно гордился. Всю предыдущую зиму он нам рассказывал об одетых баранах, которым надлежало стать источником его огромного богатства... Я нашла бедных животных, одетых в шкуры других баранов, уже порядком истрепавшиеся. Животные страдали от жары и, кроме того, имели самый неопиcуемый гротескный внешний вид, который можно было вообразить»⁶⁷.

Расчет маршала состоял в следующем. Сюртук стоил 4 франка и носился в течение 18 месяцев. Шерсть должна была продаваться не менее 6—7 франков и, находясь под верхней шкурой, быть превосходного качества, а баранам не надлежало подвергаться никаким болез-

ням. Книги управляющего говорили о другом. Сюртук стоил 7 франков, сохранялся только один год (несмотря на починку, вместе с которой его стоимость возрастала до 9 франков), шерсть продавалась не более чем на 40 су дешевле, чем шерсть обыкновенных животных. Болели же бараны, по крайней мере, как всегда, но более заразными болезнями»⁶⁸. После пяти-шести лет пожар довершил крах предприятия стоимостью 700 тыс. франков, и маршалу пришлось настойчиво просить правительство о миссии в России, дабы восстановить собственное благосостояние, ибо Мармон привык жить на широкую ногу.

Париж отобрал Мармона для участия в церемониале коронации российского императора Николая I (3 сентября 1826 г.) в качестве чрезвычайного представителя Французского королевства. По словам маршала, в Россию должны были послать, с одной стороны, представителя генералитета, «имевшего прославленное имя и олицетворявшего бы наше славное боевое прошлое», с другой — «светского льва. Для исполнения этой двойной миссии король решил выбрать именно меня как самого достойного из всех претендентов». Мармон не скрывал восхищения возложенным на него поручением: «Эта миссия была одной из самых приятных в моей жизни»⁶⁹. На миссию, как любил Мармон, государство не жалело средств: по слухам, король выделил либо один, либо два миллиона франков. Маршала сопровождала свита из трех генералов и 12 офицеров; личным секретарем Мармона был поэт Ж.-Ф. Ансело. Офицер Генерального штаба кн. Н.С. Голицын, участвовавший в организации коронационных торжеств в Москве, свидетельствовал: «Вообще нужно сказать, что военный штаб маршала Мармонта, состоявший из отборных генералов, штаб- и оберофицеров французской армии из лучших французских фамилий, был подлинно блистательный... а сам Мармонт, сподвижник Наполеона I, был замечательною военно-историческою личностью»⁷⁰. Во время пребывания в Москве Мармон дал бал, вызвавший всеобщее восхищение. На нем присутствовал сам российский император⁷¹. На обратном пути Мармон посетил поле Бородинского сражения (в 14-летнюю годовщину), которое изучал в течение одного дня, затем — Смоленск и берега реки Березины.

В самом конце правления Карла X Мармон чуть было не возглавил экспедицию против Алжира, ставшей точкой отсчета для завоевания страны, растянувшегося на несколько десятилетий. Мармон участвовал с генералом Бонапартом в Египетской экспедиции и имел опыт командования большими людскими массами. Он мечтал о должности главнокомандующего: «командовать экспедицией против города Алжира было моей заветной мечтой»⁷². С легкой руки военного министра генерала Л.-О. Бурмона герцог Рагузский уже видел себя «Мармоном Африканским»⁷³, но Бурмон, используя маршала как политический таран для организации экспедиции в Алжир, проявил характерную для него политическую ловкость, и 11 апреля 1830 г., благодаря поддержке дофина, герцога Ангулемского, сына Карла X, сам назначил себя на столь желанный пост, сохранив функции военного министра. Естественно, маршал затаил на Бурмона глубокую обиду.

Однако Мармону все-таки удалось вписать свое имя в историю постнаполеоновской Франции. В июле 1830 г. в Париже вспыхнула революция. Поскольку на тот период Королевской гвардией командо-

вал именно он (каждый из четырех генерал-инспекторов гвардии командовал ею по три месяца каждый год), 27 июля король поставил во главе войск, находившихся в Париже, именно герцога Рагузского. На следующий день маршалу удалось разогнать бунтовщиков, но, командуя малочисленными, полуголодными и плохо вооруженными войсками, герцог Рагузский не смог сломить сопротивление парижан.

Он пытался всеми силами остаться верным престолу, но ему не хватало твердости духа. Так, 28 июля он принял группу вождей парламентской оппозиции во главе с П. Казимиром Перье с просьбой об отмене вызвавших бурное недовольство парижан королевских ордонансов о роспуске Палаты депутатов и сокращении числа избирателей. Под давлением депутатов Мармон написал королю требуемый документ, но король ответил молчанием. Через два дня, 30 июля, маршал совершил политический просчет: без ведома дофина, но с понятной целью воодушевления изнемогавших солдат, маршал обратился к ним с воззванием об отмене ордонансов и о необходимости плотнее сплотиться вокруг трона для его спасения. Дофин, потрясенный выходкой герцога Рагузского, нарушившего субординацию, и не желавший ничего слышать об отмене ордонансов, устроил маршалу бурную сцену: «Вы что, хотите сделать с нами то же самое, как и с тем, другим?!» (герцог намекал на императора Наполеона и «эссонское дело»). По приказу дофина маршала арестовали, но через час, после вмешательства короля отпустили ⁷⁴.

Больше всего герцог Рагузский был подавлен фактом борьбы против собственного народа, парализован сознанием собственной непопулярности и боязнью показаться власть предержащим неверным, хотя некоторые очевидцы свидетельствовали о хладнокровии маршала. Как метко сказал Шатобриан, на Мармона давила фатальная тяжесть его имени ⁷⁵. 6 августа 1830 г. маршал оценивал собственное положение в письме к некоей даме: «Видели ли вы когда-либо что-нибудь подобное: сражаться против своих граждан вопреки своей воле; причинять им зло и, наконец, уступить... И еще это несправедливое мнение, которое воцарилось по отношению ко мне! Но моя совесть чиста» ⁷⁶.

После отречения Карла X, состоявшегося 2 августа, Мармон отправился вместе с бывшим королем в ссылку. 16 августа на борту двух кораблей (принадлежавших Жозефу Бонапарту) Мармон вместе с королем убыл из Шербурга в Портсмут. Через два дня Карл вручил маршалу, по его просьбе, во избежание возможных кривотолков по поводу его действий во время революции, некое благодарственное письмо с выражением признательности за верную службу его величеству, а также шпагу, которую маршал впоследствии передал родному городу.

Из Портсмута Мармон уехал в Вену, в которую прибыл 18 ноября. Здесь 25 января 1831 г. по желанию Мармона и при посредничестве министра иностранных дел Австрии К. фон Меттерниха, на большом балу, данном послом Великобритании, произошла первая встреча маршала с герцогом Рейхсштадтским, сыном Наполеона I Бонапарта, «Орленком». «Господин маршал, для меня огромное счастье познакомиться с вами, одним из самых старинных товарищей моего отца» ⁷⁷, — приветствовал он герцога Рагузского. В ходе полчасовой беседы гер-

цог согласился на постоянные встречи с маршалом для изучения теории военного искусства. Всего состоялось 17 встреч при участии представителей ближайшего окружения герцога: с 28 января по 15 апреля, два-три раза в неделю, с 11 час. утра до 13 час. 30 мин., в редких случаях до 14 часов. Встречи прекратились по просьбе герцога. Герцог, судя по всему, противоречиво относился к Мармону. Так, однажды он заявил в адрес маршала: «Если судьбе будет угодно возвести меня на трон, я его уничтожу». С другой стороны, остался и нейтральный отзыв: «Мармон не злой, он просто жутко несчастливый человек»⁷⁸. Мистика или нет, но герцог умер во время пребывания Мармона в Вене, 22 июля 1832 г., в 20-летнюю годовщину, день в день, сражения при Арапилах.

Во время пребывания в австрийской столице 5 марта 1831 г. Мармон по собственной воле оформил во Франции бессрочный отпуск, но впоследствии Военное министерство, возглавляемое Сультом, воспользовавшись заявлением герцога Рагузского и хитросплетением законов, не предоставило маршалу возможности вернуться во Францию и лишило его денежного содержания. Изгнанника взял под свое крыло австрийский император Франц II, выдав ему пенсию и паспорт. Именно с этим паспортом и этими деньгами Мармон 22 апреля 1834 г. отправился в путешествие по Европе, Ближнему Востоку и Африке. Он посетил Венгрию, Трансильванию, южную Россию, Турцию, Сирию, Ливан, Палестину, а также Египет, где он последний раз находился вместе с генералом Бонапартом во время Египетской экспедиции. Хедив принял его в каирском дворце, где жил Бонапарт. В том же 1834 г. Мармон прибыл в Рим, где отметил свое 60-летие. В 1836 г. он находился в Вене, где узнал не только об открытии Триумфальной арки, но и о том, что его имя было высечено на ее южной стороне. Тем не менее, герцог Рагузский не решился вернуться во Францию и отправился в новое путешествие: он посетил Прагу, Тешен, Карлсбад, Дрезден, Будапешт, Флоренцию, где узнал о перезахоронении останков Наполеона в Париже (15 декабря 1840 г.), затем — Венецию, Мюнхен. Позднее 67-летний маршал переехал в Венецию, где снял один этаж дворца Лоредан.

Во время путешествий Мармон нашел время для литературного творчества: в 1837 г. издал очерки о своих путешествиях, получившие признательность⁷⁹. Более того, герцог Рагузский в 1845 г. стал единственным маршалом, автором военно-аналитического труда, высоко оцененного потомками. В частности, Мармон предрек большое будущее ракетам Конгрейва⁸⁰.

В феврале 1848 г. во Франции пала Июльская монархия. Вспыхнувшая в марте того же года революция в Вене, затем в Венеции, привела к новому витку странствий 74-летнего маршала: Мармон срочно уехал в Гамбург. После восстановления порядка он вернулся во дворец Лоредан, и теперь уже окончательно. Однако он не сумел убежать от последствий революции: из-за возникшего экономического кризиса венский двор лишил маршала выплат, которыми он пользовался почти двадцать лет. С тех пор до самой кончины Мармон страдал от нехватки денег, хотя и проживал в том же дворце.

После смерти Сульта в ноябре 1851 г. Мармон остался единственным живым маршалом Первой империи, но недолго. В феврале

1852 г. герцог Рагузский тяжело заболел. Его сосед, герцог Арембергский, выделил деньги на лечение маршала. Мармону не удалось умереть на родине — 77-летний маршал скончался в Венеции в 9 час. 30 мин. утра 3 марта 1852 г. во дворце Лоредан от последствий апоплексического удара, одинокий и всеми забытый, в нищете, в окружении двух человек, личного слуги и местного аббата. (Герцог Рагузский не стал долгожителем среди маршалов — Монсей прожил 87 лет.) Похороны Мармона были омрачены финансовым скандалом: маршал оставил по завещанию деньги, которых у него не оказалось, и его останки были перевезены на родину за счет вдовы одного из его верных адъютантов. Церемония перезахоронения состоялась 6 мая того же года на кладбище Сен-Ворль Шатильона в присутствии уполномоченных лиц Второй республики. Первый адъютант маршала, преданный ему генерал К. Тесто-Ферри, произнес траурную речь. На могиле Мармона был воздвигнут памятник по чертежам самого маршала.

Несмотря на отсутствие в Париже, среди так называемого кольца маршальских бульваров, бульвара Мармона, в Лейпциге, где во время «битвы народов» находились войска герцога Рагузского, стоят два памятных знака. В Шатильоне существует музей маршала, где, в частности, хранятся два его маршальских жезла: маршала империи и маршала Франции.

Со смертью герцога Рагузского наполеоновский «маршалат» Первой империи ушел в Историю. Мармон пробыл маршалом 42 года, уступив своеобразную пальму первенства только Сульту (47 лет). Спустя полгода после кончины герцога Рагузского, 14 сентября 1852 г. ушел из жизни Веллингтон — он и здесь остался победителем Наполеона и всех его маршалов.

Оценивая фигуру маршала, необходимо вспомнить и о взвешенных оценках Наполеона. Так, в изложении спутника Наполеона на Св. Елене полковника Г. Гурго император сказал: «Мармон очень несчастлив, потому что он человек возвышенных чувств. Он ошибся: он думал, жертвуя собой, что спасал родину, но в действительности лучше бы он вообще ничего не делал бы. Я признаю, что люблю его, и что он причинил мне боль. Однако многие другие были более несчастны, чем он, и не пережили стыда, который он испытал. Мармон отдался во власть настоящего приступа безумия. Его погубило его же собственное тщеславие». Другому спутнику по Св. Елене, Ш.-Т. Монтолону, император заметил: «Весь мир смотрит на Мармона как на предателя, но есть люди, намного более виновные, чем он»⁸¹.

Мармон не проявил выдающихся полководческих дарований и не сумел самостоятельно выиграть ни одного крупного сражения. Вместе с тем, маршал умел демонстрировать личную храбрость, вплоть до последних часов сражения при Париже. Поэтому его можно поставить в один ряд с Бессьером, Мортье, к военной деятельности которых историки, как правило, относятся скептически. В тяге к роскоши и воровству Мармон был далеко не одинок: в этом плане он не отличался ни от Сульта, ни от Ожеро, ни от Массены. Как политик Мармон оказался еще слабее, чем полководец, а эффективность организаторских данных маршала еще следует внимательно изучить. Однако волею судьбы Мармон запомнился как маршал, предавший один престол (Бонапарта) и не сумевший спасти второй (Бурбонов).

1. ДАВЫДОВ Б.Б. Документы ЦГВИА СССР о путешествии маршала О.-Ф. Мармона по военным поселениям. — Советские архивы, 1989, № 6, с. 79—80; КУРИЕВ М.М. Маршалы Наполеона: групповой портрет. — *Very Important Person*. 1991, № 1, с. 60—63; ТРОИЦКИЙ Н.А. Маршалы Наполеона. — Новая и новейшая история. 1993, № 5, с. 176; ШИКАНОВ В.Н. Созвездие Наполеона. М. 1999; (ANONYME). *Vie et mémoires du Maréchal Marmont, Duc de Raguse*. P. 1830; LAPEROUSE A. Notice biographique sur le Maréchal Marmont, Duc de Raguse. Châtillon-sur-Seine. 1852; CASSE A. du. *Le Maréchal Marmont, Duc de Raguse. Examen critique et réfutation de ses mémoires*. P. 1857; EJUSD. *Le Maréchal Marmont devant l'Histoire*. P. 1857; NACHIN Z. *Marmont*. P. 1948; CHRISTOPHE R. *Les amours et les guerres du maréchal Marmont du duc de Raguse*. P. 1955; EJUSD. *Le Maréchal Marmont, le duc de Raguse*. P. 1968; SAINT-MARC P. de. *Le Maréchal Marmont, le duc de Raguse*. P. 1957; FLORIET L. *Marmont, le Maréchal d'Empire (1774—1852)*. Meursault. 1996.
2. MARMONT. *Mémoires du maréchal Marmont, duc de Raguse de 1792 à 1841*. T. 1—9. P. 1857. Критику мемуаров см.: LAURENT DE L'ARDECHE. *Réfutation des Mémoires du Maréchal Marmont, Duc de Raguse*. P. 1857. Частично мемуары переведены на рус. язык. См.: МАРМОН. Мемуары маршала Мармона о Наполеоне и его времени. М. 2003.
3. MARMONT. *Voyage du maréchal duc de Raguse*. T. 1—5. P. 1837—1838. В русском переводе см.: МАРМОН. Путешествие маршала Мармона, герцога Рагузского, в Венгрию, Трансильванию, Южную Россию, по Крыму и берегам Азовского моря, в Константинополь, некоторые части Малой Азии, Сирию, Палестину и Египет. Т. 1—4. М. 1838—1840.
4. VALYNSEELE J. *Les Maréchaux de Premier Empire*. P. 1957, p. 292—293; MARMONT. *Mémoires...*, t. 1, p. 7—8; CHRISTOPHE R. *Le Maréchal Marmont*, p. 13.
5. MARMONT. *Mémoires...*, t. 1, p. 10.
6. *Ibid.*, p. 16.
7. *Ibid.*, p. 25.
8. CHRISTOPHE R. *Le Maréchal Marmont*, p. 23; SAINT-MARC P. de. *Op. cit.*, p. 18.
9. MARMONT. *Mémoires...* t. 1, p. 105.
10. NAPOLÉON. *Ses opinions et jugements sur les hommes et sur les choses*. T. 2. P. 1838, p. 124.
11. Цит. по: CHARDIGNY L. *Les Maréchaux de Napoléon*. P. 1977, p. 125.
12. MARMONT. *Mémoires...*, t. 1, p. 237—238; *Histoire militaire de la France*. T. 2. P. 1992, p. 258.
13. LHOMER J. *Perregaux et sa fille la duchesse de Raguse*. P. 1905, p. 64—65.
14. MARMONT. *Mémoires...*, t. 1, p. 348.
15. Цит. по: LHOMER J. *Op. cit.*, p. 59.
16. MARMONT. *Mémoires...*, t. 1, p. 349.
17. LHOMER J. *Op. cit.*, p. 128—129.
18. MARMONT. *Mémoires...*, t. 2, p. 226—227.
19. *Ibid.*, p. 231.
20. *Ibid.*, p. 235—238.
21. ROBINAUX P. *Journal de route du capitaine Robinaux (1803—1832)*. P. 1908, p. 33.
22. NAPOLÉON. *Lettres inédits*. T. 1. P. 1897, p. 62.
23. MARMONT. *Mémoires...*, t. 3, p. 6; GODART R. *Mémoires*. P. 1895, p. 111.
24. БРОНЕВСКИЙ В. *Записки офицера*. Т. 2. СПб. 1836, с. 71—75; MARMONT. *Mémoires...*, t. 3, p. 8—12.
25. ТАРЛЕ Е.В. *Сочинения*. Т. 10. М. 1959, с. 322.
26. NAPOLÉON. *Correspondance*. T. 19. P. 1866, с. 215—216.
27. СТАНКЕВИЧ. *Критический разбор кампании 1809 года*. СПб. 1861, с. 309; СУХОТИН Н. *Наполеон. Австро-французская война 1809 г.* СПб. 1885, с. 134—135.
28. Цит. по: CHRISTOPHE R. *Le Maréchal Marmont*, p. 137.
29. АБРАНТЕС Л. *Записки герцогини д'Абрантес*. Т. 12. М. 1837, с. 243.

30. MARMONT. Mémoires..., t. 3, p. 161; МАРМОН. Ук. соч., с. 92—93.
31. PARQUIN. Mémoires. P. 1903, p. 204.
32. CHRISTOPHE R. Le Maréchal Marmont, p. 142, 144—145.
33. Цит. по: LHOMER J. Op. cit., p. 122.
34. MARMONT. Mémoires..., t. 3, p. 226—228.
35. PISANI P. La Dalmatie de 1797 à 1815. P. 1893, p. 331—338; История Югославии. М. 1963, с. 382; ŠUMRADA J. Statut juridique et organisation administrative des Provinces illyriennes. In: Napoléon et son administration en Adriatique orientale et dans les Alpes de l'est. 1806—1814. Zagreb. 2005, p. 30—34.
36. MARMONT. Mémoires..., t. 3, p. 229; BOPPE P. La Croatie militaire (1809—1813). P. 1900, p. 16.
37. Dictionnaire de la franc-maçonnerie. P. 1987, p. 766.
38. Цит. по: CHRISTOPHE R. Le Maréchal Marmont, p. 149—150.
39. Цит. по: LHOMER J. Op. cit., p. 121—122.
40. История Югославии. М. 1963, с. 386; ФРЕЙДЗОН В.И. История Хорватии. СПб. 2011, с. 95; VOJNOVIĆ L. Histoire de Dalmatie. P. 1934, p. 681; CASSI G. Les populations Juliennes-Illyriennes pendant la domination napoléonienne. — Revue des études napoléoniennes, 1930, t. 31, p. 262—263, 266—267, 270—271; ŠUMRADA J. Op. cit., p. 39.
41. SAINT-BEUVE CH.-A. Causeries de lundi. T. 6. P. 1853, p. 8.
42. THIÉBAULT. Mémoires. T. 4. P. 1895, p. 571.
43. SARRAMON J. La bataille des Arapiles. Toulouse. 1978, p. 196, 203—205, 208, 211, 246—248, 401—402; ШИКАНОВ В.Н. Два сражения Пиренейской войны. М., 2000, с. 37; КУРИЕВ М.М. Герцог Веллингтон. М. 1994, с. 101—103; GRIFFON DE PLEINEVILLE N. La bataille des Arapiles. — Gloire et Empire. 2012, № 45, p. 76—82; HUMBLE R. Napoleon's peninsular Marshals. L. 1973, p. 185—187.
44. Victoires, conquêtes, désastres, revers et guerres civiles des Français, de 1792 à 1815. T. 21. P. 1820, p. 51; SARRAMON J. Op. cit., p. 248.
45. MARMONT. Mémoires..., t. 4, p. 94.
46. GRIOS. Mémoires (1792—1822). T. 2. P. 1909, p. 227.
47. ЧАНДЛЕР Д. Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя. М. 1999, с. 600.
48. Цит. по: SAINT-MARC P. de. Op. cit., p. 127. См. также: CHARDIGNY L. Les Maréchaux de Napoléon. P. 1977, p. 125.
49. MARMONT. Mémoires..., t. 6, p. 218.
50. PELLEPORT. Souvenirs militaires et intimes. T. 2. P.-Bordeaux. 1857, p. 116.
51. АБРАНТЕС Л. Ук. соч., т. 16, с. 124—125; ОРЛОВ М.Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М. 1963, с. 8—27; CAULAINCOURT. Mémoires. T. 3. P. 1933, p. 56.
52. MARMONT. Mémoires..., t. 6, p. 252.
53. LIÉVYNS A., VERDOT J.-M., BÉGAT P. Fastes de la legion d'honneur: biographie de tous les décorés accompagnée de l'histoire législative et réglementaire de l'ordre. T. 2. P. 1844, p. 385—389. См. также: DINEUR. Trahisons de 1814. P. 1834, p. 30—32; RAPETTI P.-N. La défection de Marmont en 1814. P. 1858, p. 423—430.
54. NAPOLÉON. Correspondance. T. 27. P. 1869, 281. См. также: МАРБО М. Мемуары генерала барона де Марбо. М. 2005, с. 568; THIÉBAULT. Mémoires. T. 3. P. 1894, p. 88.
55. MARMONT. Mémoires..., t. 6, p. 262—277; MACDONALD. Souvenirs du maréchal Macdonald, duc de Tarente. P. 1892, p. 269—286; CAULAINCOURT. Op. cit., p. 193—230; PASQUIER. Mémoires. T. 2. P. 1893, p. 300—314; SAVARY. Mémoires du duc de Rovigo, pour servir à l'histoire de l'empereur Napoléon. T. 7. P. 1828, p. 118—129; VOIGNE de. Mémoires. T. 1. P. 1922, p. 315—325. Исследования о поведении Мармона при отречении Наполеона см.: НЕЧАЕВ С.Ю. Подлинная история Наполеона. М. 2005, с. 267—304; DUPONT M. Napoléon et la trahison des Maréchaux. 1814. P. 1939, p. 171—206; LIÉVYNS A., VERDOT J.-M., BÉGAT P. Op. cit., p. 387—389; RAPETTI P.-N. Op. cit., p. 172—188.
56. Цит. по: RAPETTI. Op. cit., p. 138.
57. МАРМОН. Ук. соч., с. 145.

58. CHASTENAY. Mémoires. Т. 2. P. 1897, p. 328.
59. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Т. 6. P. 1989, p. 4758. См. также: VAULABELLE ACH. de. Histoire des deux Restaurations. Т. 8. P. 1860, p. 209 (note).
60. Цит. по: REGENBOGEN L. Napoléon a dit. P. 1998, p. 380.
61. LAS-CASES E. de. Mémorial de Sainte-Hélène. Т. 1. P. 1999, p. 492.
62. FAIN. Manuscript de 1814. L. 1823, p. 237.
63. Цит. по: JOURQUIN J. Dictionnaire des Maréchaux du Premier Empire. P. 2001, p. 186.
64. CHASTENAY. Op. cit., t. 2, p. 468.
65. SAINT-MARC P. de. Op. cit., p. 234—235. Шатобриан авторство идеи приписывал себе, утверждая, что Мармон просто соглашался с ним. См.: ШАТОБРИАН Ф.-Р. Замогильные записки. М. 1995, с. 279—280.
66. WOODBERRY. Journal du lieutenant Woodberry: campagnes de Portugal et d'Espagne, de France de Belgique et de France (1813—1815). P. 1896, p. 263.
67. Автор строк, вероятно, намекала на «одежды» животных: взрослые бараны носили нечто вроде синей формы артиллеристов с красными шевронами, молодые бараны — синюю «форму» вольтижеров с зелеными эполетами, овцы — юбку и личные знаки маркитанток. CHRISTOPHE R. Le Maréchal Marmont, p. 240.
68. VOIGNE de. Mémoires. Т. 3. P. 1922, p. 158—159.
69. MARMONT. Mémoires..., t. 8, p. 17—18.
70. Записки князя Николая Сергеевича Голицына. — Русская старина. 1881, № 1, с. 38.
71. АНСЕЛО Ф. Шесть месяцев в России. М. 2001, с. 154—157.
72. MARMONT. Mémoires..., t. 8, p. 212.
73. VOIGNE de. Mémoires. Т. 3. P. 1922, p. 218.
74. MARMONT. Mémoires..., t. 8, p. 293—294; VERON. Mémoires d'un bourgeois de Paris. Т. 2. P. 1856, p. 338—339; ШАТОБРИАН Ф.-Р. Ук. соч., с. 416—417; VAULABELLE ACH. de. Op. cit., p. 361—363.
75. HAUSSEZ. Op. cit., p. 257, 276; БЛАН Л. Июльские дни 1830 г. Киев. 1906, с. 24, 38—40; VAULABELLE ACH. de. Op. cit., p. 209—210; ЧЕРКАСОВ П.П. Генерал Лафайет: Исторический портрет. М. 1987, с. 318; SAINT-MARC P. de. Op. cit., p. 312.
76. Цит. по: RAPETTI P.-N. Op. cit., p. 391.
77. MARMONT. Mémoires..., t. 8, p. 376.
78. Цит. по: SAINT-MARC P. de. Op. cit., p. 330; CHRISTOPHE R. Le Maréchal Marmont, p. 272; SAINT-BEUVE CH.-A. Op. cit., p. 45—46. О встречах маршала с герцогом Рейхштадтским см.: MARMONT. Mémoires..., t. 8, p. 376—394.
79. SAINT-BEUVE CH.-A. Op. cit., p. 47.
80. MARMONT. Esprit des institutions militaires. P. 1845. В русском переводе см.: МАРМОН. Сущность военных учреждений. — Военная библиотека. Т. 3. СПб. 1871, с. 461—580. О мнении маршала о ракетах см.: Там же, с. 495—498. О книге см.: SAINT-BEUVE CH.-A. Op. cit., p. 2; Histoire militaire de la France, p. 455; SAINT-MARC P. de. Op. cit., p. 344—345.
81. Цит. по: JOURQUIN J. Op. cit., p. 185.

Как готовили революцию 1905 г.

С.А. Нефёдов

«Банкетная кампания» закончилась неудачей, и либералы заговорили о том, что надо «революционизировать» простой народ. «Революционного народа в России еще нет, — писал П.Б. Струве. — Но он каждую минуту может родиться, и мы обязаны всякими разумными средствами ускорить его рождение»¹.

Намерение призвать на помощь народ явственно выразилось на банкете, состоявшемся в зале Павловой 14 декабря 1904 года. Это был последний акт «банкетной кампании»: в этот день вышел правительственный указ о запрещении впредь подобных мероприятий. Официально банкет был посвящен годовщине выступления декабристов, но, по сути, это был антивоенный митинг, на котором присутствовало около тысячи человек. Организаторами банкета-митинга выступили члены созданного по решению Парижской конференции «Комитета»: по предложению Н.Ф. Анненского председателем был выбран Е.И. Кедрин, а первое слово было предоставлено А.В. Пешехонову. «Многие наши речи не будут поняты, — сказал он в своем выступлении. — Но если мы будем требовать мира и требовать через народ, то через него мы можем заставить прекратить войну»². Действительно, смысл мероприятия был не очень ясен присутствовавшим, и многие хотели уйти от антивоенной темы. Однако Парижская конференция субсидировалась японским генштабом, главной целью которого было прекращение войны. Русская армия была в пять раз больше японской, и поэтому войну нужно было заканчивать, не дожидаясь переброски войск на Дальний Восток.

Убедившись в неудаче проходивших под лозунгами «Долой самодержавие!», «Долой войну!» студенческих демонстраций, «Комитет» собирался организовать антивоенные демонстрации рабочих. На митинг были приглашены «представители рабочих». Один из них сказал: «Господа, вся Россия против войны. Долой войну! Ныне народ еще крепко спит, но армия рабочих в 10 тысяч проснулась и готова

Продолжение. Начало см.: Вопросы истории. 2015. № 6.

идти по первому призыву и пожертвовать своими жизнями на пользу народу». Другой рабочий заявил: «Мы протестуем против авантюрной войны... Мы не будем обращаться к самодержавию, мы обращаемся к народу, который, собрав учредительное собрание, выберет правительство, которое и отменит войну»³.

«Комитет» в значительной части состоял из эсеров, и на митинге преобладали эсеровские настроения: присутствовавшие раскупали красно-белые бантики с портретом убийцы Плеве Сазонова и почтили его память вставанием. Резолюция митинга выражала протест против войны от имени «представителей интеллигенции и рабочего класса»⁴. Но «представителей рабочего класса» там было только трое, и в конце митинга Пешехонов с явной досадой спросил их: «Где же, наконец, тот пролетариат, о котором так много говорят и который все не желает появляться на сцене?»⁵

Идея обращения к народу была традиционной для революционной интеллигенции, в свое время ее пытались воплотить в жизнь народники, а затем она стала руководящей идеей социал-демократов. Правительство давно видело угрожающую опасность и принимало меры, чтобы не допустить союза между интеллигенцией и народом. «Надо, прежде всего, препятствовать подпаданию народа под влияние интеллигенции, которая утратила связь с народной традицией», — говорил глава Синода К.П. Победоносцев⁶. Победоносцев был инициатором создания сети церковно-приходских школ, предназначенных как для обучения грамоте, так и для нравственного воспитания народа в традиционалистском, православном и верноподданническом духе⁷. С другой стороны, министр внутренних дел Плеве проводил идеи «народной монархии» по своему ведомству. Газеты писали о «полицейском социализме», полиция под руководством полковника С.В. Зубатова участвовала в создании рабочих обществ и касс взаимопомощи. 19 февраля 1902 г. была организована грандиозная верноподданническая манифестация рабочих в Кремле. «Порядок в громадной, заполнившей весь Кремль толпе в 50 тысяч человек был образцовый..., — вспоминал очевидец событий. — Среди моря рабочих... окруженные знаками уважения присутствовали московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович и московский обер-полицмейстер Д.Ф. Трепов — главные инициаторы торжества. При пении гимна... рабочие проходили нога в ногу мимо великого князя и его свиты»⁸.

Одним из крупнейших полицейских профсоюзов было «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга», возглавлявшееся популярным среди рабочих священником Георгием Гапоном. Формулируя задачи своей организации, Гапон писал, что стремится «свить среди фабрично-заводского люда гнезда, где бы Русью, настоящим русским духом пахло, откуда бы вылетали здоровые и самоотверженные птенцы на разумную защиту своего царя, своей родины и на действительную помощь своим братьям-рабочим»⁹. Создание «Собрания» было одобрено самим Плеве, и, по некоторым данным, полиция отпускала на его нужды 6 тыс. руб. в год¹⁰. Учредители «Собрания» и председатели отделов составляли как бы «гапоновский штаб»; сам же Гапон был утвержден «представителем Собрания» перед властями и имел особые, довольно широкие полномочия. В

конце 1904 г. в «Собрании» числилось 8 тыс. членов и насчитывалось 11 отделов; центром каждого отдела было здание с большим залом, где проводились собрания, читались лекции, устраивались танцевальные вечера, работали спортивные секции и т.д. Гапоновское общество занималось «патриотическим воспитанием» рабочих, на собраниях исполняли «Боже царя храни» и читали вслух проправительственные газеты ¹¹. Полиция следила, чтобы интеллигенты не проникали на заседания общества, и сам Гапон призывал рабочих гнать «агитаторов» ¹². Гапона принимали у себя Плеве и директор Департамента полиции А.А. Лопухин; он пользовался покровительством Победоносцева и петербургского митрополита Антония ¹³. В одном из отделов «Собрания» на видном месте под стеклом хранилась благодарственная грамота самого Николая II ¹⁴. Особо благоволил Гапону петербургский градоначальником И.А. Фуллон; 6 декабря 1904 г. он сфотографировался вместе с Гапоном и рабочими на открытии Невского отдела. «Если администрация заводов будет угнетать вас, — говорил Фуллон рабочим, — обращайтесь ко мне, расскажите мне все откровенно, без боязни и верьте, что во мне всегда найдете ревностного защитника ваших интересов и опытного руководителя во всех ваших затруднениях» ¹⁵.

Как вспоминал первый председатель «Собрания» Н.М. Варнашёв, «деятельность его первое время была очень осторожная, неуверенная. Боялись правительства, опасались и партийных. Первое могло за какое-нибудь неосторожное действие или слово заставить отцвести “Собрание” раньше времени. Вторые объявили себя врагами “Собрания” и можно было ожидать с их стороны всяческих подвохов, в смысле дискредитирования “Собрания” во мнении рабочих» ¹⁶. Однако некоторые петербургские социал-демократы постарались проникнуть в «Собрание», чтобы своим участием придать его деятельности политический характер ¹⁷. «В стенах “Собрания”, — продолжал Варнашёв, — вначале как гости, а через некоторое время как члены появились супруги В.М. и А.Е. Карелины, Д.В. Кузин и И.М. Харитонов, Я. Иванов, Г. Усанов, В.А. Князев, В. Иноземцев и др. Большинство из них были люди уже искушенные в политике, побывавшие в разных переделках и с клеймом политической неблагонадежности». Главную роль играли супруги Карелины, которые сплотили вокруг себя оппозицию Гапону и часто вели за собой рабочие собрания. Кузин, который сохранил связь с интеллигенцией и партийными кругами, вскоре стал личным секретарем Гапона ¹⁸.

Оппозиция упрекала Гапона в отсутствии собственной программы действий, поэтому он вынужден был ее представить. «Произошло это в марте 1904 г. у Гапона на квартире в Церковной улице. Собрались пять человек — А. Карелин, Д. Кузин, И. Васильев, Н. Варнашёв и Гапон. Сделав распоряжение, что его нет дома, плотно притворив дверь в комнату и предварительно обвязав всех честным словом, что то, что будет обсуждаться, останется тайною, Гапон вынул лист бумаги, исписанный красными чернилами, и, предлагая обсудить содержание, прочел его» ¹⁹. В программе (которую потом называли «программой пяти») содержались перспективные задачи «Собрания». По большей части это были экономические требования рабочих, такие, как социальное страхование, свобода профсоюзов и 8-часовой рабо-

чий день; эти требования, в общем, соответствовали лозунгам социал-демократов. Однако в «программе пяти» были отражены и стремления крестьян, в частности, говорилось о «постепенном переходе земли к народу». Имелись и отдельные политические требования, как, например, свобода слова и печати, но (в отличие от партийных программ) «программа пяти» ничего не говорила о смене политического строя ²⁰.

Влияние карелинской группы в конечном счете привело к тому, что Гапон втайне принял экономические лозунги социал-демократов, отошел от чисто «зубатовской» линии и стал скрывать свои связи с полицией. Тем не менее, ему часто предъявляли обвинения такого рода. Председатель Невского отдела Н.П. Петров свидетельствовал, что «иногда Гапона доводили до белого каления, он часто говорил, стуча себя в грудь: “Товарищи, неужели вы думаете, что я вас обманываю, вы думаете, мне приятно тут с вами заниматься и слушать ваши укоры, вы думаете, мне легко было выхлопотать наше собрание?”» ²¹

По некоторым сведениям, первой на контакт с гапоновской организацией попыталась выйти так называемая «Большая группа» петербургских либералов, которая сложилась вокруг газеты «Наша жизнь» ²². Во второй половине ноября 1904 г. депутация из пяти человек (в числе которых были В.Я. Богучарский, С.Н. Прокопович и Е.Д. Кускова) встретила Гапона и его ближайшими соратниками. По свидетельству Гапона, «интеллигентные либералы» «посоветовали» ему, чтобы рабочие написали петицию к правительству наподобие тех петиций, которые принимались на проводившихся тогда банкетах ²³. В ответ им показали «программу пяти». Однако эта программа не подходила либералам — ознакомившись с ней, «освобожденцы» заявили, что этого «слишком много» ²⁴. Действительно, 8-часовой рабочий день и передача земли крестьянам — это было для них «слишком»; для либералов главным было требование созыва Учредительного собрания, чего в гапоновской программе как раз и не было. Тем не менее, у либералов осталось благоприятное впечатление об этой встрече: они поняли дело так, будто Гапон обещал употребить свое влияние на рабочих, чтобы провести петицию к 17 декабря. Со своей стороны либералы обещали поставлять в «Собрание» свои газеты («Наша Жизнь» и «Сын Отечества») ²⁵.

28 ноября состоялось совещание «гапоновского штаба», на котором под давлением группы Карелина было решено оформить «программу пяти» в качестве петиции. Однако Гапон настоял на том, чтобы отложить подачу петиции и связать ее с ожидаемыми новыми поражениями в русско-японской войне. Способ подачи петиции при этом не рассматривался ²⁶. Петров свидетельствует, что на самом деле Гапон «не желал выступать с каким-либо требованием; он основывался на том, что наш рабочий еще не понимает ничего, и что его еще надо научить, раньше накормить, а после дать ему понятие о политике» ²⁷.

Между тем, «газетная тактика» либералов приносила свои плоды. «Появление газет “Нашей Жизни” и в особенности “Наших Дней”, нигде так не приветствовалось, как в отделах, — вспоминал И.И. Павлов. — Здесь каждый вечер собирались рабочие, за стаканом чая перечитывая эти газеты и обсуждая затрагиваемые ими вопросы» ²⁸. Группа Карелина использовала газетные материалы для агитации за

подачу петиции. «Мы глухо внедряли идею выступления с петицией на каждом собрании, в каждом отделе», — вспоминал Карелин²⁹. Эта пропаганда вскоре получила поддержку со стороны: в стенах «Собрания» появились интеллигенты-агитаторы. Формально они выступали в роли лекторов. Лекторов и раньше приглашали для образовательных целей, но теперь некоторые из них стали вмешиваться в дела «Собрания». Одним из агитаторов был помощник присяжного поверенного И.М. Финкель, который читал лекции на темы «труда и капитала» и консультировал рабочих по юридическим вопросам. Финкель был социал-демократом, участвовал в революционной работе, за что в 1897 г. был сослан в Уфимскую губернию на два года, после чего, вероятно, потерял связь с партийной организацией³⁰. Помощник присяжного поверенного был настолько красноречив, что вскоре стал соперничать с Гапоном во влиянии на рабочих, и Гапону это не нравилось³¹.

Председатель Нарвского отдела В.А. Янов в своих показаниях на следствии свидетельствовал, что 12 декабря 1904 г. на заседании «гапоновского штаба» Финкель говорил, будто студенты, земцы, другие общественные деятели выставляют свои требования, и лишь рабочие остаются безучастными. Он предлагал подать от имени рабочих петицию, причем рекомендовал включить в нее политические требования³². Как отмечается в судебных документах, Финкель призывал «к подаче правительству коллективной петиции с требованием об изменении существующего государственного устройства, причем разъяснял конституционные формы правления и их преимущество»³³. «Гапоновский штаб» не одобрил этой инициативы, однако Финкель продолжал выступать с этим предложением и на последующих заседаниях³⁴.

Другим лектором-агитатором был журналист и писатель С.Я. Стечкин (часто выступавший под псевдонимом Н. Строев). В молодости, в 1880-х гг., он был народником, побывал в ссылке, а затем стал писателем, был хорошо известен в интеллигентских и оппозиционных кругах. В сентябре 1904 г. Стечкин стал одним из ведущих сотрудников нового издания, «Русской газеты», издаваемой Н.П. Дучинским. Номер «Русской газеты» стоил всего одну копейку — это была газета, предназначенная, главным образом, для рабочих. Один из помощников Мирского, Д.М. Любимов, полагал, что деньги на издание давала полиция через посредство Гапона, который был «душой и главным сотрудником» газеты. В газете хвалили князя Мирского и, главным образом, покровителя гапоновцев градоначальника Фуллона³⁵. Стечкин вел рубрику «Русская жизнь» — он писал о тяжелой жизни рабочих, об условиях на заводах, самоуправстве мастеров и низких расценках. Статьи Стечкина стали популярными среди рабочих, и к нему приходили фабричные со своими проблемами, но, в конце концов, он был вынужден предупредить посетителей, что не может всех принять и предложил рабочим писать письма. После этого он стал получать каждый день десятки писем³⁶.

Гапон захотел познакомиться с популярным среди рабочих писателем и пригласил его посетить отделы «Собрания», между литератором и священником установились дружеские отношения; они посещали друг друга на квартирах и вместе праздновали Новый год. Стечкин часто читал лекции перед рабочими о современном политическом положении³⁷.

Споры вокруг петиции были в разгаре, когда в середине декабря пришло известие об увольнении четырех путиловских рабочих, членов «Собрания». К этому времени быстрый рост гапоновского профсоюза стал вызывать опасения у директоров многих предприятий, и на одном из совещаний было решено противодействовать этому процессу. Увольнение членов «Собрания» должно было подорвать его авторитет среди рабочих; это был «пробный шар» со стороны администрации Путиловского завода, проверка способности «Собрания» защитить своих членов. Вдобавок уволивший рабочих мастер Тетявкин принадлежал к «конкурирующему» профсоюзу, «Обществу взаимопомощи рабочих в механическом производстве». С лидерами этой «зубатовской» организации у Гапона были откровенно враждебные отношения ³⁸.

Гапон не желал обострять возникший конфликт; он отправился к знакомому мастеру Иогансону, но тот откровенно заявил, что «ничего сделать не может, так как это дело главной администрации, желающей приостановить быстрый рост Нарвского отдела “Собрания”» ³⁹. Группа Карелина воспользовалась ситуацией, чтобы поднять на заседаниях «гапоновского штаба» («комитета») вопрос о стачке и совместить его с проблемой подачи петиции. «Последние комитетские собрания, на которых говорилось о путиловских товарищах и петиции, прошли очень шумно, — свидетельствует Петров. — Большинство требовало подачи петиции и поддержки ее стачкой. Гапон не соглашался и укорял всех в незнании. Гапон говорил, что сейчас бессмысленно подавать петицию. “Я знаю лучше вас,— говорил он, — я человек практический и думаю, как бы не вышло из этого хуже”. Он склонял только вести стачку...». Однако при голосовании, в котором участвовали и лекторы-интеллигенты, Гапон и его сторонники оказались в меньшинстве. Тогда Гапон «начал говорить, что если и нужно подать петицию, то мы, рабочие, это сделаем без интеллигенции; она ему стояла поперек горла; он начал ругать ее и упрекал некоторых в том, что они евреи и кричат только из-за того, чтобы захватить власть в свои руки, а после и сядут на нашу шею и на мужика; он, уверял, что это будет хуже самодержавия» ⁴⁰. По показаниям Иноземцева, решение подать петицию было все-таки принято ⁴¹, но Петров утверждал, что споры продолжались и дальше. «На следующем собрании, — вспоминал Петров, — шуму было еще больше потому, что Гапон и не думал о петиции, а интеллигенты, входившие в комитет, узнали это и заявили, что они уходят из нашей организации, если Гапон не согласится подать петицию. Гапон не удерживал, и лекторы ушли... Как только ушли лекторы, сразу же началась агитация, чтобы подать петицию без Гапона... Было уже предварительное собрание о подаче петиции без Гапона; хотя интеллигенция ушла, но связь с нею мы имели» ⁴².

Таким образом, Гапон поссорился со Стечкиным, Финкелем и другими лекторами-интеллигентами ⁴³. 27 декабря состоялось «экстренное чрезвычайное собрание», на которое были приглашены по 20 депутатов от каждого отдела, а также представители партий и корреспонденты газет.

Воспоминания участников об этом собрании кое в чем противоречат друг другу, что объясняется тем, что они записаны спустя не-

сколько лет (или даже десятилетий), и потому могут быть неточными. В частности, некоторые свидетели событий (в том числе и Гапон) дают неверную датировку собрания. Этот вопрос обсуждался исследователями, которые подтвердили указанную выше дату (27 декабря) ⁴⁴. По версии Петрова, собрание постановило «потребовать удовлетворения от администрации: принять товарищей, рассчитанных будто бы за то, что они находились членами в Гапоновской организации, и рассчитать мастера, который их уволил; далее, сейчас же приготовить петицию и готовиться к подаче». Гапон сопротивлялся принятию этого решения, но, в конечном счете, был вынужден согласиться с ним ⁴⁵. Карелин также говорил о столкновении между Гапоном и оппозицией, причем решающую роль сыграл его, Карелина, призыв к рабочим показать, что они не «зубатовцы» и могут отстаивать свои права. После этого большинство проголосовало за подачу петиции ⁴⁶. Однако сам Гапон ничего не говорит ни о столкновении с оппозицией, ни о забастовке, ни о петиции. Он сообщает лишь, что по его предложению было принято решение отправить три делегации (к директору Путиловского завода, к фабричному инспектору Чижову и к градоначальнику Фуллону) с требованием восстановить рабочих и уволить мастера. В последнем (пятом) пункте резолюции рабочие предупреждали, что, если эти требования не будут удовлетворены, «Собрание» «слагает с себя всякую ответственность в случае нарушения спокойствия в столице» ⁴⁷. Сообщение газеты «Революционная Россия» ⁴⁸ и доклад Департамента полиции ⁴⁹ в целом соответствуют версии Гапона, а показания Янова ⁵⁰, Иноземцева ⁵¹ и воспоминания корреспондента Петербургского телеграфного агентства А. Филиппова дополняют эту версию указанием на то, что рабочие приняли решение начать забастовку в случае отказа администрации рассчитать мастера Тетявкина ⁵².

Представляется, что свидетельства Филиппова, который участвовал в составлении резолюции собрания, а потом писал отчет для телеграфного агентства, являются наиболее точным. Окончательное решение о подаче петиции принято не было, и споры по этому вопросу продолжились в начале января.

Филиппов отмечал, что Гапон после собрания 27 декабря жаловался на «совершенную пассивность рабочих». «Действительно, на этом собрании, где присутствовало не более 150 человек, было столько подвыпивших и буянов, что их приходилось сдерживать резкими окриками, которыми в совершенстве владел Гапон». Кроме того, «штаб Гапона» явно нуждался в интеллигентах, способных грамотно сформулировать требования рабочих. Филиппова сразу же попросили помочь в редактировании резолюции собрания, а другого корреспондента, Архангельского, пригласили участвовать в переговорах с фабричным инспектором Чижовым ⁵³.

28 декабря Гапон с группой рабочих направился к градоначальнику Фуллону. «Вначале он пожелал видеть меня одного и принял меня со своей обычной любезностью... — вспоминал Гапон. — Фуллон внимательно просмотрел резолюцию, но, дойдя до пятого пункта, воскликнул с удивлением: “Но это настоящая революция; вы угрожаете спокойствию столицы”. “Вовсе нет, — ответил я успокоительно, — мы и не думаем ни о каких угрозах. Рабочие просто хотят

поддержать своих товарищей. Вы говорили, что будете им помогать в затруднениях, и вот вам представляется случай...» Фуллон обещал сделать все, что в его силах, для удовлетворения наших требований». Как рассказывает Гапон далее, Фуллон действительно связался с Витте и добился возвращения трех рабочих⁵⁴.

В тот же день делегация рабочих во главе с председателем «Собрания» Васильевым (который сменил на этом посту Варнашёва) посетила директора Путиловского завода С.И. Смирнова. Гапон утверждал, что «Смирнов встретил делегатов... очень грубо и так на них кричал, что они ушли, прервав переговоры. Главный фабричный инспектор отнесся также несочувственно, пока делегаты не погрозили, что об отказе их выслушать они напечатают в газетах. Тогда он сказал, что может принять лишь самих уволенных, но отнюдь не делегатов»⁵⁵.

Однако вскоре ситуация изменилась. 30 декабря на Путиловском заводе появилось объявление директора Смирнова с разъяснением о том, что в действительности был уволен лишь один рабочий, и уволен не за принадлежность к «Собранию», а за леность⁵⁶. Инспектор Чижов писал по этому поводу Фуллону: «Следовательно, весь шум, поднятый 27 декабря в Обществе русских рабочих, поднялся зря и, по-видимому, искусственно»⁵⁷. Очевидно, эти уступки и оправдания администрации завода были результатом вмешательства Фуллона, надеявшегося успокоить рабочих. Однако одновременно стали действовать силы, не заинтересованные в мирном разрешении конфликта. Чижов в своем докладе обращал внимание на то, что «в разных газетах стали появляться статьи, описывающие в сгущенных красках бедственное положение рабочих и безучастное к ним отношение правительства и общества»⁵⁸.

На эту тему, в частности, писал упомянутый журналист Архангельский в либеральной газете «Русь», а 31 декабря в «Наших Днях» (газете «Комитетской группы») появилась большая статья А.И. Матюшенского, очевидно, адресованная путиловцам. Автор указывал на пример бакинских рабочих, которые объявляли всеобщие стачки сначала в июле 1903 г., а затем в декабре 1904 года. Упорно отстаивая свои права, бакинцы добились выполнения почти всех своих требований: повышения заработной платы; отмены сверхурочных работ и работы в три смены; получения бесплатной врачебной помощи и т.д. Главным требованием рабочих был 8-часовой рабочий день — требование, до тех пор невиданное, потому что ни в одной стране еще не было подобного прецедента. Однако часть занятых на нефтепромыслах бакинских рабочих сумела добиться от предпринимателей этой важнейшей уступки⁵⁹.

Что думал о перспективах забастовки Гапон? Павлов рассказывал, что 31 декабря Гапон пришел к нему и за штофом водки стал говорить о будущей всеобщей стачке, о выдвижении политических требований, о перспективе столкновений с войсками и о том, что он пытается достать оружие для рабочих⁶⁰. Этот совершенно невероятный рассказ, очевидно, является проекцией в прошлое произошедших позднее событий. На самом деле, как тут же сообщает Павлов, Гапон пришел договариваться насчет музыкального вечера, который должен был состояться 2 января. Филиппов также утверждает, что под Новый год Гапон был озабочен не будущей забастовкой, а орга-

низацией литературных чтений. «Если бы этот вождь революции, каким его привыкли считать, был уверен в предстоящем движении масс, то для него не было никакого смысла вести упорное обсуждение вопроса о просветительных чтениях», — резюмировал Филиппов ⁶¹.

2 января было созвано собрание Нарвского отдела по вопросу о том, следует ли начинать забастовку. Поскольку администрация пошла на уступки, то могло показаться, что забастовки не будет, но дело приняло иной оборот. Председательствовавший на собрании Иноземцев во вступительном слове заявил, что с рабочими поступили несправедливо. Выступивший следом Архангельский посоветовал рабочим «сплотиться и поддержать товарищей». После этого вопрос поставили на голосование, и большинство проголосовало за забастовку ⁶². Иноземцев говорил, что за забастовку выступили «организованные революционными партиями рабочие» — видимо, намекая на Карелина и его товарищей ⁶³. Но помимо негласной деятельности группы Карелина, к этому времени в гапоновской организации велась и открытая революционная пропаганда. На собраниях забастовщиков стали замечать интеллигентов, переодетых рабочими и выступавших от имени рабочих ⁶⁴. Как свидетельствует полицейский отчет, во время собрания 2 января «один из присутствовавших на собрании евреев предложил идти заявлять свои требования с красными знаменами и притом добавить к вышеуказанным требованиям требование политической свободы» ⁶⁵. Но рабочие отвергли это предложение, и агитатора вместе с его помощниками выдворили из зала (впоследствии оказалось, что это был социал-демократ М. Явич) ⁶⁶.

Гапона на собрании не было, видимо, потому, что он опасался полиции (по этой причине не состоялся и запланированный музыкальный вечер) ⁶⁷. Полгода спустя Гапон писал, что решение о забастовке на Путиловском заводе было принято по его предложению, но, разумеется, в новой ситуации он не мог сказать ничего иного ⁶⁸. Филиппов, однако, считал, что забастовка оказалась для Гапона неожиданностью ⁶⁹. Его не было на заводе и утром 3 января, когда рабочие вывели в тачке за проходную мастера Тетявкина и повторили директору Смирнову свои требования: уволить Тетявкина и восстановить единственного рабочего, который еще оставался отстраненным от работы ⁷⁰. Между тем, «Искра» сообщила, что с самого утра перед собравшимися рабочими выступали социал-демократические агитаторы; один из них призвал забастовщиков требовать увеличения заработной платы на 25%, установления минимальной поденной платы в 1 рубль, оказания бесплатной медицинской помощи, а главное — введения 8-часового рабочего дня ⁷¹. После полудня, наконец, появился Гапон и произнес перед рабочими речь, в которой заявил о дополнительных требованиях рабочих. Хотя в своих воспоминаниях он называет среди этих требований 8-часовой рабочий день ⁷², в действительности, как свидетельствует полицейский отчет, это требование тогда еще не было заявлено ⁷³. Матюшенский, которого редакция «Наших Дней» послала на Путиловский завод, вспоминал, что Гапон «не развивал отдельной программы, а как бы топтался на одном месте, вокруг одной и той же мысли “потерпеть” и дожидаться, пока хозяева сдадутся. В голосе слышалась не то неуверенность, не то скрытая боязнь перед аудиторией» ⁷⁴.

Здесь нужно сказать несколько слов об Александре Ивановиче Матюшенском, одном из главных действующих лиц трагедии 9 января. Как значится в следственном деле, он был сыном церковного псаломщика, окончил сельское училище и пять классов гимназии ⁷⁵. В 1904 г. Матюшенскому было 42 года, но гапоновские штабные иногда называли его «стариком». В молодости Матюшенский был простым рабочим, бродил по стране и многое повидал, потом у него обнаружился литературный талант, он работал в провинциальных газетах, кочуя с места на место. Матюшенский писал о жизни рабочих, о забастовках и сам участвовал в организации забастовок. Как вспоминал Филиппов, в Саратове он «сумел сменить самого Максима Горького... и занял авторитетную позицию в “Саратовском Листке”, тогда гремевшем в Поволжье, как носитель прогрессивных течений» ⁷⁶.

Матюшенский рассказал рабочим о бакинских стачках, и рабочие сразу повели его к Гапону. Посланец «Комитетской группы» умалчивает о своей беседе с Гапоном, но сообщает, что «требования бакинских рабочих были положены в основу требований Путиловского завода» ⁷⁷, — тех новых требований, которые появились на следующий день, 4 января. По донесению Департамента полиции, главные требования были следующими: 8-часовой рабочий день, работа в три смены, отмена сверхурочных работ, повышение платы чернорабочих: мужчинам — с 60 коп. до 1 руб., а женщинам — с 40 коп. до 75 коп. в день, улучшение санитарной части на заводе, бесплатная врачебная помощь заводских врачей заболевшим рабочим ⁷⁸.

Матюшенский участвовал в организации бакинской стачки 1903 г., которая закончилась победой рабочих, поэтому, как свидетельствует Филиппов, в глазах Гапона он обладал репутацией «организатора рабочего движения, так сказать, боевого “генерала от революции”» ⁷⁹. По словам Матюшенского, Гапон просил его «помогать в этой самой забастовке», и «генерал от революции» согласился. После этого он бывал у Гапона каждый день и настолько обосновался на его квартире, что даже посылал гапоновских штабных за водкой ⁸⁰. Для начала Матюшенский предложил забастовщикам выставить указанные выше требования. Более подробный их перечень был опубликован в «Наших Днях», и формулировка некоторых из них буквально совпадала с требованиями бакинских рабочих из его предыдущей статьи ⁸¹. По-видимому, «генерал от революции» был послан «Комитетской группой», чтобы побудить Гапона обострить стачечный кризис с помощью непомерных новых требований. 8-часовой рабочий день был возможен на дающих сверхприбыли нефтепромыслах, но не на петербургских заводах. Когда вечером 4 января путиловцы вместе с Гапоном пришли с этим требованием к директору Смирнову, тот ответил, что «это значило бы пустить акционеров Общества Путиловских заводов по миру» ⁸².

Между тем, власти пытались урегулировать кризис мирным путем. 3 января Фуллон говорил с Гапоном по телефону. Он сказал, что все рабочие, кроме одного, восстановлены на работе, и просил прекратить забастовку. Гапон предложил провести переговоры и заручился обещанием, что ни он, ни делегаты забастовщиков не будут арестованы (его очень беспокоила возможность ареста). Гапон заверил Фуллона, что требования рабочих чисто экономические. «Может

быть, рабочие захотят подать петицию царю, — добавил он, — так не бойтесь: все будет тихо и мирно. Рабочие желают только, чтобы услышали их голос»⁸³.

«Тактика Гапона была такова, — сообщал корреспондент «Революционной России», — рабочие должны стоять на защите своих кровных экономических интересов, в собраниях не должно быть речи ни о какой “политике”, не должно быть никаких “листков”. Некоторые рабочие говорили: “Нам обещали не трогать нас, если мы будем бороться только с нашими хозяевами”. Происхождение этих обещаний и предостережений приписывалось Фуллону»⁸⁴.

Фуллон прилагал все силы, чтобы урегулировать конфликт. В «Записке Санкт-Петербургского градоначальника» говорилось: «Градоначальник лично принимал являвшиеся к нему депутации рабочих как с Путиловского, так и с некоторых других заводов, стараясь словами вразумления подействовать на более благоразумную часть рабочих... В то же время происходили непрерывные переговоры с директором Путиловского завода Смирновым и администрацией других заводов о необходимости умиротворения рабочих всеми возможными уступками...»⁸⁵.

Смирнов действительно был готов пойти на некоторые уступки. 3 января он вывесил на заводе объявление, в котором писал: «Я очень сожалею, что рабочие, доверяя больше, чем следует... сильно раздутым рассказам о деле, уклонились от вторичного пересмотра дела...»⁸⁶. Директор написал письмо в «Русскую газету», в котором объяснял, что уволен только один рабочий — и уволен по причине явной неработоспособности, что вообще-то, он, директор, раньше сочувствовал «Собранию» и в свое время записался его членом, сделав взнос в 100 рублей⁸⁷. Вместе с тем, директор завода предупредил рабочих, что руководители «Собрания» «сознательно преследуют цели обострить отношения между заводчиками и рабочими и тем преследуют цели политические, весьма далекие от пользы современному положению рабочих»⁸⁸.

Когда 4 января стало известно о непомерных требованиях забастовщиков, Фуллон вызвал к себе Гапона. «Я человек военный, — заявил он, — и ничего не понимаю в политике. Мне про вас сказали, что вы готовите революцию, Вы говорите совсем иное. Кто прав, я не знаю. Поклянитесь мне на священном евангелии, что вы не против царя, — и я вам поверю»⁸⁹. Гапон поклялся — очевидно, 4 января он не собирался выступать против царя.

В тот же день власти предприняли еще одну попытку уговорить Гапона прекратить забастовку. «Начальник главного тюремного управления Стремоухов, — рассказывал Гапон, — личный друг министра юстиции Муравьева, призвал меня к себе и, в присутствии инспектора тюрем сказал, что ему поручено уговорить меня убедить рабочих стать на работу; при этом он намекнул мне, что если я этого не сделаю, то лишусь места священника в пересыльной тюрьме»⁹⁰. Гапон ответил отказом — он не дорожил своим местом священника, вопрос стоял о чем-то гораздо большем.

Нерешительное поведение властей поощряло Гапона к дальнейшим действиям. Выдвинув требование 8-часового рабочего дня, Гапон и Матюшенский по примеру бакинских организаторов пытались

превратить локальную забастовку путиловцев во всеобщую стачку. По словам Филиппова, Матюшенский «прославил себя знаменитым обращением к рабочим от имени путиловцев. Этот манифест, приписываемый Гапону и сыгравший известную роль, прочитывался рабочим, ибо даже средств для печатания его на каком-либо множительном аппарате у Гапона не было»⁹¹.

Уже в полдень 4 января началась забастовка на Франко-русском заводе, а с утра 5 января забастовал Невский судостроительный завод. Рабочие предъявляли «типовые» требования из «манифеста», дополняя их сообразно местным условиям. На обоих заводах администрация сразу же согласилась удовлетворить все требования рабочих, кроме 8-часового рабочего дня; этот вопрос предлагалось отдать на рассмотрение особой комиссии⁹².

Петров рассказывал о том, как гапоновцы заставляли бастовать рабочих Невского завода: «Мы, человек пять, зашли с конца мастерской и насильственно снимали с работы, бились долго, почти уже не хватало сил; тогда я послал одного погасить освещение, другого остановить машину и дать звонок о прекращении работ. Приходилось почти насильно заставлять одеваться, и так бились долго — не идут да и все... Наконец, раздался пронзительный свист, и машина остановилась. Сейчас же погасло все освещение, и этот-то мрак и поднял дух товарищей; слышались свистки, крик “бросать работу”»⁹³.

Характерные для бакинских стачек методы насильственного «съема» рабочих с работы применялись в Петербурге впервые и, по-видимому, они были подсказаны Гапону его «помощником» Матюшенским⁹⁴. Очевидно, что без применения этих методов забастовка не могла бы принять всеобщий характер. Революционеры стремились воспользоваться ситуацией. На агитацию рабочих были брошены все силы эсеров и социал-демократов. РСДРП в то время была расколота внутренними распрями, и в Санкт-Петербурге существовали три социал-демократические организации: большевистский «комитет РСДРП», меньшевистская «группа при ЦК РСДРП» и «примиренцы». «По полученным агентурным сведениям, вспыхнувшая почти стихийно забастовка застигла местные революционные организации врасплох, — говорилось в записке Департамента полиции, — в настоящее время предположено приложить все усилия, чтобы требования рабочих не были удовлетворены»⁹⁵.

Агитаторы предлагали забастовщикам выдвигать заведомо неприемлемые для властей требования. 4 января, во вторник, появилась первая листовка меньшевиков: помимо экономических в ней было требование «политических свобод и учредительного собрания»⁹⁶. Бурную деятельность развернули меньшевики. «Немедленно было решено примкнуть к движению, — вспоминал один из участников событий, — расширить его, другими словами — перегнуть его на свою сторону, то есть к экономическим требованиям добавить и политические... И с 4 января все агитационные силы, как соц.-дем., так и соц.-рев., ринулись в районы»⁹⁷. Особенно энергичная агитация проводилась в Невском районе. «Со вторника началось сильное движение в Невском районе, — писала «Искра». — Социал-демократы смело проникали на собрания и добивались, не в пример Нарвскому району, быстрого успеха. Председателем 7-го отдела “Общества” (Не-

вского отдела) был рабочий Петров... Он старался не пускать социал-демократов на собрания и во вторник оппонировал нашему оратору. Последний, однако, сумел так повести дело, что в отсутствие Петрова его самого выбрали в председатели...»⁹⁸. Петров рассказывает об одном из собраний в Невском отделе: «Ораторы разъясняли о вреде самодержавия рабочим и всему русскому народу, кричали: “Долой войну”. Появилась масса рабочих обратных понятий, они выступили вперед и кричали: “Нам нужно самодержавие, нужна война, мы должны победить японцев, мы не уступим им!” Оратор продолжал, и толпа бушевала и кричала: “Долой оратора!”»⁹⁹.

Забастовка расширялась, но никто не мог предвидеть, что она закончится шествием к Зимнему дворцу и «Кровавым воскресеньем».

Примечания

1. П. (СТРУВЕ П.). Насущная задача нашего времени. — Освобождение. 1905, № 63, с. 221.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ДП. Д-7, ф. 102, оп. 201, д. 3572, л. 10.
3. Там же, с. 12.
4. Там же, л. 13; ДП. ОО. 1904, оп. 232. 1904, д. 1250, т. 3, ч. 2, л. 270.
5. Цит. по: АВЕНАР Э. Кровавое воскресенье (9-ое января 1905 г.). Харьков. 1925, с. 61, прим. 13.
6. ПЕРЕТЦ Е.А. Дневник Е.А. Перетца (1880—1883). М. 1927, с. 39.
7. ГЛИНСКИЙ Б.Б. Константин Петрович Победоносцев. В кн.: Тайный правитель России. К.П. Победоносцев и его корреспонденты. М. 2001, с. 27.
8. Цит. по: Кризис самодержавия в России. 1895—1917. Л. 1983, с. 84.
9. Цит. по: ЛУРЬЕ Ф.М. Полицейские и провокаторы. СПб. 1992, с. 249.
10. ПЕТРОВ Н.П. Записки о Гапоне. — Всемирный Вестник. СПб. 1907, №1, с. 44.
11. ГА РФ, ДП. Д-7. 1905, ф. 102, оп. 202, д. 138, т. 1, л. 10; КСЕНОФОНТОВ И.Н. Георгий Гапон: вымысел и правда. М. 1996, с. 57—58.
12. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 279, оп. 2, д. 230, л. 94.
13. ПОТОЛОВ С.И. Петербургские рабочие и интеллигенция накануне революции 1905—1907 гг. «Собрание русских фабрично-заводских рабочих С.-Петербурга». В кн.: Рабочие и интеллигенция в России в эпоху реформ и революций. 1861 — февраль 1917 г. СПб. 1997, с. 532.
14. КРАНИХФЕЛД В. «Кровавое воскресенье». 9 января 1905 г. в Петербурге. — Мир божий. 1906, январь, с. 149.
15. РГАСПИ, ф. 279, оп. 2, д. 230, л. 94.
16. ВАРНАШЁВ Н.М. От начала до конца с гапоновской организацией. Историко-революционный сборник. Т. 1. М.-Л. 1924, с. 192.
17. ДЕЙЧ Л.Г. Священник Георгий Гапон. В кн.: ДЕЙЧ Л.Г. Провокаторы и террор. По личным воспоминаниям. Тула. 1927, с. 42.
18. ВАРНАШЁВ Н.М. Ук. соч., 195.
19. Там же, с. 197—198.
20. ШИЛОВ А. К документальной истории «петиции» 9 января 1905 года. — Красная летопись. 1925, № 2, с. 20—21; SURH G. 1905 in St. Petersburg: Labor, Society, and Revolution. Stanford. 1989, p. 120—121.
21. ПЕТРОВ Н.П. Записки о Гапоне. Ч. 1. — Всемирный Вестник. СПб. 1907, №1, с. 40.
22. РГАСПИ, ф. 279, оп. 2, д. 230, л. 76об.
23. ГАПОН Г. История моей жизни. Л. 1926, с. 71; КАРЕЛИН А.Е. 9 января и Гапон. — Красная летопись. 1922, № 1, с. 109.
24. ШИЛОВ А. Ук. соч., с. 22.

25. РГАСПИ, ф. 279, оп. 2, д. 230, л. 76об.
26. ВАРНАШЁВ Н.М. Ук. соч., с. 200—201.
27. ПЕТРОВ Н.П. Ук. соч., с. 41.
28. ПАВЛОВ И.И. Из воспоминаний о «Рабочем Союзе» и священнике Гапоне. — Минувшие годы. 1908, кн. 3, с. 47.
29. КАРЕЛИН А.Е. 9 января и Гапон. — Красная летопись. 1922, № 1, с. 109.
30. ГА РФ, Д-7. 1905, ф. 102, оп. 202, т. 1, д. 138, л. 2; КОЛОКОЛЬНИКОВ П. (ДМИТРИЕВ К.). Отрывки из воспоминаний. 1905—1907 гг. В кн.: Материалы по истории проф. движения в России. Сб. 2. 1924, с. 211—212.
31. ФИЛИППОВ А. Странички минувшего. I. Несколько слов о Гапоне. — Новый Журнал для всех. СПб. 1913, № 6, ст. 112.
32. ГА РФ, Д-7, ф. 102, оп. 202, д. 118, л. 21; ф. 124, оп. 43, д. 1738, л. 16; Протокол допроса В.А. Янова. — Красная летопись. 1922, № 1, с. 314—315.
33. ГА РФ, ф. 124, оп. 43, д. 1737, л. 71.
34. Протокол допроса В.А. Янова, с. 314—315.
35. ЛЮБИМОВ Д.Н. Гапон и 9 января. — Вопросы истории. 1965, № 8, с. 125.
36. Русская газета. 1904, № 62, с. 4; № 65, с. 4.
37. Протокол допроса С.Я. Стечкина. — Красная летопись. 1922, № 1, с. 325—328; СВЯТЛОВСКИЙ В. Профессиональное движение в России. СПб. 1907, с. 80.
38. ПАВЛОВ И.И. Ук. соч., с. 81; SURH G. Op. cit., p. 147.
39. Цит. по: ПАВЛОВ И.И. Из воспоминаний о «Рабочем Союзе» и священнике Гапоне. — Минувшие годы. 1908, кн. 4, с. 81.
40. ПЕТРОВ Н.П. Ук. соч., с. 42—43.
41. Протокол допроса В.И. Иноземцева. — Красная летопись. 1922, № 1, с. 308.
42. Там же, с. 44.
43. ПЕТРОВ Н.П. Ук. соч., с. 51; ФИЛИППОВ А. Ук. соч., с. 111—112.
44. РОМАНОВ Б. К характеристике Гапона. — Красная летопись. 1925, № 2, с. 38.
45. ПЕТРОВ Н.П. Ук. соч., с. 44—45.
46. Там же, с. 44—45; КАРЕЛИН А.Е. Ук. соч., с. 111.
47. ГАПОН Г. Ук. соч., с. 75.
48. Рабочее движение в городах и деревнях. — Революционная Россия. 1905, № 60, с. 17.
49. ГА РФ, ДП. ОО. 1905, оп. 233, д. 4, ч. 1, л. 1.
50. Протокол допроса В.А. Янова, с. 311.
51. Протокол допроса В.И. Иноземцева, с. 309.
52. ФИЛИППОВ А. Ук. соч., ст. 110—111.
53. Там же.
54. ГАПОН Г. Ук. соч., с. 77, 81.
55. Там же, с. 76.
56. НЕВСКИЙ В. Январские дни в Петербурге в 1905 году. — Красная летопись. 1922, № 1, с. 16.
57. Докладная записка старшего фабричного инспектора Санкт-Петербургской губернии С. Чижова в адрес Санкт-Петербургского градоначальника 30 декабря 1904 г. — Красная летопись. 1925, № 2, с. 44.
58. Там же, с. 47.
59. МАТЮШЕНСКИЙ А. Забастовки в Баку. — Наши дни. № 13, с. 1—2.
60. ПАВЛОВ И.И. Ук. соч., с. 84—85.
61. ФИЛИППОВ А. Ук. соч., ст. 111—112.
62. НЕВСКИЙ В. Ук. соч., с. 17—18.
63. Протокол допроса В.И. Иноземцева, с. 309.
64. ГА РФ, ф. 124, оп. 43, д. 1738, л. 10об.
65. Начало первой русской революции. Январь-март 1905 года. М. 1955, с. 4.
66. ГА РФ, ДП. ОО. 1905, оп. 233, д. 4, ч. 1, л. 2, 6.
67. ПАВЛОВ И.И. Ук. соч., с. 86.
68. ГАПОН Г. Ук. соч., с. 78.
69. ФИЛИППОВ А. Ук. соч., ст. 113.
70. НЕВСКИЙ В. Ук. соч., с. 19
71. Искра. 1905, № 84, с. 2.

72. ГАПОН Г. Ук. соч., с. 80.
73. ГА РФ, ДП. ОО. 1905, оп. 233, д. 4, ч. 1, л. 8—9.
74. МАТЮШЕНСКИЙ А.И. Гапон и мой антихрист. Благовещенск. 1917, с. 6.
75. ГА РФ, ф. 102. ДП. Д-7. 1905, оп. 202, т. 1, д. 138; д. 15, л. 1.
76. ФИЛИППОВ А. Ук. соч., ст. 114.
77. МАТЮШЕНСКИЙ А.И. Гапон и мой антихрист, с. 4.
78. Начало первой русской революции, с. 7.
79. ФИЛИППОВ А. Ук. соч., ст. 114.
80. МАТЮШЕНСКИЙ А.И. Гапон и мой антихрист, с. 8—9, 17; ФИЛИППОВ А. Ук. соч., ст. 114.
81. МАТЮШЕНСКИЙ А. Забастовки в Баку, с. 1—2; На заводах. — Наши дни. № 17, с. 2.
82. Начало первой русской революции, с. 7.
83. ГАПОН Г. Ук. соч., с. 81.
84. Рабочее движение в городах и деревнях. — Революционная Россия. 1905, № 60, с. 18.
85. ВАЛК С. Петербургское градоначальство и 9-е января. — Красная летопись. 1925, № 1, с. 37—48.
86. На Путиловском заводе. — Биржевые ведомости. 1905, № 6, с. 3.
87. От Путиловского завода (письмо в редакцию). — Русская газета. 1904, № 112, с. 4.
88. Листовка СПб. Комитета РСДРП. — Красная летопись. 1922, № 1, с. 166.
89. ГЕРАСИМОВ А.В. На лезвии с террористами. Париж. 1985, с. 25.
90. ГАПОН Г. Ук. соч., с. 82.
91. ФИЛИППОВ А. Ук. соч., ст. 114.
92. На Франко-русском заводе. — Биржевые ведомости. 1905, № 6, с. 3; Забастовка рабочих. — Новое время. № 10 363 (5 янв.), с. 5; РГАСПИ, ф. 279, оп. 2, д. 230, л. 94об.
93. ПЕТРОВ Н.П. Ук. соч., с. 46—47.
94. ПУШКАРЁВА И.М. Рабочее движение в год II съезда РСДРП. — Отечественная история. 2003, №4.
95. ГА РФ, ДП. ОО. 1905, оп. 233, д. 4, ч. 1, л. 19.
96. ГАПОН Г. Ук. соч., с. 164, прим. 121.
97. ЛЮДВИГ Г.-Б. Гапоновские дни. Личные воспоминания участника. — Новое русское слово. Нью-Йорк, 1942, № 10 594, с. 2.
98. События в Петербурге 9—11 января (от члена местной группы при ЦК). — Искра. 1905, № 86, с. 2.
99. ПЕТРОВ Н.П. Ук. соч., с. 48.

«Континентальный плацдарм»

З.Р. Сабирова

Первая мировая война — один из самых широкомасштабных вооруженных конфликтов в истории человечества. На какое-то время она была незаслуженно лишена внимания наших историков и теперь вернула его. Ее грандиозный масштаб и затяжной характер привели к беспрецедентной для индустриальных государств милитаризации экономики — усилению государственного регулирования и планирования экономики, формированию военно-промышленных комплексов, ускорению развития общенациональных экономических инфраструктур (энергосистем, сети сухопутных и речных (морских) дорог и т. п.), росту доли производств оборонной продукции и продукции двойного назначения.

Но, как считает С.В. Волков, Россия вела войну с гораздо меньшим напряжением сил, чем ее противники и союзники. Общие потери были для России несравненно менее чувствительными, чем для других стран. Доля мобилизованных в России была наименьшей — 39 % от всех мужчин в возрасте 15—49 лет, тогда как в Германии — 81 %, а в Австро-Венгрии — 74 %¹.

Не секрет, что пребывание любой страны в состоянии войны сказывается на всех ее регионах. В этом отношении Урал не был просто провинциальной «глубинкой» России, а, напротив, как писал Витте, должен был стать континентальным плацдармом в борьбе России за мировое господство. Поэтому весьма актуальным сегодня становится вопрос о тех изменениях, которые произошли на Урале перед, во время и после мировой войны, насколько они были глубоки и новы для этого региона².

В годы первой мировой войны масштабы деятельности Крестьянского поземельного банка приобрели более скромный характер, чем перед войной. Но в 1916 г. он уже вышел на уровень 1913 г., что было связано с тем, что правительство лишило в 1915 г. иностранных под-

Сабирова Зухра Рамилевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН.

данных неприятельских стран права владения и приобретения в собственность недвижимого имущества в пределах Российской империи. Они были обязаны в принудительном порядке продать свои имения коренным жителям России: «В конечном итоге благодаря целенаправленной деятельности банка крестьянская частная собственность на землю в начале XX века стала второй по размерам формой землевладения после дворянской»³. Однако война «брала свое» — к 1916 г. на одно крестьянское хозяйство Уфимской губернии приходилось в среднем по одному наемному работнику, в то время как на владельческое — по 12. Таким образом, тяготы войны падали на многочисленное сельское население.

Росло число обезземелившихся. Особенно этому способствовал голод 1911—1912 гг., в результате которого крестьяне вынуждены были продавать свою землю намного дешевле. В Уфимской губернии в 1912 г. было 32 тыс. безземельных хозяйств, в 1917 г. — 57,7 тыс. (14 % всех хозяйств); в Оренбургской — 21,8 %⁴. За счет продажи земель крестьянами сократилось соответственно и число безпосевных и мелкопосевных хозяйств. Но больше всего уменьшилось число многосеющих. Первая мировая война сократила площадь озимых посевов в крае на 55%, площадь паров — на 54 %⁵. М.П. Красильников писал: «Это тем более, что урожайность наших полей поразительна по своей величине,... но наше главное горе не столько в низкой урожайности, сколько в неустойчивости и колебамости урожая...», поэтому «не может быть уверенности в будущем урожае»⁶. И несмотря на то, что за последнее перед войной десятилетие в плане использования уборочного инвентаря крестьянское хозяйство сделало крупные шаги, существовали еще и другие проблемы, например нехватка скота. На одну семью до 6 чел. постановлено было оставлять 1 корову, на семью из 12 чел. — 2 коровы, остальное — конфисковали для нужд армии⁷. Сокращение работоспособного мужского населения вследствие мобилизации привело к широкому применению труда беженцев, высланных и военнопленных⁸.

Изменился и характер начавшегося еще до войны переселенческого движения. Так, наибольшее количество переселенцев проследовало через Челябинский регистрационный пункт в период с 1906 по 1914 г. из Уфимской губернии (52 тыс. чел.) и из Оренбургской (30 тыс. чел.). Обратных переселенцев же вернулось в Уфимскую губернию около $\frac{1}{4}$, в Оренбургскую — $\frac{1}{5}$ ⁹. К 1916 г. в Оренбургской губернии осело 65 124 беженца¹⁰. Основная забота о них легла на плечи местных обществ призрения и попечительских обществ. Еще в 1913 г. Попечительным советом Уфимской общины Красного Креста был выработан и Главным управлением утвержден мобилизационный план, согласно которому Община должна была в 30-дневный срок со дня объявления войны сформировать этапный лазарет на 50 кроватей. Предполагалось, что лазарет будет размещен в здании Общества в Уфе. Но с началом войны, по распоряжению Главного управления Общества, его направили в действующую армию в составе старшего врача, 6 сестер милосердия и 10 санитаров¹¹. А в 1914 г. по ходатайству Уфимского польского общества, в бесплатное пользование было передано новое помещение работного дома Уфимского Попечительства о народной трезвости, для устройства в нем убежища и столовой для

польских беженцев. Кроме того, для оказания помощи больным и раненым Губернским комитетом было предоставлено местному Обществу Красного Креста 15 кроватей в Приюте алкоголиков «с полным их оборудованием за счет Попечительства трезвости»¹².

Естественно, что война и обострившаяся в связи с этим общественно-политическая обстановка наложили свой неизгладимый отпечаток на социальное развитие региона. Влияние возвращавшихся с войны фронтовиков усиливалось за счет уменьшения сосланных сюда «неблагонадежных элементов общества», отправленных на Урал на каторжные работы на заводах еще задолго до начала XX в., которых затем сменили ссыльные в Сибирь. Во введении к работе «Первая мировая война: Пролог XX века» авторы, касаясь вовлеченности России в первую мировую войну, утверждают: «Важно отметить вместе с тем, что культ насилия одерживал верх не обязательно у наций, утративших психическое равновесие из-за поражения и неудач. Сказывался родившийся в ходе всеобщей бойни синдром безнаказанности и вседозволенности... Война как бы выдавала индульгенцию революционному насилию»¹³. Это в полной мере можно отнести не только к периоду первой мировой войны, но и к революции 1905—1907 гг., русско-японской войне, а также к революциям 1917 года.

Первая мировая война, тем не менее, не помешала процессам концентрации капитала и развития акционирования. В 1913—1917 гг. акционерный капитал вырос, а доля иностранного капитала в акционировании наоборот снизилась с 29 до 19%¹⁴. В результате, русские коммерческие банки к 1917 г. установили контроль над 16 из 18 уральских акционерных обществ, в числе которых находились и предприятия Башкирии. В годы войны процесс монополизации также продолжался, главенствующее положение в нем занял Петербургский международный банк, овладев Белорецким обществом и Катав-Ивановским округом.

В докладной записке на имя С.Ю. Витте по итогам поездки на Урал Д.И. Менделеев в числе многих предпосылок подъема уральской металлургии (экономико-правовых, технических, культурных) отмечал решающее значение транспортных связей. Он предложил широко-меридиональную «сетевую» схему нового железнодорожного строительства на Урале, которая решала несколько проблем разом — беспрепятственное движение каменного угля, древесного топлива и железной руды к местам их наиболее рационального использования, а готовой металлургической продукции — к рынкам сбыта¹⁵. Новые транспортные коммуникации, прокладываемые на востоке России в конце XIX — начале XX в., явились частью плана Витте по модернизации России. Их стратегическое значение состояло в том, чтобы обеспечить свободную циркуляцию капиталов, рабочей силы и товаров между регионами, способствуя их интеграции в крупные территориально-хозяйственные системы. На Урале, где горнозаводская промышленность могла сообщаться с остальной Россией лишь посредством сезонного речного (через Волжско-Камский бассейн) и гужевого транспорта, это было особенно заметно. Железнодорожное строительство соединяло заводы Южного и Среднего Урала с центральными районами России и перспективной Западной Сибирью. Такой перенос акцентов должен был превратить Урал из тылового региона в резервное «ядро» страны перед растущей опасностью мировой войны.

Так, в годы промышленного подъема, совпавшего с началом первой мировой войны, стала появляться железнодорожная «паутина»: строилась железная дорога Лысьва — Бердяуш (1913—1916 гг.), проектировались также магистрали Казань — Екатеринбург, Орск — Бердяуш, Уфа — Оренбург, Уфа — Белорецк, Бакал — Белорецк — Магнитная, Обь — Урало-Беломорская дорога длиной 1280 верст. Грузооборот Самаро-Златоустовской железной дороги в 1913 г. уже составлял 276 497 тыс. пудов. А грузооборот станций Оренбургской губернии по линии Кинель — Ташкент Ташкентской железной дороги составлял 26,264 тыс. пудов, причем основными пунктами отправки и доставки товаров были Оренбург и Илецк. Троицкая железная дорога в том же году отправила и приняла в общей массе 11,09 тыс. пуд. груза ¹⁶. В 1913 г. А.Е. Богдановским, Д.И. Опариним и М.А. Бунтиным было произведено обследование железной дороги Оренбург — Уфа — Кунгур. Согласно указаниям Государственной думы при ассигновании кредитов общий объем работ был расширен: кроме основного меридианального направления, намеченного примерно по западному склону предгорий Уральского хребта, в задание было введено также обследование направления от Уфы на северо-запад до пересечения с уже строившейся дорогой Казань — Сарапуль — Екатеринбург. При этом была определена цель — проведение железной дороги Оренбург — Уфа — Кунгур, наряду с созданием линии, способной оживить экономику края, должно было соединить северную и центральную части западного Предуралья с южным Уралом и средне-азиатскими владениями России ¹⁷.

В 1914 г. было начато строительство Белорецкой и Троицко-Орской железных дорог ¹⁸. Линия Лысьва — Бердяуш обеспечивала заводы кизеловским углем и бакальской рудой, Тавдинская линия давала доступ к лесам Урала и Западной Сибири, что позволило увеличить заготовку древесного топлива, а также связывала Волжско-Камский и Обско-Иртышский речные бассейны, разгрузив Транссибирскую магистраль. Шло строительство железнодорожных линий Уфа — Магнитная и Уфа — Троицк ¹⁹. Таким образом, проекты строительства железнодорожных линий в Башкирии в тот период носили не только сугубо местное, но и общероссийское значение.

Огромное влияние оказала первая мировая война на промышленность региона. Хотя эта проблема требует отдельного рассмотрения, невозможно обойти вниманием некоторые важные моменты. С началом первой мировой войны произошли значительные изменения финансово-экономической ситуации в промышленности, и уже в начале 1914 г. наметились явные признаки промышленного спада. Слабость и диспропорция в хозяйстве не давали возможности быстро перестроиться на массовое производство военной продукции. Развернувшаяся в годы нового экономического подъема перестройка горнозаводской промышленности еще не была завершена, крупное железнодорожное строительство не закончено. Все еще перестраивались заводы военной продукции. Частные заводы к военным заказам не привлекались, так как правительство считало войну кратковременным явлением. Однако уже во второй половине 1914 г. казенная промышленность приступила к массовому производству военной продукции. В 1914—1916 гг. заводы сохранили на прежнем уровне вы-

пуск чугуна, но полностью отказались от выпуска кровельного железа. Зато почти в 2 раза увеличилось производство сортового железа, проволоки и снарядной стали.

Военные события осложнили работу частной промышленности вследствие сокращения спроса, но главным образом из-за затруднений с перевозками горнозаводских грузов, из-за невозможности получать вовремя и в необходимом количестве сырье, отправлять готовую продукцию, нехватки рабочих, сокращения конной силы²⁰. Предприятия оказались в замкнутом круге: стабильно работающие хозяйства неизбежно увеличивали издержки производства продукции, что влияло на рост отпускных цен и сроки сбыта (трудности транспортировки и размещения)²¹. В условиях войны цены на продукты питания росли, что вынуждало рабочих требовать повышения зарплаты²². Это влекло за собой рост издержек на необходимые сырье и материалы и естественно рост цен на готовую продукцию. Рост цен не всегда сопровождался ростом прибыли горнозаводчиков с реализуемого товара, так как снижение покупательной способности закономерно возвращало отпускную цену товаров к себестоимости. Становилось очевидным, что только выполнение военных заказов гарантировало более стабильное финансирование, а, тем более, и сбыт продукции. В 1914 г. к выполнению военных заказов могли приступить лишь те предприятия, для которых производство военной продукции не требовало значительных затрат. Для остальных — военные заказы не носили систематического характера. Летом 1915 г. на Урале побывала комиссия с целью изучения его возможностей в производстве военной продукции. При посредничестве образованного 6 июня 1915 г. Уральского горнозаводского военно-промышленного комитета была создана система военных заказов для уральских металлургических предприятий, предусматривавшая многочисленные льготы для заводов²³.

Основные требования горнозаводчиков, поставленные перед правительством, были изложены в особой записке. Тяжелое положение на фронтах, сложившееся в 1915 г., острый недостаток вооружения и военных припасов вынудили правительство согласиться с их требованиями: военные заказы были приняты по повышенным ценам, технические нормы продукции смягчены. Общая стоимость заказов, полученных горнозаводчиками, составила около 200 млн рублей. Сумма годового оборота одного из товариществ в 1916 г. равнялась 463 980 рублям²⁴. Довольно часто недостатки при исполнении военных заказов объяснялись недогрузом производственных мощностей при изношенном оборудовании, расстройством транспорта, мобилизацией большей части рабочих и т.д.

По данным на 21 января 1917 г., уголь Челябинского углепромышленного Акционерного общества стал настолько низкого качества, имея в своем составе до 15—20 % земли, что к употреблению как топливо для котлов был непригоден. При общем увеличении цен на производимую продукцию, особенно выросли цены на древесное сырье (в 1916 г. по сравнению с 1913 г. на 50%)²⁵. В 1915—1916 гг. из-за недостатка топлива и рабочих рук было остановлено несколько доменных печей, а некоторые работали не с полной нагрузкой²⁶. Таким образом, доля Урала в выплавке чугуна была намного сниже-

на. Однако того же нельзя сказать об изготовлении железа, стали, меди ²⁷. Производительность доменных печей повысилась: если в 1912 г. на одну домну в среднем выплавлялось 693 тыс. пуд. чугуна, то в 1916 г. — 780 тыс. пудов. Росли число и емкость мартеновских печей ²⁸.

Кроме отрицательного влияния дезорганизации железнодорожного транспорта, на состоянии экономики сказалась нехватка призванных в первый год войны рабочих как квалифицированных (22,3%), так и вспомогательных, особенно в отраслях, обеспечивавших заводы топливом и рудой (43,7%) ²⁹. В Журнале № 118 «Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства» существовало «Особое мнение», объясняющее данную ситуацию следующим образом: «...русская промышленность, изготовляющая предметы обороны, встретила со значительными затруднениями в виде невозможности ни за какую плату найти рабочих на некоторые... необходимые... подсобные работы. Ввиду особой важности таких работ, а также признавая, что в России существует значительный кадр лиц, свободных от несения каких-либо повинностей, связанных с государственной обороной, Особое Совещание решило внести... известный порядок, связанный, в случае необходимости, с принудительностью труда, в виде известной натуральной повинности». Жертвой расстройств подсобных работ Ф. Иванов, член Государственного совета и автор «Особого мнения», считал, прежде всего, Урал, «где казенные и частные заводы, без исключения, работающие на государственную оборону (на Урале к середине 1916 г. работали на оборону 87 % всех заводов. — З.С.) и дающие свыше 50-ти млн пудов лучшего для обороны металла, связаны с целым рядом подсобных работ, успешное выполнение которых зависит от времени года... Руда... может быть добыта в май-август; рубка дров занимает апрель-июнь, сентябрь-ноябрь; гужевые перевозки руды, дров, угля, флюсов — декабрь-февраль и сплавы дров к заводам и углевыжигательным печам — в период дружного таяния снегов» ³⁰. Стремясь удешевить рабочую силу, горнозаводчики добились перевода рабочих на положение военнообязанных, более интенсивно стали применять труд женщин и подростков, так как существенные ограничения из рабочего законодательства отпали ³¹. Их труд использовался на основании временно установленных отступлений в ст. 64, 65, 68, 74 и 194—100 Устава о промышленном труде (Свод законов. Т. XI, изд. 1913 г.), правил о работе женщин и лиц, не достигших семнадцатилетнего возраста и о продолжительности и распределении рабочего времени. Причем ходатайства о применении женского, детского или труда военнопленных, согласно имеющимся разъяснениям, возбуждались каждым предприятием отдельно ³².

Со второй половины 1915 г. стал широко применяться труд военнопленных (в 1915 г. из 141 607 чел. в горнозаводской промышленности военнопленных было 17,1%; к ноябрю 1917 г. он вырос до 44%) ³³. 1 февраля 1917 г. одно из уральских товариществ обратилось в Штаб Казанского военного округа: «Имея заказы Центрального Военно-промышленного Комитета и Морского Министерства и крайне нуждаясь в рабочих, настоящим имеем честь покорнейше просить распоряжения об отпуске нам для работ военнопленных австрийцев человек 20. Завод в настоящее время имеет 8 человек военнопленных

австрийцев (поляков и немцев), которые работают на оборону, причем как уменьем работать, так и прилежанием их, завод вполне доволен»³⁴. В основной массе это были «военнопленные нижних чинов»³⁵. XX съезд горнопромышленников Урала возбудил перед Правительством ходатайство о разрешении горнозаводским предприятиям Урала нанимать пленных по добровольному с ними соглашению и «об установлении облегченных условий содержания пленных». О том, насколько добровольным могло быть это соглашение и что значит «облегченные условия содержания», нетрудно догадаться³⁶. Отдел по обеспечению промышленных предприятий рабочим составом ЦВПК выслал «доверительно» и «весьма спешно» Управляющим заводами Урала циркуляр, в котором указал, что «надлежит обратить самое серьезное внимание на более широкое использование труда военнопленных», которые уже нашли применение на сельскохозяйственных работах, а также «обратить внимание на более широкое пользование желтым трудом» (то есть, китайцев и корейцев. — З.С.)³⁷, что и сделали управляющие предприятиями. Плохие условия содержания работающих военнопленных и ничтожная зарплата побуждали их к выступлениям³⁸. Например, зарплата военнопленных на заводах АО Белорецких железоделательных заводов составляла: чернорабочим средней руки — 5 руб., конюхам — 5 руб. 62 коп., кузнецам и столярам — 5 руб. 25 коп., надсмотрщикам — 6 руб. 66 коп., причем, если коренных белорецких рабочих (мужчин, женщин) на заводах на 23 марта 1916 г. насчитывалось 2255 чел., то военнопленных — 124 чел. и приезжих рабочих — 415 человек. Порядок доставки китайских рабочих был следующим: подрядчик привозил 300 здоровых рабочих, не страдавших никакими заразными болезнями; за дорогу уплачивалось по 25 руб. через 3 месяца по прибытии рабочих; в обеспечение доставки и правильной их работы подрядчик вносил залог в сумме 2000 руб.; рабочие получали зарплату, а также квартиру с освещением и отоплением; рабочие, утратившие трудоспособность и работавшие не более 3-х лет, отправлялись на родину за счет рабочего³⁹. 25 апреля 1916 г. на основании Циркуляра Уполномоченного по делам военнообязанных, вычет $\frac{1}{4}$ части зарплаты военнопленных в особый фонд был отменен, зарплата устанавливалась в соответствии с существовавшими местными ценами на каждую категорию работ, расчетные книжки по зарплате должны были выдаваться им на руки⁴⁰.

Нехватка рабочих кадров решалась также путем предоставления отсрочек рабочим предприятий. В Верхнеуральском уезде был создан Комитет по делам о предоставлении отсрочки военнообязанным⁴¹, Главный Комитет и Уездные (Окружные и Городские) Комитеты при Главном Управлении Штаба. «Высочайше утвержденное положение Совета Министров о порядке предоставления отсрочек по призывам в армию в текущую войну» предоставляло их рабочим предприятий, непосредственно работающих на оборону государства, поставляющих данным предприятиям сырье и необходимую продукцию; рабочим и служащим внутренних водных путей и шоссейных дорог (то есть, практически каждое предприятие народного хозяйства имело возможность квалифицировать собственные виды на рабочую силу как необходимость военного времени); предприятиям, производившим работы для нужд обороны по заказам казенных учреждений, железно-

дорожных обществ, ВПК и Союзов Земств и Городов, или хотя бы по заказам частных предприятий, но для выполнения ими заказов казны и упомянутых учреждений (75% производимого товара), или признанное Уездным Комитетом исключительно важным вследствие обеспечения населения предметами первой необходимости⁴². Отсрочку рабочие получали на 5 месяцев независимо от того, на каких работах они были заняты — вспомогательных или основных, а предприятие каждый раз обязано было предоставлять обновленные сведения на отсрочки⁴³. Не призывались управляющие предприятиями или отдельными их частями, технический и медицинский персонал, все лица, занимающие ответственные и требующие специальных знаний или умения должности⁴⁴. В число квалифицированных вспомогательных рабочих были внесены инструментальщики, модельщики, монтажные слесари⁴⁵.

Теперь остановимся на создании регулирующих органов по руководству экономикой в годы войны. 7 ноября 1915 г. было создано Уральское заводское совещание, но своих задач оно выполнить не смогло. Гораздо более существенную роль пытались играть Военно-промышленные комитеты, организованные самими горнозаводчиками. 30 мая 1915 г. решением IX съезда представителей промышленности и торговли был создан Центральный Военно-промышленный Комитет. Было образовано еще два ВПК. Первым официально 4 июня 1915 г. в Петербурге, из представителей правлений горнопромышленных компаний⁴⁶ создали Уральский горнозаводской ВПК (УГВПК), призванный в целях содействия обороне служить для объединения горной промышленности Урала⁴⁷. В его положении говорилось, что он создается с целью содействия: 1) в выяснении данных о военных заказах и условий их получения, 2) помощи им в получении через правительственные органы сырья, топлива, рабочей силы, перевозок, оборотных средств и валюты⁴⁸. Кроме того, его организаторы имели значительное влияние на синдикаты «Продамет», «Кровля», «Медь», которым Особым Совещанием по Обороне было поручено распределение заказов. Второй, областной ВПК с центром в Екатеринбурге, должен был объединить химическую, кожевенную, ремесленную промышленность на месте при согласовании распоряжений, регулирующих эту деятельность, с условиями местной жизни, общим положением местной промышленности и торговли, с распоряжениями местных властей⁴⁹, так как УГВПК мог объединить лишь некоторую часть уральской промышленности, преимущественно горнозаводской. Екатеринбургский биржевой комитет взял на себя всю подготовку по созыву учредительного собрания Уральского военно-промышленного комитета. На нем наиболее внушительную и организованную группу составляли уполномоченные правлений горнозаводских округов; из 11 человек правления комитета 5 оказались представителями администрации горнозаводских предприятий. Поддержка деловой общественности давала ВПК простор в регулировании военной экономики. На учет были взяты 136 предприятий, имеющих военные заказы и могущих взять их дополнительно, и 100, не имеющих военных заказов. Совместно с земствами комитет установил возможность передавать значительное количество интендантских заказов и заказов по выделке отдельных деталей снаряжения и

вооружения для крупных заводов кустарной промышленности. Однако крупные промышленники саботировали шаги Екатеринбургского ВПК в этом отношении, вызывая недовольство части комитета, представлявшей интересы мелкой и средней промышленности. Под предлогом того, что функции Петроградского УВПК дублируют функции Екатеринбургского, последние выступили с требованием ликвидировать Петроградский УВПК. Предложение не было поддержано, а в начале 1916 г. Уральский комитет вообще отказался от привлечения мелкой и средней промышленности к военным заказам⁵⁰. В результате средние и мелкие промышленники предпочли иметь дело с земгорами и земсоюзами. Связь с районными комитетами была непостоянной и безрезультатной. Несмотря на все «старания» горнозаводчиков поднять собственные предприятия, производимый ими товар не удовлетворял всех нужд государства. В журналах Особого Совещания по Обороне государства за октябрь 1916 г. в докладе главного уполномоченного по снабжению металлами генерала-от-инфантерии А.З. Мышлаевского говорится: «Общая производительность русских металлургических заводов... составляет 21 млн пудов металла в месяц... В распределение поступает 16—16 1/2 млн пудов металла в месяц. Между тем, заявленные на октябрь потребности составляли 21 1/2 млн пудов. Таким образом, образовался дефицит около 25%,... и, наконец, потребность населения остается ныне в значительной степени неудовлетворенной. При учете всех этих потребностей дефицит достигнет 50%, то есть составит 8 млн пудов металла в месяц»⁵¹.

Для золотодобывающей промышленности первая мировая война также не прошла даром. Съезд золотопромышленников Оренбургской и Уфимской губерний, проходивший 24—26 февраля 1915 г. в г. Кочкар Оренбургской губернии при поддержке Совета съездов золото- и платинопромышленников Пермской губернии говорил о необходимости запретить торговцам повышать цены на продукты и «материалы, необходимые для золотого дела»; о поддержке золотопромышленности со стороны государства, ходатайствовал об освобождении служащих и рабочих золотопромышленных предприятий от мобилизации. В результате все ратники Государственного ополчения 1-го разряда — рабочие золотых приисков — временно от мобилизации были освобождены. Система налогообложения для золотой промышленности просуществовала до первой мировой войны, единственное, что изменилось, — это раскладочное обложение: оно было снижено с 700 тыс. руб. в 1902 до 37,5 тыс. руб. в 1914 году⁵². Особую проблему составляло то, что прииски в России считались движимым имуществом, а также чересполосица и споры золотопромышленников по поводу приисков, находившихся на вотчинных башкирских и казачьих землях.

Большой вред золотопромышленности наносила деятельность скупщиков. А ведь золото в годы мировой войны стало чуть ли не единственной валютой. На заседании XI съезда золотопромышленников Оренбургской и Уфимской губерний от 12 марта 1914 г. обсуждались меры борьбы с хищничеством, а также против скупщиков. Было принято постановление ходатайствовать о следующем: «1) заставить скупщиков выбирать золотозаписные книги, куда должно быть

занесено все золото, купленное скупщиками, 2) усилить наказание, как за кражу золота, так и за покупку заведомо краденого золота, 3) в случае обнаружения у скупщика золота, не занесенного в книгу, такое золото считать краденным и подлежащим отобранию, а скупщика привлекать к уголовной ответственности»⁵³.

В 1915 г. темпы роста населения Урала замедлились и остановились в 1916—1917 гг.⁵⁴, прежде всего, в результате значительного сокращения рождаемости, потерь военнопленных, массовых эпидемий и голода. В период с 1914 по 1922 г. общие потери в стране составляли в среднем примерно по 2,4—2,7 млн чел. ежегодно, из которых 2,2—2,5% — потери армии, а преобладающая часть остальных потерь почти в равной мере была обусловлена снижением рождаемости и повышением смертности⁵⁵. Кроме того, если взять во внимание большую разницу в численности городского и сельского населения, становится очевидной роль горожан, составивших 17,8% всего состава царской армии в первой мировой войне⁵⁶.

Относительно благоприятная демографическая ситуация в Башкирии в некоторой степени зависела от положения тылового района. Война их не касалась непосредственно, сюда переселялись с запада страны. Однако такие факторы, как безработица, мобилизация мужского населения, отсутствие инвентаря и конфискация рабочего скота для нужд армии и вследствие этого неблагоприятная хозяйственная ситуация, не давали возможности сохранять естественный прирост населения на благоприятном уровне так, как, например, сложилось в соседнем регионе — в Сибири. В статистических данных Оценочно-статистического отдела Уфимской городской управы записано: «прирост гражданского населения выражается 6904 чел. обоого пола, который должен быть отнесен на счет временных обитателей военного времени, каковыми являются беженцы и военнообязанные, число которых по регистрации достигает 7949 чел... Если игнорировать условия..., необходимые для сравнения движения населения..., не принимая во внимание наличие беженцев и военнообязанных, не досчитываемся естественного прироста населения около 6—7 тыс. чел. и не хватает основного фонда 1 тысячи. Это число падает исключительно на взрослый мужской элемент, который и необходимо считать мобилизованным. Подтверждение... находим косвенно в сопоставлении группировок по возрастам. Так, например, из соотношения мальчиков и девочек детского возраста до 16 лет имеем 100 мальчиков на 105 девочек, тогда как взрослых женщин (старше 16 лет) приходится 143 на 100 мужчин — излишек в 37 человек»⁵⁷.

В годы первой мировой войны интенсивный призыв мужчин в вооруженные силы привел к тому, что в наличном населении Урала не только исчезло преобладание мужчин, но возник и несколько увеличился дисбаланс полов в сторону преобладания женщин⁵⁸.

Таким образом, намеченные Витте модернизационные мероприятия, можно сказать, дали совершенно новый толчок социальному развитию Урала, который, несмотря на то, что изменения не всегда носили благоприятный характер для местного населения, исполнил свою роль «континентального плацдарма» царского правительства в первой мировой войне.

Примечания

1. www.swolkov.org/publ/27.htm.
2. РАХМАТУЛЛИНА З.Р. Экономика и население провинции на закате Российской империи. Уфа. 2007, с. 5.
3. История предпринимательства в России. Кн. II. М. 1990, с. 34.
4. Подворная перепись крестьянского хозяйства Уфимской губернии. Уфимский уезд. Уфа. 1914, с. 284—285; Златоустовский уезд. Уфа. 1914, с. 132—133; Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912—1913 гг. Ч. II. Таблицы. Уфа. 1914, с. 236—237, 540—541.
5. Журналы Оренбургского Губернского Земского собрания VII и VIII чрезвычайных сессий 8—9 марта и 2 августа 1916 г. Оренбург. 1916, с. 115.
6. КРАСИЛЬНИКОВ М.П. Экономическое положение Уфимского края и тенденции в его развитии. Уфа. 1918, с. 11—12.
7. Там же, с. 125.
8. Там же, с. 1—2.
9. ТУРЧАНИНОВ Н.В. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 гг. СПб. 1910; ТУРЧАНИНОВ Н.В., ДОМРАЧЕВ А. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 гг. Пг. 1916.
10. Журналы Оренбургского Губернского Земского собрания VII и VIII чрезвычайных сессий 8—9 марта и 2 августа 1916 г. Оренбург. 1916, с. 77; РАХМАТУЛЛИНА З.Р. Миграционные процессы в Башкортостане в начале XX века. В кн.: Гуманитарные науки в Башкортостане: история и современность. Уфа. 2007, с. 177—178.
11. Обзор Уфимской губернии за 1914 год. Уфа. 1916, с. 100—101.
12. Там же, с. 98—99.
13. Первая мировая война: Пролог XX века. М. 1998, с. 7—9.
14. История Урала в период капитализма. М. 1990, с. 357.
15. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI—XX века. М. 2004, с. 73—74.
16. Азиатская Россия... Вып. 138. Пг. 1916, с. 80.
17. Район железной дороги Оренбург — Уфа — Кунгур в экономическом отношении, с четырьмя картами. СПб. 1914, с. 1.
18. Центральный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦАОО РБ), ф. 1832, оп. 4, д. 131, л. 88; СИГОВ С.П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск. 1936, с. 149.
19. Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИА РБ), ф. И-99, оп. 1, д. 137.
20. Там же, д. 26, л. 27; д. 38, л. 2; ЦГАОО РБ, ф. 1832, оп. 4, д. 132, л. 48.
21. ЦАОО РБ, ф. 1832, оп. 4, д. 132, л. 51.
22. Там же, д. 137, л. 62, д. 132, л. 10.
23. Там же, ф. 1832, оп. 4, д. 132, л. 51.
24. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГА ЧО), ф. И-4, оп. 1, д. 97, л. 14.
25. Там же, л. 19.
26. ЦИА РБ, ф. И-99, д. 125, л. 1—27.
27. ЦАОО РБ, ф. 1832, оп. 4, д. 132, л. 48, 51; д. 131, л. 58.
28. ЦИА РБ, ф. И-99, оп. 1, д. 26, л. 8—9, 11—13, 15.
29. Краткий очерк истории Челябинской области. Челябинск. 1965, с. 202.
30. Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства..., с. 658—659.
31. ЦИА РБ, ф. И-99, оп. 1, д. 50, л. 92—93.
32. ОГА ЧО, ф. И-83, оп. 1, д. 39, л. 76—77.
33. ЦИА РБ, ф. И-99, оп. 1, д. 50, л. 92—93.
34. ОГА ЧО, ф. И-4, оп. 1, д. 97, л. 44.
35. ЦИА РБ, ф. И-99, оп. 1, д. 42, л. 96—97, 99.
36. Там же, д. 50, л. 27; д. 53, л. 23, 25.
37. ЦИА РБ, ф. И-99, оп. 1, д. 50, л. 92—93; д. 53, л. 51; д. 61, л. 11.

38. Там же, ф. И-187, оп. 1, д. 587. «Переписка...о волнениях среди военнопленных на Никольском заводе сухой перегонки дерева Уфимского земства».
39. ЦАОО РБ, ф. 1832, оп. 4, д. 131, л. 111, 120.
40. ЦИА РБ, ф. И-99, оп. 1, д. 61, л. 8, 10.
41. Там же, д. 42, л. 52, 87, 89, 90—92, 95, 121—126, 128—129.
42. Там же, д. 47, л. 1—4.
43. Там же, д. 42, л. 100, 104.
44. Там же, д. 47, л. 5.
45. ОГА ЧО, ф. И-4, оп. 1, д. 97, л. 101.
46. Труды XXI съезда горнопромышленников Урала. Пг. 1916, с. 148; АДАМОВ В.В. Из истории местных военно-экономических организаций в годы первой мировой войны. — Вопросы истории Урала. Свердловск. 1958.
47. ЦИА РБ, ф. И-99, оп. 1, д. 50, л. 63.
48. АДАМОВ В.В. Ук. соч., с. 84.
49. ЦИА РБ, ф. И-99, оп. 1, д. 50, л. 63об.
50. АДАМОВ В.В. Ук. соч., с. 87.
51. ЦИА РБ, ф. И-99, оп. 1, д. 136, л. 7; Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства 1915—1918 г., журнал № 118, с. 644.
52. Труды съезда золотопромышленников Оренбургской и Уфимской губерний. Екатеринбург. 1915 г., с. 9—13, 55.
53. ОГА ЧО, ф. 83, оп. 1, д. 8, л. 49—51.
54. См.: Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за 80 лет. М.-Л. 1930.
55. Подсчитано по: Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск. 1997, с. 22.
56. Историческая демография: проблемы, суждения, задачи. М. 1989, с. 96.
57. Материал по учету населения г. Уфы 1916 года. Уфа. 1916, с. 6.
58. РАХМАТУЛЛИНА З.Р. Экономика и население провинции на закате Российской империи. Уфа. 2007, с. 153.

Наследование имущества в обычно-правовых представлениях донских казаков во второй половине XIX в.

С.Ю. Краснов

Несмотря на то, что на сегодняшний день в современной историографии донского казачества имеется огромное количество статей и монографий, посвященных исследованию самых разных вопросов военной и бытовой истории донских казаков, не все вопросы уже изучены. Многие современные публикации, особенно касающиеся историко-этнографических аспектов правовой культуры донского казачества, создают искаженные, мифологизированные представления о нормах обычного права, которое во второй половине XIX в. регулировало практически все вопросы жизни донских казачьих общин. Одной из главных причин, объясняющих состояние подобных исследований, проводимых в рамках исторической науки, является то, что историки зачастую не применяют инструментарий юридической науки, а юристы в своих работах практически не используют архивные материалы. Кроме того, отдельные представители исторической науки отвергают любые научные исследования, в которых затрагиваются вопросы права (в том числе и обычного), считая, что они не имеют никакого отношения к исторической науке. Подобных же взглядов придерживается и большинство представителей юридической науки. Поэтому говорить об отсутствии «белых пятен» в изучении истории донского казачества не приходится.

Одной из тем, которые на сегодняшний день еще не были предметом научного исследования, ни в исторической, ни в историко-правовой, ни в этнологической науках, является тема обычно-правовых представлений донских казаков о наследовании имущества во второй половине XIX века.

В обычно-правовых представлениях донских казаков о наследовании имущества сочетались нормы обычного права, регулировавшие наследование имущества, с нормами обычного права, которые касались опеки.

Краснов Сергей Юрьевич — кандидат юридических наук, доцент Института права Волгоградского государственного университета.

Полагаем, что подтвердить наши утверждения об отсутствии специализации и наличии наборов различных вариантов правомерного поведения, предназначенных для регулирования перехода прав на имущество в порядке наследования у донских казаков можно только путем одновременного показа большинства возможных вариантов, санкционированных к применению в конкретный период времени.

Для сравнения приведем материал по станице Раздорской на Дону Первого Донского округа и станицам Второго Донского округа, для того, чтобы наряду с решением указанной задачи, на фактическом материале в очередной раз подтвердить наши утверждения о наличии определенных различий в обычно-правовом регулировании конкретного вида общественных отношений как между станицами, входящими в разные округа Области войска Донского, так и относящимся к одному округу. Начнем рассмотрение со станицы Раздорской на Дону.

«При муже, жена имеет полное право распоряжаться всем имуществом, а по смерти мужа, если дети совершеннолетние, большею частью получает законную часть из всего по ее желанию, а большей частью против желания и она или всем имуществом и после того распоряжается, если дети почтительны, или живет своею частью.

Даже муж, умирая, предоставляет завещанием, полное право располагать имением жене своей по смерти ее..

Раздел имения бывает по смерти родителей, а иногда и при жизни их. По смерти родителей, если дети — сыновья жили вместе с ними, делят между собой имение на равные части. Если среди братьев останется сиротою девушка, то она получает равную часть с братьями, а замужняя — ничего.

Таковой же раздел имения бывает между детьми при жизни родителей, если по согласию родителей отходит на сове хозяйство сын или сыновья; если же вопреки воли родителей, то получает только то, что дадут родители, когда имеют благоприобретенное имение. Отделяя одного из двух сынов они берут и на себя часть, лучшую из всех, и передают во владение по смерти своей тому сыну, с которым остаются жить. Причины к недобровольному разделу бывает, большей частью, несогласная жизнь невесток. Иногда самих мужей.

По смерти своей или всем детям оставляет свою часть для раздела, если дети были одинаково почтительны к ней, или определяет тому кто будет к ней более почтителен. Если же по смерти мужа останутся дочери-девушки, то кроме законной части, им из общего имения принадлежащей, получают законную часть матери.

Дочери замужние не имеют никакого участия в наследстве родителей; только девицы между братьями получают равную часть с ними.

Вдова умершего получает только законную часть, если умерший не оставил особенного своего распоряжения.

Духовные словесные завещания не имеют никакой силы, хотя бы то было при сторонних свидетелях и духовном отце; только одни формальные уважаются. Душеприказчики тоже назначаются, но очень редко.

От первого брака дети одного отца все одинаковые наследники; но если мать выйдет за другого мужа, то рожденные от второбрачного мужа дети в имуществе первого мужа уже, не наследники. Приемши также не пользуются правом наследства, кроме если сам отец определит, или не останется ни законных, ни незаконных наследников.

Дети, от одного брака родившиеся, пользуются одинаковыми правами и бывают в одинаковых отношениях между собою и к родителям и суть одинаковые наследники имения отца и матери. Но пасынки и падчерицы не имеют никакого участия; в имении ни отчима, ни мачехи, хотя и живут вместе с детьми родными и одинаково участвуют во всех трудах домашних, — и наоборот.

Приведенный женою незаконнорожденный не имеет никакого участия в наследстве отчима или мужа своей матери. Но если же родит в отсутствие мужа и муж признает своим, то это дитя пользуется одинаковыми правами наравне с законными детьми; если же отец не признает дитя незаконное наравне с другими, то оно пользуется законною частью матери.

Приемыши, хотя с детства живут вместе с детьми, не участвуют ни в чем наравне с детьми. Только при непочтении детей и беспрекословном повиновении приемыша, отец имеет право из своего имения сколько хочет дать приемышу, но только по завещанию или продажной записи... Могут впрочем наградить приемыша чем-нибудь из недвижимого имения и одежды, но все-таки с закрепою бумажною, а не на словах; иначе — дети все от него отберут. Зятя хотя и принимают во двор, но не имеют права на имение тестя и тещи, при детях мужеского поля, а получает только свою часть жена, а также и из части матери»¹.

Что касается станиц Второго Донского округа, то по объективным причинам мы вынуждены отступить от реализации обозначенного нами подхода, но полагаем, что и показ обобщенного опыта подобного регулирования может подтвердить сделанные нами выводы.

«Старик отец, вдовой, не имея сынов идет жить со своим имением к зятю».

«Детей у меня нет, кроме одной дочери, деться мне некуда, я и прислонился жить к своей дочери, прожил несколько лет мирно, а теперь между нами распря. Дал я им своего быка на время поездить, а теперь они его не дают, шубу не дают и т.п.».

После смерти отца его власть и права распоряжаться имением переходят к матери. Она при дележе с детьми получает половину из имения, а чаще — равную часть с сыновьями. Из юртовых довольствий она получает весь казачий пай и распоряжается им как собственностью, а если вдова бездетна, то она получает половину пая.

Если семья поделилась, то мать со своею частью наследства идет жить к одному из своих сыновей, с тем, чтобы он кормил ее до смерти и тогда мог бы распорядиться ее имуществом, как собственностью. На этих условиях мать оставляет при себе одного сына. Редко случается, что на этих же условиях она идет жить к своей дочери в дом зятя. Бывает так, что при конфликтах она, получив все обратно, уходит назад. Даже мачеха при разделе имения со своими пасынками, получает половину.

Дети первого и второго брака имеют равные права в отношении имущества, пасынок не является наследником, но иногда за хорошую и трудолюбивую жизнь по духовному завещанию получает сыновнюю часть.

После смерти усыновителя, усыновленный, хотя и не имеет никаких документов на право пользования оставшимся имением, но

владеет им на том основании, что всему хутору известно, что он был принят за сына.

Иногда родной сын уходит от отца на особое жительство с выделенной частью, а приемный остается вместо сына, ухаживая за ним, и тогда он получает все себе.

Прием в дом зятя не является равносильным усыновлению, зять по отношению к имуществу становился равноправным с усыновителем, в том случае, когда его приняли на сыновнюю часть.

В зятя идут люди бедные и круглые сироты. При полном согласии их между собой, тесть иногда дает зятю обещание, если он проживет с ним в ладах 12 лет, то может получить сыновнюю часть, в чем ему иногда дается записка, но больше зятя верят на слово и в таком случае при недобросовестности тестя не получают никакой части, не только сыновней, несмотря на послушание. Но если тесть добросовестный, то положение зятя бывает иногда лучше положения родных сыновей его тестя.

Когда вдова остается бездетною и не выходит замуж, тогда она пользуется всем оставшимся после смерти мужа имуществом, но если она выйдет замуж, то родственники ее первого мужа заявляют свои права на наследство. Дядя и тетка тоже пользуются почетом, но в наследство не входят.

Дети, происходящие от одного отца и разных матерей, единокровные, имеют одинаковое участие в наследстве имущества отца, а происходящие от одной матери и разных отцов, единокровные, имеют разное участие в имении отца — каждый получает долю того имения, которым владел отец.

Приемные дети, принятые за родных, при разделе имения не лишаются части, так же как и зятя, принятые во двор на сыновнюю часть. Но те, которые взяты лишь на воспитание, получают только то, что дадут им по доброй воли.

Духовные завешания родители делают в станичном правлении только в тех случаях, когда желают лишить своего сына части наследства за непочтение и дать ее принятому на воспитание им зятю.

Словесные завешания исполняются сразу же после смерти. Платить долги за покойником принято не по распискам, а просто на слово, «чтобы родитель в долгу не лежал»².

Мы специально не приводим в полном объеме сведения обо всех иных правомерных вариантах распоряжения собственниками своим нажитым имуществом для того, чтобы акцентировать внимание именно на обычно-правовых представлениях донских казаков, проживающих в разных округах Области войска Донского, о наследовании имущества.

Посмотрим, какие нормы о наследовании имущества применялись во второй половине XIX в. в станицах Казанской и Луганской, входящих в один округ — Донецкий.

В станице Казанской действовали следующие нормы обычного права.

«Если у отца несколько сыновей, то он большею частью не держит их при себе, а отделяет каждого на отдельное хозяйство. Бывает так, что отец отделяет сначала одного сына, потом через два, три и более лет отделяет другого, третьего; но большею частью он делит их разом. При этом он берет на свою часть из имения очень немного, как бы оно не было велико.

Умирая, отец или мать распоряжаются всем, что на себя взяли, по своему усмотрению. Они распределяют все между сыновьями и внуками без всяких завещаний и записей. Если родители, разделив детей и взяв часть имущества на себя, жили потом с одним каким нибудь из них и при смерти не сделали никакого распоряжения на счет своего имущества, то его наследует “тот кто их докормил”. Другие дети не имеют уже на него никакого права и требовать раздела имущества родителей в подобных случаях считается за тяжкий грех. Это значит не давать покоя родителям в гробе и тревожить их кости.

Если отец или мать хотят, чтобы предсмертная воля их не была нарушена, то они призывают двух или трех лиц посторонних и объявляют ее при них. Это имеет силу духовного завещания. Вообще письменные духовные завещания бывают очень редко.

Иногда умирающие назначают душеприказчиков, но это бывает только тогда, когда они состоят кому должными, или желают сделать вклад в церковь или монастырь, а между тем на наследников своих не надеются. В таком случае определяется имущество, которое душеприказчики должны продать и деньги употребить по назначению. Если при исполнении словесных духовных завещаний возникают споры, то они разрешаются обществом стариков.

Раздел имущества в семействе совершается вообще таким образом: отец (или мать) берет часть на себя, а все остальное делит между детьми поровну. Все разделяется на равные части и о том, кому какая должна достаться, мечут жребий.

Если есть дочери-девушки, то они получают часть равную с братьями. Когда в семействе есть снохи с сиротами, то к разделу имущества приглашаются посторонние люди в качестве свидетелей. Это делается на тот конец, чтобы сироты не могли сказать, что были заделены.

Если делятся братья, без отца и матери, то они обыкновенно отделивают известную часть на помин родителей, а все остальные также делят по жребию. Очень часто и здесь присутствуют посторонние люди.

Власть матери семейства при отце очень незначительна. С нею муж иногда советуется, но голос ее в большинстве случаев не имеет никакого значения. Когда же отец умирает, то по установившемуся в народе праву наследования, вся власть его в отношении имущества, а также и каждого из членов семьи всецело переходит к матери.

Невеста приносит с собою в дом жениха имущество: три шубы: шелковую, нанковую и нагольную, зипун, полст, подушки и сундук, наполненный большим или меньшим количеством платья, и белья и проч., но это все приданным не считается. Иногда бывают, впрочем, невесты и с приданным, то есть с деньгами, домом, садом и скотом, но это только круглые сироты, которым имущество это достается от умерших родителей. Все принесенное невестой имущество (в дом жениха добрачное имущество. — С.К.) принадлежит собственно ей: она распоряжается им по своему усмотрению. После смерти ее, на него имеют право только дети ее и то семейство, из которого она взята. Муж же не имеет права ни на какую часть из ее имущества. Вообще по отношению к имуществу между мужем и женой установлены такие правила, что жена мужу наследница, муж же жене не наследник.

Дети же наследуют имение только после смерти матери: имущество делится между братьями и не отданными еще замуж сестрами,

как выше пояснено, поровну. Число душ тут не принимается во внимание.

Воспитанники и приемыши, как мужского, так и женского пола, если бывают взяты вместо детей, при дележе получают равную часть с родными детьми.

Приемыши, как сказано, пользуются всеми правами родных детей, хотя бы законным порядком они и не были усыновлены. Это особенно бывает тогда, когда они взяты на воспитание еще младенцами. Лицо, воспитавшее приемыша вместо дитяти, не только сочтет за грех вступить с ним в брак, но даже и соединить его браком с кем либо из родных детей.

Совершенно равное участие в имуществе, оставшемся после смерти родителей, имеют только братья и сестры единокровные, то есть происходящие от одного отца. Дети, приведенные матерью к отчиму, если у них отцовского имения не было, ничего не получают, а если мать их вместе с ними принесла в дом и их отцовское имущество, то это имущество они получают сполна.

Между детьми, происходящими от разных браков, отношения бывают самые разнообразные. Сведенные дети никогда не считаются принадлежащими к одному семейству. Дети, приведенные матерью к отчиму, составляют что-то чужое в семействе, отдельное даже и по отношению к их единоутробным братьям, которые бывают рождены матерью их уже в последнем браке. То же самое бывает и с детьми, рожденными до брака в отношении к детям законнорожденным.

Напротив, усыновленные дети и приемыши считаются наравне с родными детьми и одинаково с ними получают наследство. Когда отец, возвратившись со службы признает незаконнорожденного сына своей жены за своего сына, то есть не прикажет его отдать в люди, а велит воспитывать дома, то он уже считается сыном его наравне с родными и при дележе имения обычай обязывает наделить этого незаконнорожденного так же, как и родных детей. Если же мать остается после отца старшею в семействе, то она не делает никакого различия между своими детьми.

Усыновление бывает очень часто и совершается без всяких формальностей: усыновленный поступает в дом усыновившего и считается, как родной сын. Фамилию он носит ту, какая дана при крещении. Право усыновлять принадлежит как лицам мужского пола, так и женского. Большею частью усыновляют детей еще младенцами. Все незаконнорожденные, которых отцы не захотят включить в число членов своей семьи, бывают отдаваемы на усыновление.

Желающих усыновлять всегда бывает очень много. Кроме незаконнорожденных усыновляют также и сирот, оставшихся без отца и матери. Иногда усыновляют и взрослых, даже женатых.

Если принимается в семейство зять, то он считается за сына, но формально никогда не усыновляется. Положение зятя хуже положения усыновленного. Он в семействе большею частью загнан и притеснен³.

По станице Луганской у нас, к сожалению, имеются лишь фрагментарные, отрывочные сведения о подобном регулировании. Но даже они позволяют показать его характерные особенности, которые являются прямым отражением тех представлений о правомерном распоряжении наследственным имуществом, которые были присущи именно

жителям, прожившим в данной станице в один и тот же период времени с жителями станицы Казанской.

«Семей до 20-ти душ редко найдешь, а более преобладают семьи от 8 до 12 душ. Власть между ними (над членами одной семьи. — С.К.) принадлежит отцу, а за смертью его — матери; они имеют власть, но ограниченную, и при жизни мужа, после смерти матери ограниченная власть и распоряжение имением переходит к старшему брату.

Мать особенно старается приготовить к замужеству дочерей приданное из одежды: шубу на заячем меху, покрытую люстрином, куцавейку, платья ситцевые, рубахи, платки. Все это складывается до того в сундук, купленный в счет приданного, — как “без хлеба ни обед”. В приданное назначается отцом для дочери несколько штук рогатого скота и овец. Это имение в случае смерти “молодой” остается в чужом семействе, если остался от брака ребенок; если ребенка нет, обязан отец мужа возвратить родителям жены.

Выкуп родовых имений известен, так что еще при жизни отца, отделенные сыны его с покупателями имений заводят судебные процессы с дозволения продавца и в имениях отца благоприобретенных им, еще при жизни и после смерти приобретателя сыны заявляют право на выкуп.

Незаконнорожденные дети в обществе и особенно в семье их матери находятся в презренном положении. Мать таких детей из своей семьи их отдает вместо детей в семейство чужое, не имеющее детей. Эти дети после смерти воспитателей признаются законными наследниками имения их, если в боковых линиях умерших нет родственников до 3-й степени, но в семействе мужа матери незаконнорожденных детей при законных детях, они права на имение не имеют, а если законных детей нет, то через посредство матери, незаконные дети и получают имения их по духовным завещаниям.

Если вдова и вдовец вступят в брак, то дети их прежнего брака живут вместе; из них дети жены пользуются большим вниманием отчима против детей сего последнего.

Усыновление чужих детей считается родственным, поэтому на дочери принявшего усыновленных никогда не женят. Форма усыновления существует словесная и принявшие стараются записать усыновленных при приводе их к присяге на свое имя; эти дети воспитателей своих почитают за родных и называются по отчеству и носят фамилии их; жена отдельно от мужа приемыша не берет.

После смерти родителей дети — сыновья при них жившие, имение делят поровну, но отделенных до смерти или отданных замуж на имение считают бесправными. Дележ производит хуторское общество и составляется за общим подписом раздельная запись; при жизни одной матери дети дележа имению требовать не вправе.

Редко владельцы имений после смерти своей оставляют духовные завещания детям, а существует обычай в присутствии 2—4 свидетелей, умирающие родители, объявляют свою волю детям на словах, что и исполняется безприкословно, а на случай спора по таким распоряжениям, свидетели воли умерших считаются доказательством неопровержимым.

Дети 1-го брака отца на имение его после смерти имеют больше права перед детьми жены умершего 2-го брака, поэтому дети отца

выделяют мачехе с детьми их отца меньшую долю из общего имения; не замужние дочери-девицы при братьях одной матери пользуются одинаковым с ними правом на имение их родителей. Дети при живых родителях отделяются из общего имения, хотя бы в нем состояло и родовое, по усмотрению отца; причины на отдел сыновей бывают по возбуждению сих последних через интимные отношения свекра к невестке или во избежание расходов по исправлению к службе сына»⁴.

Проведенная реконструкция обычно-правовых представлений донских казачьих общин о регулировании наследственных отношений во второй половине XIX в. является веским основанием для утверждения о том, что обычное право донских казаков, как самостоятельная система права, отличалось от других подобных систем права большим своеобразием и разнообразием, оригинальностью и особенностями, то есть имело четко выраженный этнический характер, который, в свою очередь, являлся непосредственным проявлением корпоративности самого обычного права.

В качестве одного из доказательств мы можем привести краткий обзор норм обычного права, которые регулировали наследственные отношения у малороссов, проживавших в некоторых слободах Черкасского и Миусского округов Области войска Донского фактически бок о бок с донскими казаками.

«Семейства бывают иногда очень большие, душ по 16; власть всецело принадлежит отцу; если же он умирает, то матери. Впрочем и при жизни домохозяина власть все же принадлежит и матери, а после ее смерти к старшему сыну или брату.

Если кто принимает зятя, то говорит ему: «Если будешь слушать меня, то все, что есть у меня, возьмешь; если же не будешь слушаться, то ничего не возьмешь».

Имение отписывается приемышам. Приемыши, хотя после их родятся дети, имеют право на часть из имения, имение делят и ему (приемышу. — С.К.) дают законную $\frac{1}{3}$ часть имения и это непременно делают.

Незаконнорожденные дети живут при матери. Если вдовец или вдова вступят в брак, то дети их живут за одно. Отставные солдаты живут отдельно. Солдатки, перешедшие на отдельное житье, до прихода мужа, считаются дрянными.

Усыновление считается роднее отношения тестя к зятю; усыновленного нельзя женить на дочери принявшего. Условия приема записываются и прикладывается церковная печать.

Зять не считается приемышем.

Делятся и при жизни родителей. Дети берут равные части; дом — меньшему при жизни родителей; после смерти — младшему брату переходит все бывшее у родителей; если же дележ по смерти отца — то дом и его усадьба достаются старшему брату.

Дети от 2-го брака получают меньшую часть (если от одного отца — то одинаковые права). Иногда отец выделяет распутного сына, иногда причина дележа в связи свекра со снохою-вдовою. Отделяют и так, что старшему ничего не дадут, а младшего всем наградят. Выделенным помогают отец, мать и старшие невыделенные братья (при согласии жизни).

Именьем семьи делится по тяглам; младший сын остается на кореню, дочери живут у старшего брата, и им выделяется 7 часть из

общего достояния; матери-вдове — отцовская часть, невестке с детьми — мужнина часть (именно собственно принадлежит ее детям). Мать остается на содержании старшего сына. Если же сын груб, то на содержание матери выделяется по части из имения всех детей.

Имение умершей женщины возвращается от мужа к ее матери. Если же есть у нее дети, то все остается.

Даже выделенного сына отец может лишить всего до 3-х раз. После 3-го раза, нажитое самим сыном, отец уже не может отобрать.

Словесных завещаний нет. Завещание пишется на имя дяди, деда и других. Они и исполняют его. Противоречить ему нельзя»⁵.

Реконструкция обычно-правовых представлений донских казаков о наследовании имущества в указанный период времени будет неполной, если не коснуться вопроса о том, какую роль играли нормы официального законодательства в регулировании наследственных отношений и как их воспринимали и оценивали сами казаки. Некоторые знатоки донского казачьего быта отвечали на эти вопросы следующим образом.

«Оказывается, что и в настоящее время (в начале 90-х гг. XIX века. — С.К.) в казачьих станицах на Дону обычное право имеет большую силу и большее значение, чем писанный закон и нормы действующих законоположений. И это явление весьма понятно. В примени к местным условиям, и с точки зрения обычного права донских казаков, требования писанного права являются иногда несправедливыми, несмотря на то, что эти требования стремятся установить идеально-справедливые правовые нормы.

Действующий закон о наследовании является — с точки зрения обычного права казаков — вопиющей несправедливостью. Действующий закон допускает двоякого рода наследование: 1) на основании кровного родства (сын имеет преимущество перед племянником и т.д.) и 2) по завещанию. Обычное право донских казаков весьма часто не признает ни той, ни другой стороны в чистой форме. И говорить нечего, что наследование по духовному завещанию казаки совсем не признают уже потому, что оно противоречит их основным правовым понятиям, ибо они не допускают мысли, чтобы кто-либо из членов семьи мог единолично распорядиться малейшей вещью, дарить ее.

Конечно, казаки находят вполне справедливым, что дети наследуют отцу, но только пока они находятся в составе семьи. Их права наследства остаются в глазах донских казаков бесспорными, — если только они принимали и принимают участие в общей работе семьи. Если же один из сыновей оказался беспутным, пьяницей или долгое время уже живет отдельно от семьи, то, несмотря на кровное родство он не наследует умершему отцу. Он не принимается в расчет при разделе имущества.

Так, умирающий отец, имея беспутного сына, непременно составит духовное завещание, тогда как такое завещание 20—30 лет назад было излишне. Он пишет завещание, но при составлении его он все имущество оставляет детям, за исключением того сына, который уже давно потерян для семьи. Или другой случай. Семья состоит из нескольких дочерей, из коих одна замужем, и сына, давно уже выделенного по тем или другим причинам. (Еще не так давно в 40—

50-е годы семья в 30—40 человек была совсем не редкость в любой станице на Дону). Так вот, если в названной семье, где кроме зятя, нет мужчин, — умирает старик-отец, — то обычное право считает бесспорным переход всего имущества к тем детям, которые жили при отце, то есть к дочерям и зятю. Обычное право совершенно игнорирует наследственные права сына, оставившего семью по тем или другим причинам. А между тем, действующий закон уделяет дочерям известные части из движимого и недвижимого имущества, а все остальное, то есть львиную долю, — отдает сыну, быть может, уже 10—15 лет не принимавшего никакого участия в трудовой жизни семьи.

Если сталкиваются требования закона и обычая в такого рода отношениях, где духовные завещания неприменимы, — в таком случае заключаются особые договоры. Так, например, в том случае, если зять входит в семью своей жены и становится работником для семьи, как и все остальные члены, в числе которых, положим, имеется несколько сыновей — будущих наследников, то он (зять) старается заранее обеспечить за собой результаты своего, — быть может, многолетнего труда и пишется особый договор.

Семья, принимающая в дом бедняка-казака зятем, также имеет свой интерес заключить этот договор, так как она (семья жены) тратит на свадьбу более сотни рублей, а через несколько лет расходует еще больше на снаряжение зятя в строй, то есть на снабжение его воинским убором, оружием, лошадью и прочим.

Семья имеет прямой интерес обеспечить тем или другим путем свои истраченные деньги. Поэтому, условия заключаемого договора предусматривают все возможные случайности. Этими условиями подробно оговариваются: сколько лет зять должен безвозмездно работать на принявшую его в дом семью и в уплату каких именно расходов этой семьи; затем — по прошествии скольких лет — обыкновенно 5—6 лет — он получает от семьи жены, — буде пожелает выделиться, — пару быков, пару овец, телегу и прочее. Затем в договоре всегда прибавляется, что в случае, если зять в течении 10 лет — 12 лет пробудет в полном послушании отцу семейства, то он получает равную долю в наследстве, вместе с братьями жены. Ясно, что и в этом случае писанный договор только оформливает существующие юридические понятия населения Донской области. Буквой закона выражают обычные правовые отношения из опасения, что сыновья или зять могут нарушить требования обычая. Жизнь борется с писанным законом его-же оружием — буквой закона, борется в видах осуществления того или другого права, установленного обычая»⁶.

«В обычной своей жизни народ руководствуется не сводом законов, не уставами, исходящими от правительства, а своими не писанными законами выработанными жизнью и установившимися юридическими обычаями. Многие умирали не зная свода законов, а жили в сфере своей действительной жизни своею правдою». Поэтому необходимо знать обычаи народа или, другими словами, знать жизнь в ее широких рамках, в которые не всегда вписывается закон.

Так, по закону, вдова и мать получает четвертую и седьмую часть, а во Втором Донском округе, по обычаю она полная хозяйка и берет себе половину наследства. Женщина-казачка выполняет одинаковые

работы с мужчиной; после смерти мужа она делается полноправной хозяйкой в доме и в течении всей службы — 15 лет, как бывало прежде, она наживает домик и сберегает, отдает замуж дочерей и каждый труд выносит на своих плечах.

Если юрист, не знавший жизни казачки, скажет ей про часть, она ответит: «видно, батюшка мой, последнее время пришло. Тока есть суд и судьбы в нем лица не знакомые с X томом 1 частью (Сводом законов гражданских. — С.К.), то и дело идет по обычаю. Нет ни слез, ни воплей»⁷.

Подводя итог всему вышесказанному, мы можем сделать вывод о том, что во второй половине XIX в. в соответствии с общеправовыми представлениями донских казаков, наследование имущества рассматривалось казаками всего лишь как один из способов распоряжения общесемейным имуществом и не играло существенной роли ни с точки зрения определения самого наследуемого имущества (или его части), ни с точки зрения соблюдения процедуры оформления и его содержания, поскольку все эти вопросы получали окончательное разрешение в традиционных обычных народных или станичных судах.

Официальное законодательство Российской империи практически добровольно никогда не применялось при рассмотрении и разрешении возникающих между наследниками споров, а если иногда и применялось, то только для видимости его соблюдения без реального исполнения предписанного в его нормах.

Примечания

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного гуманитарного фонда и Правительства Волгоградской области в рамках научно исследовательского проекта «Обычное право донских казаков во второй половине XIX века. Регулирование семейных и наследственных отношений» — проект № 13-13-34007 а/В.

1. ПОПОВ И. Народные юридические обычаи в Раздорской на Дону станице. — Донской вестник. 1869, № 31.
2. НИКУЛИН П. Народные юридические обычаи у донских казаков 2-го округа. — Донская газета. 1876, № 40, 41, 43, 45.
3. ТИМОЩЕНКОВ И. Общественный быт и народные обычаи Казанской станицы. Труды Областного Войска Донского статистического комитета. Новочеркасск. 1874, с. 168—173.
4. ПОНОМАРЁВ С. Этнографические очерки Луганской станицы. Семейные и имущественные отношения. — Донские областные ведомости. 1876, № 55.
5. Об юридических обычаях жителей слобод. — Там же. 1875, № 38.
6. Н.Г. Наследственное и семейственное обычное право у донских казаков. — Терские ведомости. 1894, № 51—52.
7. НИКУЛИН П. Ук. соч. — Донская газета. 1875, № 81.

«Свобода» и «рабство» в крестьянских прошениях первой четверти XIX в.

Д.В. Тимофеев

Приход к власти в результате дворцового переворота в марте 1801 г. молодого либерально настроенного императора Александра I, провозгласившего неприятие внутривластного курса Павла I и намерение «...править по законам и сердцу... Государыни Императрицы Екатерины Великой...»¹, сопровождался изданием целого ряда указов, отменявших различные ограничения и запреты, установленные в предшествующее царствование. Такого рода заявления сформировали в обществе позитивные ожидания «благотворных реформ», направленных на уничтожение чрезмерного, мелочного контроля за жизнью граждан; расширение и законодательное закрепление «прав и привилегий» для различных «состояний» российского общества; возобновление частных деловых и культурных контактов с Европой; снижение уровня регламентации в сфере торговли; возвращение стабильности в продвижении по службе и предсказуемости действий верховной власти. Через несколько лет современники, вспоминая первые годы XIX в., отмечали: «Начало царствования императора Александра I было ознаменовано самыми блестящими надеждами для благосостояния России. Дворянство отдохнуло, купечество не жаловалось на кредиты, войска служили без труда, ученые учились, чему хотели, все говорили что думали, и все по многому хорошему ждали еще лучшего»².

В среде образованного российского дворянства, чиновничества и купечества подобного рода ожидания нередко сопровождались различными коммуникативными действиями: публикацией своих «соображений», «мнений», «замечаний» или «опытов» на страницах российских журналов; составлением многочисленных проектов «благотворных для отечества преобразований» — от предложений «улучшить просвещение» посредством создания школ, училищ, научных и благотворительных обществ — до рекомендаций в сфере административных преобразований и решения проблемы освобождения крестьян.

Тимофеев Дмитрий Владимирович — доктор исторических наук, доцент Института истории и археологии Уральского отделения РАН. Челябинск.

Весь этот комплекс письменных источников позволяет выявить и сопоставить различные оценки и подходы к решению наиболее актуальных социально-политических и экономических проблем.

Значительно сложнее реконструировать социальные ожидания и связанные с ними практические действия российского крестьянства³. Отсутствие у большинства представителей данного сословия навыков чтения и письма существенно ограничивает возможность использования аутентичных источников, созданных самими крестьянами или, по меньшей мере, при их непосредственном участии. Частично заполнить этот пробел может обращение исследователя к текстам «прошений» и «жалоб», которые были написаны как лично крестьянином, так и по его просьбе различными «доверителями». Не меньший интерес представляют и показания крестьян по делам о распространении ими «опасных слухов». Информационная ценность такого рода документов состоит в том, что в них отражены представления крестьян о своем положении в системе внутри- и межсословных взаимоотношений, ожидания возможных изменений и связанные с ними конкретные действия.

При этом сам факт написания прошений следует рассматривать как осознанное действие, направленное на достижение конкретных целей, выраженных с помощью определенных социально-политических понятий, используемых авторами для построения логической аргументации и усиления эмоциональной окрашенности текста. Все вышеизложенное обусловило постановку в данном исследовании следующих задач: выявить обстоятельства создания и мотивы составления прошений; определить, в каких категориях крестьяне осознавали свое положение, и какие варианты решения крепостной проблемы циркулировали в крестьянской среде.

Достижению поставленных задач может способствовать обращение к методологическим установкам англосаксонской школы «истории понятий» (History of Concepts)⁴. Большое влияние на становление этого направления оказала предложенная Дж. Л. Остином и Дж. Серлем теория языковых актов (Speech Act), в соответствии с которой языковая активность людей рассматривалась в непосредственной связи с их действиями⁵. Наиболее последовательно такой подход к изучению истории общественного сознания представлен в работах Дж. Покока и Кв. Скиннера⁶. По их мнению, политический язык следует рассматривать одновременно и как средство коммуникации, и как целенаправленное коммуникативное действие. Аргументируя данное утверждение, Скиннер, писал: «Чтобы понять тексты, помимо прочего, мы должны воссоздать интенции, с которыми они создавались, а, следовательно, должны понять, какое действие совершали их авторы посредством написания этих текстов»⁷. С этих позиций основным предметом History of Concepts, как особого направления в современной историографии, является не столько собственно значение отдельных понятий, сколько способ их использования в тесной взаимосвязи с окружающей действительностью и различными нормативно-ценностными установками. Такая взаимосвязь с действительностью должна быть представлена не на уровне характеристики общего положения в стране, а посредством выявления того, какими мотивами руководствовался автор исторического источника, какую

цель он преследовал и на какую реакцию современников мог рассчитывать, используя в тексте основные социально-политические понятия⁸. Все это позволит интегрировать «историю понятий» в контекст эпохи, выявляя изменения их значений с учетом особенностей экономического, социокультурного и политического развития общества в определенный период времени. В рамках конкретно-исторического исследования такой подход может существенно расширить информативность исторического источника, выявить не только цель совершаемых посредством написания текстов действий, но и определить степень особенности понимания ключевых социально-политических концептов в различных социальных средах.

В настоящей работе представлены результаты сравнительно-контекстуального анализа различных вариантов употребления ключевых для решения крепостного вопроса понятий «свобода» и «рабство» в текстах «прошений» и «жалоб», поданных крестьянами в ходе проведения губернских сенаторских ревизий, а также материалах следствия по делам о «недозволенных речах» крестьян и «возмутительных записках», сохранившихся в фонде «Комитета охранения общей безопасности». Разнородность обстоятельств и целей написания, несистематический характер крестьянских обращений к властным структурам, отсутствие полной информации о тех лицах, которые могли оказывать помощь в составлении жалоб и прошений — все это обуславливает целесообразность при работе с текстом источника условно выделять два информационных блока. К первому относится информация об обстоятельствах создания источника: в каких случаях происходило обращение крестьян к властным структурам различного уровня и что рассматривалось ими в качестве достаточного повода для составления прошений «об отыскании свободы» («воли»). Второй информационный блок предполагает концентрацию внимания исследователя на цели и контекстах употребления в тексте источника понятий «свобода», «воля-вольность», «рабство», «владение».

В результате проведенного сравнительного анализа крестьянских прошений и жалоб достаточно отчетливо прослеживаются как минимум четыре основания для обращения к представителям центральной администрации.

Первое основание — обвинения помещика в жестоком обращении, «изнурении работами» и неспособности прокормить крестьян. Так, например, в 1818—1819 гг. в Таврический комитет при МВД от крестьян поступила жалоба на отставного коллежского секретаря Алексея Юхарина и его брата, квартирмейстера Михаила Юхарина. Они обвинялись в том, что «...ведя жизнь распутную и обращаясь беспрестанно в пьянстве, причиняют крестьянам своим бесчеловечные побои, изнуряют ежедневными работами и не дают никакой пищи и одеяния»⁹. Проведенная проверка подтвердила обоснованность жалобы крестьян, и по предложению Таврического губернатора Симферопольский уездный суд принял решение об установлении «опеки над людьми помещиков Юхариных»¹⁰. Аналогичные причины, побудившие крестьян обратиться к власти за помощью, прослеживаются и в жалобе на помещицу Лужковскую. При этом, как следует из материалов дела, «жалобы крестьян, что они угнетаются ежедневными работами, не исключая праздничных и воскресных дней, подтверж-

даются свидетельством опрошенных под присягою посторонних людей»¹¹.

Конечно, далеко не всегда жалобы крестьян на жестокость помещиков признавались обоснованными и приводили к «взятию имения в опеку». В ряде случаев такие прошения использовались как инструмент сведения личных счетов с управляющими или помещиками и содержали обвинения не только в жестокости, но и в нарушении помещиком установленных государством запретов. В данном контексте показательным является «донесение» дворовых людей Алексея и Ивана Поляковых на помещика Курской губернии А. Бровицына, в котором, наряду с описанием «необыкновенных тиранств» в отношении А. Полякова и его детей, сообщалось, что помещик насильственно «...венчал однодворческих дочерей за своих крестьян» и «производил... из винокуренного на свой обиход вина непозволенную онаго продажу». Можно предположить, что обвинение в незаконной продаже вина, по мысли доносителей, должно было привлечь особое внимание государства и неизбежно привести к негативным последствиям для помещика. О наличии стремления осложнить жизнь помещику посредством привлечения внимания государственных чиновников свидетельствуют и показания других крестьян, которые утверждали, что Алексей говорил своему сыну Ивану: «Ты удавись, или что-нибудь над собой сделай, то помещик и не отделается»¹².

Подобные обращения крестьян с жалобами на помещиков были своеобразной формой социального протеста с заранее непредсказуемым результатом и отражали представления крестьян о контролирующих функциях государственных чиновников, обращение за помощью к которым могло улучшить повседневную жизнь крепостных или даже привести к их освобождению. Именно такая мотивировка представлена, например, в показаниях по делу «о доносе принадлежащей отставному прапорщику Мартынову крестьянки Н. Яковлевой», которая «...созналась, что обжаловала господ своих для того, дабы воспользоваться свободой от крестьянства»¹³.

Второе основание для составления прошений встречается значительно реже. Оно возникало в случае, когда крестьянин объявлял о своем праве на свободу в связи с «открытием истины о своем происхождении». Так, например, при проведении сенаторской ревизии Казанской губернии в 1819—1820 гг. было подано прошение дворового человека Андриана Герасимова, «ищущего свободы из владения» отставного уездного стряпчего Николая Егорова. В прошении подробно излагалась история жизни матери А. Герасимова, которая, являясь «вольною», вышла замуж за крепостного Матвея Кондратьева, но вскоре, после его отдачи в солдаты, «нанялась для соискания себе пропитания в стряпухи к вольнонаемному приказчику Луке Перову». Через 5 лет после этого у нее родился сын, записанный по фамилии крестившего его священника, как Андриан Герасимов. Позднее мальчик вместе с другими крестьянами был отдан в качестве приданного помещику Ф. Мещерякову, который через несколько лет продал его за 400 руб. коллежскому секретарю Н. Егорову. В 1815 г. Андриан впервые объявил помещику о своем «вольном» происхождении, за что, по его словам, был «посажен в тюремный замок... и потом наказан жестоко розгами». После этого он подал жалобу, в

которой просил «дать от рабства свободу»¹⁴, а на допросе подчеркивал, что помещик действительно жестоко с ним обращался, но наказывал его «...не за буйство, а за то, чтоб не именовал себя вольным, а служил бы безмолвно»¹⁵. Таким образом, наказание, по мнению крестьянина, было не только несправедливым, так как помещик стремился скрыть правду о его происхождении, но и противозаконным. Ведь, по логике дворового человека, помещик подверг наказанию изначально, по рождению, свободного человека, который уже много лет находился в «рабской» зависимости. В данном контексте с помощью понятие «рабство» подчеркивался незаконный характер удержания дворового человека во власти помещика.

Не менее показательна в сложившихся обстоятельствах и позиция помещика. В ходе разбирательства по данному делу Егоров даже не затрагивал вопрос о возможности предоставления «свободы», а лишь отвергал обвинения в жестоком обращении. Он утверждал, что «мучений не только несносных, но никаких... человеку не делается, но наоборот..., встречая грубости и неповиновение..., более прощает, нежели наказывает по предоставленному законом праву»¹⁶. Формально, описанный в прошении случай, в соответствии с указом от 21 сентября 1815 г. «О законах, коими должно руководствоваться при решении дел о людях, отыскивающих свободу из помещичьего владения», был включен в список обстоятельств, по которым крепостные люди могли быть освобождены¹⁷. Но для помещика сам факт приобретения имения, со всеми находившимися там людьми, был достаточным доказательством принадлежности дворового к его собственности и наличия у него права управления, а в случае неповиновения — и наказания крестьян. На этом фоне, основанное на устном заявлении матери, утверждение Герасимова о его «вольном» происхождении не воспринималось помещиком как юридически значимое.

Третье основание для обращения к представителям властных структур возникало, как правило, при смене помещика, сопровождавшейся судебными спорами по вопросу о наличии у новых владельцев законных прав наследования недвижимой собственности. Возникновение конфликтов с новым помещиком или его представителями, непривычные формы управления, распродажа части имущества и изменения «тяжести» повинностей — все это, на фоне слухов о судебных разбирательствах или существовании иных наследников, могло быть действенным стимулом для составления прошений. В подобных случаях крестьяне обращались за помощью к местным канцелярским чиновникам, которые за определенную плату консультировали просителей о юридической стороне их дела и порядке подачи документов. В результате в прошениях, наряду с апелляцией к нормам действующего законодательства, воспроизводились представления о «доброте» и бережливости «законного наследника» и, соответственно, расточительстве и несправедливости действий наследника, не имевшего безусловных прав на владение имением.

Ярким примером сочетания юридических аргументов и убежденности в том, что настоящий, «законный», наследник будет рачительным и заботливым хозяином является поданное осенью 1814 г. ревизору А.Л. Львову «Покорнейшее прошение» крестьян Тамбовской губернии Потапа Кудрявцева и дворового человека Ивана Шверкина. В

нем крестьяне жаловались на действия жены умершего в 1813 г. помещика Л. Полтавского, которая совместно со своими родными сестрами, по происхождению «простыми казачками», продала разным лицам «запасной хлеб», сено и другое имущество, а недовольных крестьян подвергала «тюремному заключению». Надежда на предотвращение дальнейшего разорения имения и восстановление справедливости была связана с информацией о существовании прямого наследника по мужской линии, находившегося, по дошедшим до крестьян сведениям, в расположении Донского казачьего войска. В связи с этим обстоятельством крестьяне просили «...все имение, оставшееся после покойного господина нашего... взять в опеку до возвращения Законного наследника Леонтия Николаевича Полтавского», а для «...скорейшего отыскания того наследника дать нам на проезд в войско Донское и обратно билеты...»¹⁸. Таким образом, они, с одной стороны, обращались к чиновнику, олицетворявшему государство, как к силе, способной остановить злоупотребления новых помещиков, а, с другой, — выражали готовность самостоятельно найти законного наследника. Важно отметить, что просители, описывая свое положение, не использовали понятие «рабство» и не отрицали крепостное право. Для них принципиально важным представлялось восстановить сложившуюся ранее систему взаимоотношений помещика и находящихся на территории его имения крестьян.

Сравнение своего «состояния» с «рабством» встречается в текстах прошений довольно редко и связано с проявлением чрезмерной жестокости или обстоятельствами, которые позволяли крестьянам утверждать, что они должны получить «свободу». Одним их таких обстоятельств, например, могла быть выплата крестьянами долговых обязательств умершего помещика. Именно такое обоснование стремления получить «от рабства Свободу» представлено во всеподданнейшем прошении крестьянина Костромской губернии Трофима Васильева. Он и его семья до 1758 г. находились «во владении» помещицы В. Тихменевой. Позднее имение было дважды продано, а затем перешло по наследству И. Акинфиеву, который за 10 тыс. руб. «...заложил всех вообще крестьян в государственный заемный банк», но через 6 лет умер. Ближайшие родственники помещика, по словам заявителя, «...по причине поступления на покойного господина моего в большом количестве долгов от владения вовсе отказались...», что привело к «взятию имения в опеку». В сложившихся обстоятельствах «решились крестьяне все вообще... долги сполна заплатить сами», и считали себя «от опеки банка свободными». В реальности же крестьяне свободу не получили, так как имение перешло в управление подпоручицы А. Захаровой. Новая хозяйка, по словам одного крестьянина, не имея «на право владения доказательств», «обременяет меня оброками неумеренными, по сороку и по пятидесяти рублей каждогодно забирает», а ее зять «...делал великия безобразия и насилие, бил жену мою немилосердно, вынудил четырнадцать рублей, и еще увел со двора моего собственного принадлежащую мне лошадь со всею упряжкой...»¹⁹. Все вышеизложенные злоупотребления помещицы и ее родственников в отношении крестьян, выплативших долговые обязательства прежнего владельца, отождествлялись автором прошения с «рабством». В данном контексте конкретным проявлением «рабского» положения,

с точки зрения крестьянина, было физическое насилие и лишение личного имущества, а право на «свободу» возникало как результат финансовой сделки с государством, которая стала возможна вследствие отказа законных наследников от выплаты долгов.

Четвертое основание, воспринимавшееся как достаточное для составления жалоб и прошений, было связано с незаконным удержанием крестьян лицами недворянского происхождения, которое напрямую отождествлялось с «рабством». Следует отметить, что на рубеже XVIII—XIX вв. попытки присвоения права обладания крепостными людьми предпринимали состоятельные купцы и так называемые «разночинцы». Особенно заметно это стремление проявилось после издания указа 12 декабря 1801 г., разрешившего приобретение ненаселенных земельных участков представителями всех «свободных состояний». В большинстве случаев незаконная продажа крестьян лицам недворянского происхождения совершалась под прикрытием перехода крепостного по «верющим письмам» в «услужение», «учение» или «на воспитание».

Множество случаев нарушения лицами недворянского происхождения установленного законом запрета владеть крепостными крестьянами вызвало достаточно жесткую реакцию власти. 23 октября 1816 г. помещикам было запрещено предоставлять по «верющим письмам» «...права на продажу или заклад вверяемого в управление их имения и крепостных людей», а также «отдавать на воспитание или в учение крепостных помещичьих людей» на срок более пяти лет²⁰. На практике стремление владеть крепостными было сильнее установленных государством запретов. Даже, несмотря на угрозу наложения денежного штрафа в размере от 200 до 500 руб. и принудительное освобождение работников²¹, помещики и их «доверители» каждые пять лет составляли новые «прокормежные и плакатные паспорта», «верющие письма» или контракты на «учение крестьян».

В результате отданные «в услужение» или «учение» крестьяне могли находиться в полной власти лиц недворянского происхождения несколько десятилетий подряд и полностью утрачивали какую бы то ни было связь с законным владельцем. Не имея достоверной информации о перепродаже от одного помещика к другому или продлении срока пребывания в услужении по «верющему письму», некоторые из них подавали «прошения об отыскании свободы от рабства». Так, например, 7 февраля 1816 г. крестьянин Гаврила Шебалин подал прошение, в котором утверждал, что «...от рождения состоял во владении полковницы Мильгуновой, а от нее продажен, или по закладной, находился у Пензенского купца Федорова Попова в рабстве 15 лет, и оным продан княгини Шаховской крестьянину Павлу Пастухову, ...у коего находился с семейством лет восемь...». После многолетнего пребывания «в услужении» у лиц недворянского происхождения Г. Шебалин выказывал недовольство тем, что его и его семью передали помещику Яковкину, который «делает сильное семейству его изнурение, одевает хуже других своих людей»²². Проведенное губернскими властями расследование выявило, что в действительности помещица Мильгунова продала крестьянина коллежскому советнику Яковкину, который, в свою очередь, отдал его по «верющему письму» купцу Ф. Попову, а через несколько лет потребовал

возвратить крестьян в свое имение. Таким образом, крепостных просто вернули законному владельцу. Однако, с позиции крестьянина, все, что произошло после передачи из владения помещицы Мельгуновой, свидетельствовало о пребывании его в «рабстве», а, следовательно, давало ему право подать прошение об «отыскании свободы от рабства».

В общем виде сравнительно-контекстуальный анализ крестьянских жалоб и прошений показал, что в сознании крестьян понятие «рабство» отождествлялось с рядом конкретных проявлений: чрезмерная жестокость наказания, изъятие личного имущества, удержание работников, рожденных от «людей свободного состояния», а также длительное пребывание в услужении у лиц недворянского происхождения. Содержательно такая трактовка понятия «рабство» во многом совпадала с общим негативно-критическим контекстом употребления данного понятия в официальных словарях, на страницах периодической печати и в текстах проектов решения крепостного вопроса. Так, например, в словаре «Академии Российской» понятие «рабство» определялось как «состояние раба», а «раб» — как человек, «находящийся в совершенной зависимости у другого». При этом составители словаря подчеркивали, что «у римлян господа имели право в жизни и смерти рабов своих, а в России Великою Екатериною и самое название раб истреблено»²³.

Размышляя о положении крестьян в России, Н.И. Тургенев отметил общее негативное отношение образованной части российского общества к «рабству» и сформулировал свое понимание его основных признаков: «Слово раб вызывает столь ужасные представления, что видя несвободного русского крестьянина, пожалуй, не решишься так его назвать... Однако, если вспомнить, какой властью над своими крепостными обладают или могут обладать в России помещики, то определение рабство становится единственно возможным, ибо оно отражает безграничный произвол одних и полное бесправие других»²⁴. Произвол, жестокость и отчуждение большей части результатов подневольного труда, по мнению Тургенева, являлось неотъемлемым атрибутом «рабства крестьян» в России. Аналогичные оценки положения крестьян были представлены в записке министра внутренних дел О.П. Козодавлева «Рассуждение о постепенном освобождении крестьян из-под рабства»: «Рабство есть положение человека, в котором законы гражданские лишают его права личного, права собственности, отъемлют у него волю и как лицо его, так и имущество отдают в полную власть другого человека; словом сказать, лишают его всех прав человека и исключают его из числа граждан». В данном контексте он признавал, что «крестьяне помещичьи суть истинные рабы, не имеющие ни собственности, ни свободы, платящие оброк и отправляющие работу господскую по произволу господ своих или помещиков»²⁵.

Усилению негативных коннотаций понятия «рабство» способствовали неоднократные заявления верховной власти о намерении восстановить силу закона и неприятию злоупотреблений помещиков в отношении крепостных крестьян. Все это, в совокупности с публикациями на страницах российских журналов материалов о положении «рабов» в различных странах мира и распространением мнения о несовместимости «рабства» с нормами христианской морали, укрепило

негативное отношение к «рабству», которое все чаще называлось «противным нравственности» и несоответствующим «духу времени» явлением. Даже консервативно настроенная часть российского дворянства, настороженно воспринимавшая попытки правительства решить крестьянский вопрос, негативно отзывалась о «рабстве» как социально-экономическом явлении. Само понятие «рабство» и для сторонников, и для противников преобразований имело однозначно негативное содержание. Различие состояло лишь в согласии или несогласии с тезисом о наличии в России «рабства крестьян».

Конечно, интеллектуальные споры, сопровождавшиеся аргументами как экономического, так и морально-этического содержания не были известны крестьянам. Однако, как свидетельствуют тексты прошений, общее негативное отношение к «рабству» постепенно формировалось в сознании крестьян и их «доверителей». В данном контексте показательным является соотношение в прошениях понятий «владение» и «рабство». Первое из них использовалось для описания прав помещика на управление имением и было, по сути, частью исторически сложившегося обозначения «состояния» крестьянина и места его проживания. Второе понятие имело исключительно негативные коннотации и употреблялось в случае, когда крестьянин оказывался в положении, требующем незамедлительного вмешательства представителей государственной власти. В такой трактовке понятие «рабство» усиливало эмоциональную окрашенность текста, а, следовательно, порождало у просителей ожидания благоприятного решения чиновников по конкретному делу.

Более масштабные ожидания, связанные с изменением юридического положения «состояния подневольных людей» проявлялись в форме анонимных записок, доносов и слухов, соавторами и распространителями которых были не только крестьяне, но и представители других категорий населения, непосредственно контактировавшие с крепостными людьми. Интересным примером такого взаимодействия является «подброшенное на высочайшее имя» весной 1807 г. анонимное прошение. В результате проведенного расследования было установлено, что документ был составлен дворовыми людьми графа А.И. Безбородко Иваном, Осипом и Гордеем при активном участии коллежского секретаря Фёдора Дунаева, который «жил неподалеку... неоднократно с ними пивал, и по просьбам их писал к знакомым многие письма». В прошении от лица «бедных рабов господских» императору сообщалось, что крестьяне пришли в «отчаяние, и вскоре сделается бунт». Эмоционально описывая бедственное положение крестьян, авторы взывали к самодержцу: «Умилосердитесь Батюшка наш Императорское Величество, докуда нам рабам господним и вашим верным подданным пропадать... Повелите... развести большие огни и велите нам всем броситься туда..., или, лучше всего, велите нас всех отдать в солдаты. Великая для нас радость, что все мы будем ваши, все государственные». По мере снижения эмоционального напряжения, в тексте прошения предлагался наиболее приемлемый, с точки зрения крестьян, вариант освобождения: «Даруйте вы господам нашим денежную суммою и положите им большое жалованье и пенсию, чтоб больше не было у них нас...». В завершении небольшого по объему текста прошения (примерно 2,5 страницы рукописного тек-

ста) авторы предлагали ограничить право помещиков наказывать крестьян и еще раз, отождествляя положение крепостных с положением «рабов», обращались к российскому самодержцу: «не оставьте наше императорское величество... господских бедных рабов»²⁶. В такой трактовке положение крепостных людей оценивалось негативно, без многочисленных оговорок и ссылок на конкретные обстоятельства или личные качества отдельного помещика, а исторически сложившаяся система «рабской» зависимости крестьян могла быть уничтожена по личной инициативе монарха и при активном финансовом участии государства. Следует отметить, что идея о необходимости выплаты денежной компенсации помещикам была достаточно распространена, о чем свидетельствуют многочисленные доносы о распространении представителями так называемых «нижних состояний» слухов и произнесения ими «недозволенных речей». В отдельных случаях реализация подобного сценария освобождения представлялась возможной в результате внешнеполитических обстоятельств, в частности, войны с Наполеоном, который, по словам одного из крестьян, намерен всех сделать вольными, а «...помещики ж будут на жаловании»²⁷.

Принципиально важно, что вне зависимости от того, объявит ли о даровании «свободы» российский император, или она будет предоставлена в результате внешнего завоевания, крестьянин не испытывал иллюзий в отношении помещиков и не ожидал, что инициатором отмены «рабства» может стать их законный владелец. Повседневная практика общения с собственником имения или его управляющим убеждала крепостных людей в нежелании помещика что-либо менять. Действительно, дворянство, вопреки ожиданиям императора Александра I, рассчитывавшего, что после издания указа 20 февраля 1803 г. помещики добровольно начнут освобождать крестьян, оказалось неготовым отказаться от использования подневольного труда крепостных: с момента издания указа и до декабря 1825 г. было заключено всего около 160 договоров, регламентировавших порядок освобождения крепостных с землей за соответствующее денежное вознаграждение²⁸. Более того, известны случаи, когда помещики отказывались от исполнения собственноручно подписанных ранее условий освобождения крестьян, аргументируя свое поведение тем, что они в любой момент имеют право изменить свое решение. С позиции дворянина, отказ от завершения процедуры освобождения означал всего лишь отказ от заключения своеобразного акта купли-продажи, в соответствии с которым землевладелец получал денежную компенсацию за утрату части принадлежавшей ему собственности.

На этом фоне большинство крестьян либо никак не проявляло стремление получить свободу, либо ожидало издания соответствующего императорского манифеста. Яркой иллюстрацией существования в крестьянской среде такого рода ожиданий являются многочисленные доносы с мест о быстром распространении и активной реакции крестьян на циркулировавшие весной 1815 г. слухи о якобы «читанном в Санкт-Петербургском Казанском соборе указе о даровании всем помещичьим крестьянам вольности»²⁹. Лишь немногие из них, в случае жестокого и несправедливого наказания или получения информации об отсутствии у помещика неопровержимых, с их точки

зрения, прав на владение имением и крестьянами, придерживались активной стратегии поведения и подавали «прошения об отыскании свободы от рабства».

Таким образом, проведенный анализ показывает ряд важных особенностей самоидентификации российского крестьянина и его представлений о желательных сценариях решения крепостного вопроса. Во-первых, «рабство», как система взаимоотношений, предполагающая возможность «своевольного» применения физического насилия и отсутствие имущественных прав, вызывала неприятие у представителей различных сословий российского общества. Особенностью крестьянского понимания было то, что противоположностью «рабства» одновременно были понятия «свобода/вольность» и «законное владение». При этом для крестьян-земледельцев «свобода/вольность» не обязательно означала переход в другое «состояние», а лишь отсутствие мелочного контроля со стороны помещика. Крепостные же, находящиеся на положении «дворовых людей», особенно те из них, кто длительное время проживали в городах, отождествляли «свободу» с предоставлением личной независимости и возможности уйти от помещика. Во-вторых, наиболее вероятный, с точки зрения крестьян, сценарий решения крепостной проблемы предполагал, что инициатива должна исходить от императора и сопровождаться финансовой поддержкой бывших помещиков со стороны государства. Следует отметить, что такая патерналистская схема решения крепостного вопроса встречается и в проектах, предлагаемых императору представителями европеизированного дворянства. Общность патерналистских установок проявлялась не только в форме слухов, но и в форме письменных обращений к власти за помощью по аналогии с всеподданнейшими прошениями и судебными исками, подаваемыми представителями дворянства и других свободных состояний.

Примечания

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 14-18-10873.

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ-1) с 1649 года. Т. XX. СПб. 1830. Т. XXVI. 1801, № 19.779, с. 583.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1167, оп. 1. т. XVI, л. 170, л. 3.
3. На сегодняшний день существует ряд работ, посвященных изучению социально-политических представлений крестьян, однако в большинстве из них исследовательский интерес сфокусирован либо на общих особенностях крестьянского мировосприятия на протяжении достаточно длительного периода времени, либо на реконструкции мотивов и поведенческих стереотипов, проявившихся в условиях крестьянских бунтов и восстаний. См., например: КЛИБАНОВ А.И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М. 1977; ЧИСТОВ К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVI—XIX вв. М. 1967; УСЕНКО О.Г. Психология социального протеста в России XVII—XVIII вв. Тверь. 1994; БОКАРЕВ Ю.П. Бунт и смирение (крестьянский менталитет и его роль в крестьянских движениях). В кн.: Менталитет и аграрное развитие (XIX—XX вв.) М. 1996; ГРОМЫКО М.М., БУГАНОВ А.В. О воззрениях русского народа. М. 2000; ЕГОРОВ А.К. Крестьянские волнения первой половины XIX века в контексте социально-политических и религиозных представлений русского крестьянства. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Петрозаводск. 2006.

4. В современной западной историографии сложилось два основных направления истории понятий: немецкая школа Begriffsgeschichte, одним из основоположников которой был Р. Козеллек, и англосаксонская History of Concepts. См. подробнее: История понятий, история дискурса, история метафор. Сб. статей. М. 2010; «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Т. 1. М. 2012, с. 5—48.
5. ОСТИН ДЖ. Три способа пролить чернила. Философские работы. СПб. 2006; ХАРХОРДИН О. История понятий как метод истории практик. В кн.: Эволюция понятий в свете истории русской культуры. М. 2012, с. 7—23.
6. РОСОСК J.G.A. Politics, Language and Time. Essays in Political thought and History. L. 1972; СКИННЕР К. The State. В кн.: Понятие государства в четырех языках: сб. статей. СПб. 2002, с. 12—74; ЕГО ЖЕ. Свобода до либерализма. СПб. 2006.
7. СКИННЕР К. Коллингвудовский подход к истории политической мысли: становление, вызов, перспективы. — Новое литературное обозрение. 2004, № 66, с. 65.
8. См. подробнее: ДМИТРИЕВ А. Контекст и метод (предварительные соображения об одной становящейся исследовательской индустрии). — Там же, с. 11—12.
9. РГИА, ф. 1306, оп. 1, д. 25, л. 8.
10. Там же, л. 20об.
11. Там же, л. 4.
12. Там же, ф. 1163, оп. 1, т. XVI, 1807, д. 65, л. 8об., 39.
13. Там же, ф. 1306, оп. 1, д. 25, л. 6.
14. Там же, ф. 1553, оп. 1, д. 103, л. 1—1об., 3об., 8.
15. Там же, л. 5.
16. Там же, л. 4об.
17. ПСЗ-1, т. XXXIII, с. 286.
18. РГИА, ф. 1549, оп. 1, д. 28, л. 2—2об., 3об.
19. Там же, ф. 1551, оп. 1, д. 12, л. 1об.—2.
20. ПСЗ-1, т. XXXIII, 1816, № 26.469, с. 1056—1057.
21. Там же, т. XXXVIII, 1823, № 29.416, с. 906—908.
22. РГИА, ф. 1553, оп. 1, д. 177, л. 5.
23. Словарь Академии Российской, ч. V. СПб. 1794, стб. 1. Данное определение было воспроизведено и в царствование Александра I. См.: Словарь академии российской, по азбучному порядку расположенный, ч. 5. СПб. 1822, стб. 776.
24. ТУРГЕНЕВ Н.И. Россия и русские. М. 2001, с. 218
25. КОЗОДАВЛЕВ О.П. Рассуждение о постепенном освобождении крестьян из-под рабства и о способах, коими безопасно можно ввести между ними гражданскую свободу (около 1818 г.). В кн.: Дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России в конце XVIII — первой четверти XIX в. Сб. документов. Липецк. 2003, с. 147, 156.
26. РГИА, ф. 1163, оп. 1, т. XVI, 1807, д. 69, л. 12, 45, 109, 110.
27. Там же, оп. 1, т. XVI, 1812, д. 1, л. 1.
28. Общее количество освобожденных крестьян составляло 47 153 «души мужского пола». См. подробнее: БИРЮКОВИЧ В.В. Судьба указа «О вольных хлебопашцах» в царствование Александра I. В кн.: Архив истории труда в России. Пг. 1921, кн. I, с. 63—79; СЕРГЕЕВА Н.И. Анализ количественных показателей действия указа о свободных хлебопашцах. В кн.: Вопросы истории России XIX — нач. XX вв. Л. 1983, с. 57—68; ГОТЬЕ Ю.В. Очерк истории землевладения в России. М. 2003, с. 177; МИРОНЕНКО С.В. Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в начале XIX века. М. 1989, с. 73.
29. РГИА, ф. 1163, оп. 1, т. XVI, 1815, д. 2, л. 2—3, 4—4об.

Экспедиции ИРГО в Эфиопию на рубеже XIX—XX вв.

С.А. Агуреев

Несмотря на обилие научных исследований и журнальных публикаций, посвященных проблематике географического изучения африканских стран зарубежными и российскими исследователями, тема участия Императорского Русского Географического Общества (ИРГО) в исследовании Африки практически не получила самостоятельного отражения в трудах отечественных историков. Немного известно и о том, как происходило изучение членами Общества африканского континента, как формировались научные представления о его природе и фауне, этнографических чертах населявших его народов, их обрядах и традициях, географических особенностях. Вплоть до II половины XIX в. Африка занимала весьма скромное место в деятельности ИРГО, направлявшего свои усилия на изучение российских регионов, а также Средней Азии, Афганистана, Ирана и Дальнего Востока. Но и впоследствии, несмотря на кратное увеличение количества материалов, полученных исследователями ИРГО об Африке, она по-прежнему оставалась второстепенным направлением деятельности русских ученых и путешественников.

И все же, накопленные Обществом материалы об африканском континенте, как и сама история его географического изучения, составляют крайне интересную страницу отечественной и мировой науки. В период с середины XIX — начала XX в. русскими учеными были получены уникальные научные сведения о странах Северной, Центральной, Южной и Восточной Африки, опубликованы сотни исследовательских работ, статей, отчетов и записок по истории африканских племен, их обычаям и религиозным обрядам, были собраны богатые зоологические и этнографические коллекции.

Особую роль в научных исследованиях в 1880—1900 гг. играла находившаяся в Восточной Африке христианская Эфиопия, на про-

Агуреев Станислав Александрович — кандидат исторических наук, доцент Московского городского педагогического университета.

тяжении полутора десятилетий привлекавшая к себе отечественных ученых и путешественников и ставшая первой африканской страной, установившей дипломатические отношения с Российской империей (1898 г.). Десятки россиян побывали в этой части Африки в составе множества экспедиций. Это были ученые, инженеры, военные, врачи, оставившие по возвращении крайне интересные отчеты об Эфиопии, ее государственном и общественном устройстве, полезных ископаемых, климате, плодородии почв. Эти сведения стали ценнейшим вкладом в развитие отечественной эфиопистики в последующие годы.

Наиболее влиятельные и популярные отечественные издания, такие как «Вестник Европы», «Нива», «Русское богатство», «Гражданин», «Новое время», «Наблюдатель», «Нижегородские Ведомости», «Московские Ведомости», публиковавшие статьи и заметки, посвященные политической истории и религиозным верованиям Абиссинии, анализировали и внешнеполитическую деятельность в регионе крупнейших колониальных держав.

Экономическая заинтересованность российских промышленных и деловых кругов в зоне Красного моря приводила к еще более внимательному изучению российской прессой политических событий в Восточной Африке, порождая невиданный доселе интерес россиян к истории и культуре Эфиопии. Особое значение в этом процессе имели издававшиеся в России отчеты и дневники ИРГО, являвшиеся первоисточниками.

Период конца XIX — начала XX в. был отмечен появлением специальных исследований, освещавших жизнь эфиопского народа, особенности его менталитета, религии, культуры. Среди них следует отметить исследования Е.Е. Долганёва ¹, монографию В. Бучинского и С. Бахланова «Наши черные единоверцы» ², диссертацию профессора Н.Г. Бровцына ³, посвященную изучению антропологических особенностей эфиопского народа, научные труды известного востоковеда Б.А. Тураева ⁴, религиозно-этические сочинения В.В. Болотова ⁵.

Существенно изменились и сама специфика и характер публикуемых ИРГО научных исследований. Если в период 1850—1870 гг. в основном публиковались материалы известных европейских исследователей Абиссинии — Антуана д' Аббади ⁶ (1850 г.), Роже д' Эрикура ⁷ (1851 г.), Р. Лепсиуса ⁸ (1852 г.), Г. Гейглинга об Аксумском царстве ⁹ (1862 г.), Лежена — «Планы абиссинских городов» ¹⁰ (1863 г.), экспедиции Бреннера ¹¹ (1867 г.); а в 1870-х гг. в «Известиях ИРГО» вышло несколько статей о торговом значении Абиссинии в связи со строительством Суэцкого канала и итальянскими экспедициями 1869—1870-х гг. ¹², то вскоре положение кардинально изменилось.

Изучение региона Красного моря с середины 1880-х гг. стало систематическим и носило комплексный характер, о чем свидетельствует не только увеличение числа публикуемых материалов и статей в периодических изданиях Общества, но и тематика исследований, богатство фактического материала об Абиссинии. В этих изданиях особое место занимали выдержки из мемуаров многих российских путешественников, являвшихся действительными членами ИРГО: В.Ф. Машкова, К.С. Звягина, А.К. Булатовича, Л.К. Артамонова, П.Н. Краснова. Наибольшее число статей, посвященных Эфиопии и Аф-

рике в целом, пришлось на период с конца 1880-х гг. до конца 1890-х в «Известиях РГО» и годовых отчетах.

С начала 1890-х гг. в «Метеорологическом вестнике» появились материалы о климатических особенностях Эфиопии и Эритреи, приводились данные о динамике климатических изменений¹³. Более редкими являлись заметки по разделу «Мелкие известия», кратко знакомящие читателей с происходившими в Абиссинии политическими событиями, анализировались и успехи основных колониальных держав в этом регионе.

В 1887 г. на заседании отделения этнографии Императорского Российского Географического Общества был заслушан доклад А.П. Магнуса о населяющих Абиссинию народах. В докладе содержалась характеристика ее государственного управления и религии ее племен. С этого момента Эфиопия попала в центр пристального внимания российских исследователей, а появление большого числа научных публикаций заложило основу для организации экспедиций в Восточную Африку, как частными лицами, так и представителями научного сообщества.

Первым достаточно массовым проникновением русских в Эфиопию стала экспедиция вольного казачьего атамана Н.И. Ашинова, проводившаяся с целью колонизации части Черноморского побережья для устройства удобных для движения транзитных судов угольных станций, организованная на средства нижегородского купечества. В ней участвовало 180 казаков, а также лица духовного звания во главе с архимандритом Паисием, так как предполагалось учреждение православной миссии¹⁴. Достигнув границы французских владений в Обоке и высадившись в бухте Сагалло, члены экспедиции разбили лагерь. Но французские власти, не без основания опасавшиеся усиления российского экономического влияния в регионе, обстреляли русский лагерь, а оставшихся в живых членов экспедиции взяли в плен. Миссия завершилась полным провалом. Эта экспедиция была смелым экономическим замыслом, но не преследовала каких-либо научных целей¹⁵.

В 1889 и 1891 гг. в Эфиопии в составе экспедиции побывал русский офицер В.Ф. Машков, которого ИРГО снабдило необходимыми инструкциями по изучению природы и населения Эфиопского нагорья. Целесообразность поездки обосновывалась также политическими интересами России в регионе Красного моря, стремлением получить сведения из независимого источника информации. Приготовления к отправке экспедиции завершились с невероятной быстротой — Высочайшее соизволение на командировку Машкова последовало 24 декабря 1888 г., а уже через несколько дней офицер в качестве частного лица и корреспондента газеты «Новое время» отправился в Абиссинию.

В середине февраля 1889 г., преодолев множество трудностей и противодействие итальянских властей, стремившихся под любым предлогом не допустить русского офицера в Эфиопию, Машков добрался до границ Эфиопии, но, не имея дипломатического поручительства российского правительства, был вынужден надолго задержаться в Харэре, ожидая письменного разрешения негуса на въезд в Энтото. Положение оказавшегося в чужой стране поручика осложнялось явной

недостаточностью выделенных военным министерством средств. Не дождавшись обещанной для содержания отряда из нескольких человек финансовой помощи, задолжавший 4 тыс. франков православным грекам, Машков лишь благодаря собственной решимости и твердости духа смог отправиться вглубь страны к Анкоберу и в Энтото¹⁶.

Приезд Машкова, совпавший с важными событиями в стране, приведшими к установлению императорской власти шоанского негуса Менелика II, как нельзя лучше отвечал интересам нового правителя Эфиопии, нуждавшегося в установлении дипломатических отношений с крупнейшими европейскими державами, в том числе и с Россией. Русский офицер удостоился торжественной аудиенции у негуса, в ходе которой Менелик интересовался сведениями о России, царской семье, обсуждал стоявшие перед Абиссинией внешнеполитические проблемы и возможность развития торговли с Россией для удовлетворения нужд развивающейся эфиопской промышленности.

Важным свидетельством особого расположения негуса к русскому офицеру можно считать оказание поручику почестей во время нескольких аудиенций у Менелика, а также радушный прием симпатизировавшего путешественнику императора. Лишь после месячного пребывания в резиденции негуса, Машков отправился в Россию, увозя с собой дружеское письмо императора Менелика к русскому царю Александру III.

Результаты экспедиции Машкова были высоко оценены российским внешнеполитическим ведомством и получили всестороннее освещение в российской периодической печати¹⁷. Так, русский посол в Константинополе А.И. Нелидов в письме министру иностранных дел России Н.К. Гирсу отметил важность установления контактов с Абиссинией, указав на необходимость всестороннего изучения Эфиопии и невозможность для России стоять в стороне от африканских дел. «Дружеские сношения с Абиссинией, — говорилось в письме, — и некоторое правительственное над ней покровительство и содействие ей могут вполне отвечать этим требованиям, доставляя нам возможность безопасного воздействия на соперничество в этих отдаленных странах других европейских держав». Нелидов настоятельно просил Гирса не упустить благоприятную для России возможность и немедленно установить отношения с Эфиопией, послав в ответ на письмо негуса экспедицию по случаю недавней торжественной коронации эфиопского императора¹⁸.

Стремясь придать экспедиции не только официально-деловой, но и духовный, а также научно-исследовательский характер, МИД обратился за помощью к Святейшему Синоду и Русскому Географическому Обществу, членом которого был избран Машков. «Действительный член Общества В.Ф. Машков, — говорилось в протоколе заседания РГО от 5 января, — прекрасно зарекомендовавший себя как путешественник, желал бы предпринять новую экспедицию в Абиссинию с научной целью и обращается к Обществу с просьбой помочь ему осуществить эту поездку». На заседании Общества было принято постановление: «вполне одобряя намеченный им (Машковым. — С.А.) план работ, озаботиться объяснением возможности осуществить предприятие, которое принять под покровительство Общества, снабдить г. Машкова инструкциями и всеми инструментами и

научными пособиями, какие будет признано полезным дать ему по мнению Вице-председателя Общества»¹⁹.

В январе 1890 г. после встречи с царем и по получении необходимых дипломатических инструкций Машков совместно с иеромонахом Тихоном и причетником Григорием, а также черногорцем Сладо (Сладко) Златычанином отбыл с экспедицией в Абиссинию, достигнув в начале июня Таджурского залива и Обока²⁰, являвшегося важным административным центром Французского Сомали²¹, где был встречен французским консулом Ф. Лагардом, не желавшим успеха российской экспедиции. Втайне опасаясь усиления духовного и политического влияния России на эфиопского негуса, Лагард с присущей ему настойчивостью сумел убедить эmissаров Святейшего Синода Тихона и Григория в опасности подобного путешествия и необходимости покинуть экспедицию. С отбытием священников на родину экспедиция, несомненно, потеряла свое духовное значение, однако главная ее цель — установление контактов с эфиопской стороной — была достигнута.

18 октября 1891 г. караван экспедиции Русского Географического Общества торжественно въехал в Аддис-Абебу, где состоялась аудиенция у эфиопского императора и вручение поразивших императорских сановников своей роскошью царских подарков.

Эфиопский правитель передал русскому офицеру письмо для российского императора, в котором просил царя Александра III о содействии в разрешении конфликта с Италией: «Умоляю помочь нам или хотя бы дать совет, что мы должны делать, дабы избежать напрасного кровопролития, уже и так много веков бесполезно истощающего нашу страну»²². В ходе последовавшей после аудиенции частной беседы Менелик обратился к Машкову с просьбой выяснить вопрос о возможности отправки в Абиссинию русских военных инструкторов, столь необходимых для молодой эфиопской армии: «Я прошу у государя императора. Я об этом напишу подробно в письме, с которым буду просить Вас отправиться скорее в Россию»²³. Когда все необходимые приготовления к отъезду были закончены, Машков без промедления отправился на родину.

Посредническая деятельность Машкова в Эфиопии получила высокую оценку МИД и лично императора Александра III. Результатом его миссии стало установление первых политических контактов с Эфиопией. Добытые Машковым в двух поездках в Абиссинию сведения о политическом развитии страны, верная и глубокая оценка дипломатической деятельности европейских держав в Северо-Восточной Африке оказали неоценимую услугу российскому МИД, послужив своего рода основой для формирования российской политической доктрины в отношении этой страны, одновременно способствуя усилению интереса российских правящих кругов и общественности к Эфиопии. Экспедиции Машкова имели и сугубо научное значение, так как за весь период их проведения исследователем велись подробные этнографические наблюдения, заложившие основу для последующего изучения народов Эфиопского нагорья.

Отмечая необычайную пестроту этнического состава Эфиопии, Машков свидетельствовал в своем географическом очерке: «...на северо-востоке абиссинцы обладают почти белым цветом кожи, но чем

далее на юго-запад, тем этот цвет все более и более переходит в черный... преобладающий цвет кожи, однако, желтоватый. Обитатели Северо-восточной Эфиопии имеют черты лица близкие к кавказскому и семитическому типу, тогда как на юго-западе абиссинцы отличаются выступанием негритянского облика...». К амхара также относятся племена «богос», «такуэ» и «менсы», занимающие район Сенхита. Из народов, не принадлежащих к абиссинцам, русский исследователь выделил «...многочисленные племена галласов, живущих преимущественно в южных областях Абиссинии», а также афаров и аггов, переселившихся из Египта. К народам смешанного происхождения Машков относил племена данакилей, «живущих в пространстве между берегом моря (Красного. — С.А.), стеною абиссинского плато и течением р. Хаваша (Аваш — С.А.)»²⁴.

Чрезвычайно точны и его описания, относящиеся к абрису Абиссинии, ее природным богатствам. «Вся поверхность страны, — писал Машков в своих изданных по материалам первой экспедиции воспоминаниях, — носит следы страшных вулканических переворотов. Всюду рассеяны потухшие вулканы — в кратере их помещаются ныне целые озера, довольно многочисленные в Абиссинии...»²⁵. Не укрылась от внимания пронизательного исследователя и крайняя сложность речной системы Эфиопии в гидрографическом отношении, полноводность и быстрое течение местных рек, что способствовало, по мнению русского путешественника, «прекрасному орошению» страны, обладающей мягким климатом и весьма пригодной к занятию земледелием. Другими итогами экспедиций стала публикация Машковым целого ряда материалов об истории и культурных традициях этой страны²⁶.

Особую роль в научном изучении Эфиопии и Восточного Судана сыграла экспедиция доктора А.В. Елисеева, поручика русской армии Н.С. Леонтьева, а также отставного капитана К.С. Звягина, состоявшаяся под эгидой ИРГО в 1894 г., во время которой были собраны многие этнографические материалы, проводились метеорологические и климатические наблюдения, съемки ландшафта, появились антропологические свидетельства о жизни местных племен. Желая получить ценные сведения о государственном устройстве, обычаях, религии и экономике абиссинского государства, русский офицер обратился в МИД с просьбой разрешить ему отправиться в Эфиопию в составе научно-исследовательской экспедиции.

«За последнее время, — говорилось в направленной Леонтьевым в 1894 г. статс-секретарю Н.П. Шишкину записке, — Африка стала все более обращать на себя внимание всего цивилизованного мира, с одной стороны, как обширная колония..., с другой — как обширный рынок... для вывоза оттуда огромного количества сырья и так называемых колониальных товаров»²⁷.

Россия же, не имевшая возможностей вести на африканском материке активную колониальную политику вследствие своей «...отдаленности... и меньшего удобства путей сообщения», а также «причин политического характера», могла бы, по мнению Леонтьева, «превратить всю ее (Африки. — С.А.) северо-восточную часть в свой рынок», ведя активную морскую торговлю с Александрией, Порт-Саидом и Джибути через Суэц.

Важнейшую роль в осуществлении планов по укреплению российского экономического влияния на Красноморском побережье, считал Леонтьев, могла сыграть Эфиопия, имевшая «прекрасный климат» и удобное географическое положение на морском пути в Индию и Китай. Именно установление прочных дипломатических отношений с этой страной и организация в ней российских портов, по мнению Леонтьева, могли открыть России торговлю через Суэц «...если не с самой Индией, то, по крайней мере, с прибрежными к Черному морю (Красному. — С.А.) портами»²⁸.

Изложенные в записке соображения стали предметом пристального изучения российского МИД, вызвав повышенный интерес к эфиопским событиям в дипломатических кругах.

Необходимость проведения научной экспедиции определялась и тем немаловажным обстоятельством, что предпринятая еще в 1893 г. поездка А.В. Елисеева в Судан со стороны Египта не увенчалась заметным успехом. Поэтому был избран новый маршрут, пролежавший от Красного моря через южные области Эфиопии (Шоа, Каффа. — С.А.) на территорию Судана. В случае же, если этот маршрут окажется невозможным из-за противодействия английских властей, крайне подозрительно относившихся к подобным инициативам, предполагалась организация длительных поездок по внутренним районам страны — Амхаре и Тигре. Экспедиция пользовалась повсеместной поддержкой общества, о чем свидетельствуют материалы ИРГО.

«Совет (Общества. — С.А.) считает долгом, — говорилось в отчете ИРГО, — объяснить..., что по просьбе действительного члена Н.С. Леонтьева он принял под покровительство Общества снаряженную г. Леонтьевым экспедицию в Африку и снабдил его и спутников его — члена-сотрудника А.В. Елисеева и К.С. Звягина, открытыми рекомендательными письмами к тем лицам и учреждениям, с которыми им доведется вступить в сношения и, кроме того, предоставил в пользование экспедиции некоторые научные приборы»²⁹. Поддержку экспедиции оказали и такие известные российские ученые, как Д.Н. Анучин и А.И. Воейков.

Дождавшись положительного ответа на поданную им просьбу, Леонтьев совместно с вошедшими в состав экспедиции антропологом Елисеевым, отставным капитаном Звягиным, унтер-офицером Агаповым и дворянином московской губернии доктором Ю. Цветаевым, принявшим сан архимандрита и церковное имя Ефрем, отправился в Эфиопию. Проследовав на вышедшем из Одессы пароходе «Лазарев» через Константинополь, в середине января 1895 г. экспедиция торжественно прибыла в Обок. «Встреча, сделанная французами экспедиции в Джибути, — писал со слов Леонтьева журналист Ю. Елец, — носила на себе торжественный и в то же время сердечный характер. Весь город был украшен русскими и французскими флагами»³⁰. После оказанного русской экспедиции особо пышного приема французские власти снабдили ее всем необходимым для дальнейшего перехода в Харрар.

По прибытии в Энтото Леонтьев удостоился высочайшей аудиенции у негуса, в ходе которой последним было принято решение об отправке ответной дипломатической миссии в Россию в сопровождении российского поручика, который должен был доставить письмо

Менелика недавно взошедшему на престол русскому царю Николаю II. В начале июня 1895 г. действительный статский советник А.И. Кояндер, информируя российский МИД, доносил из Каира: «Сюда прибыл Леонтьев со своими спутниками. Они сопровождают посланца Менелика, везущего письмо государю и едущего поздравлять его Величество (с коронацией. — С.А.) и возложить венок на могилу покойного императора»³¹.

В следующем донесении Кояндера говорилось о том, что Менелик «...желал бы получить из России инструкторов для своей армии и инженеров... для разработки природных богатств Абиссинии»³². Эфиопский император, заинтересованный в скорейшем установлении дипломатических отношений с Россией, выказал стремление к скорейшей организации посольства в Россию. Уже тяжело больной к тому моменту Елисеев был вынужден покинуть Леонтьева и 12 февраля 1895 г. выехал из Харэра, захватив коллекции, собранные экспедицией³³. Летом 1895 г. Леонтьев и Звягин благополучно прибыли в Петербург вместе с абиссинской миссией, встреча которой была обставлена российскими властями с необычайной торжественностью.

Весьма ценными в научном отношении оказались и исследования, проводившиеся членами экспедиции. По свидетельству председателя Географического Общества П.П. Семёнова Тянь-Шанского, несмотря на непростые «...условия, в которые были поставлены путешественники в Абиссинии, конечно, не могли много содействовать их научным работам, но, тем не менее, они сделали в этом отношении все, что только было возможно. Леонтьев произвел обстоятельную съемку от Джибути до Харара, Звягин определял астрономические пункты... они собрали все, что могли по части естественноисторических коллекций»³⁴.

Научную ценность имело также проведение подробных метеорологических наблюдений, составление детальной карты пройденного участниками пути, определение астрономических и барометрических высот. Антропологические и этнографические исследования проводились Елисеевым, как и сбор коллекций по флоре и фауне Эфиопского нагорья. Подробные наблюдения проводились и в пустыне Данакиль, в результате чего были собраны экземпляры для коллекций насекомых, птиц и зверей, впоследствии переданные Леонтьевым в распоряжение Академии наук. Кроме того, было определено множество пунктов в этой пустыне. Основательно изучались и климатические условия Эфиопии от Джибути до Харэра и пустыни Данакиль.

Однако экспедиция привела не только к научным, но и к серьезным политическим последствиям, так как в результате ее проведения в Россию была направлена первая дипломатическая миссия от императора Эфиопии Менелика II³⁵. Впоследствии Леонтьев совершил еще две экспедиции в Эфиопию: в 1896—1897 гг. в составе Российского Общества Красного Креста уже известным русским путешественникам маршрутом через Джибути в Харэр и далее — в Аддис-Абебу и в 1899 г. в южные области Эфиопии — к озеру Рудольфа. Однако эти поездки Леонтьева, несмотря на собранные богатые этнографические коллекции, были лишь в малой степени связаны с деятельностью ИРГО и, как убедительно показал известный российский историк

А.В. Хренков, служили личным интересам поручика, стремившегося, в том числе, и к наживе.

Исследования Машкова и Леонтьева завершили начальный период накопления научных знаний об Эфиопии членами Императорского Русского Географического Общества.

Важным этапом в изучении Абиссинии явилась и экспедиция Российского Общества Красного Креста, в составе которой находились многие действительные члены ИРГО — П.В. Щусев, К.С. Звягин, А.К. Булатович — собравшие подробные сведения о населении, религии, хозяйственном и культурном развитии населявших Эфиопию племен. Эти крайне ценные сведения неоднократно сообщались на заседаниях ИРГО, публиковались в многочисленных отчетах и периодических изданиях.

В 1896 г. в составе санитарной экспедиции РОКК врач Щусев прошел от Джибути через Харэр в Аддис-Абебу, собирая по маршруту движения образцы почв, а также сведения о хлебных злаках, характере ведения земледелия и данные этнографического характера ³⁶. Несмотря на непродолжительность данного путешествия и практическое отсутствие в походных дневниках Щусева географического описания местности, а также специального оборудования для проведения маршрутных съемок, был получен ряд довольно ценных сведений об условиях жизни и быта, занятиях местного населения, климатических особенностях местности ³⁷. В докладе ИРГО об этой экспедиции Щусева в провинцию Эфиопии Шоа говорилось: «Вся Абиссиния представляет собой ряд плоскогорий, поднимающихся постепенно, идя от берега все выше и выше... Повсюду основой плодородных почв служат каменные пласты различных пород... Преобладающим типом почв в окрестностях Харрара является “латерит” — плодородная красная земля, в которую вкраплена масса мелких камешков» ³⁸. Чрезвычайно богатой представилась Щусеву и флора эфиопского нагорья, подробно описанная в докладе.

Заметно более ценным оказалось второе путешествие Щусева в 1898 г., имевшее своей целью достичь Голубого Нила. 21 марта 1898 г. путешественник вышел из Аддис-Абебы и двинулся на север, желая достигнуть истоков Голубого Нила. Переправившись через него, Щусев дошел до озера Гудер, а затем направился к озеру Тана, вдоль берега которого несколько дней продолжалось его путешествие. Дойдя, наконец, до Гондара и Аксума, являвшихся древнейшими городами Эфиопии, он через Адуа прибыл в Массауа — порт, ставший конечной точкой путешествия. Этот путь через северо-восточные области Эфиопии и итальянскую колонию Эритрею стал новым маршрутом для большинства русских путешественников.

Особую известность среди материалов экспедиций российских исследователей получили отчеты о первом и втором путешествиях в Абиссинию Булатовича «От Энтога до реки Баро» ³⁹ и доклад Географическому Обществу «Из Абиссинии через страну Каффа на озеро Рудольфа» ⁴⁰, а также путевой дневник второй экспедиции — «С войсками Менелика II. Дневник похода из Эфиопии к озеру Рудольфа» ⁴¹, представляющий собой детальное исследование малоизвестных областей Эфиопии (1899 г).

Отправившись в Эфиопию с отрядом РОКК в апреле 1896 г., Булатович с блеском выполнил возложенное на него поручение, пройдя

из Джибути в Харэр в качестве курьера и передав сведения о прибытии гуманитарной миссии в Эфиопию. Расстояние свыше 350 верст было преодолено за 3 суток и 18 часов. Ни один из европейцев до Булатовича не добивался столь внушительных результатов. По утверждению участвовавшего в экспедиции подпоручик Ф. Криндача, этот пробег произвел громадное впечатление, а сама «личность Булатовича стала легендарной»⁴².

Выполнив поручение Булатович решил не останавливаться на достигнутом, испросив соизволение через генерала Н.К. Шведова о возможности поездки к реке Баро в западные области Эфиопии. Однако о детальной подготовке научного исследования этих областей, как впоследствии отмечал сам русский путешественник в своих воспоминаниях, не могло быть и речи. «Неподготовленность моего путешествия и неимение соответствующих инструментов, — указывал Булатович, —... заставили меня отказаться от тех научных задач, которые я в противном случае мог бы себе поставить. Но добыть инструменты было невозможно: разрешение предпринять поездку я получил лишь в конце сентября... они в самом благоприятном случае могли бы прийти не ранее начала января, да и то с риском быть испорченными дорогой»⁴³.

«Западные области, куда я направился, были мною выбраны потому, что в этом направлении Эфиопия почти еще совершенно не исследована... путешествие представляло еще тот интерес, что, по имеющимся сведениям, западные провинции вместе с Харраром — самые богатые в Абиссинии... интересно было также посмотреть как управляют абиссинцы только что завоеванным краем»⁴⁴, — записал Булатович в своем дневнике, характеризуя цели экспедиции. Очевидно, что эти аргументы подействовали и на эфиопского императора Менелика II, разрешившего проведение подобного путешествия.

Первая экспедиция Булатовича по Эфиопии началось из Аддис-Абебы 29 октября 1896 года. Расположенные здесь бассейны верхних течений реки Собат и Голубого Нила оставались мало исследованными и неизвестными европейцам. Во время этого путешествия поручик Булатович исследовал области к западу от Аддис-Абебы, описав их сложное орографическое и гидрографическое положение⁴⁵. В своем труде⁴⁶ Булатович дал подробную характеристику гидрографической сети юго-западной части Абиссинского нагорья, указав, что западные области Южной Эфиопии принадлежат к бассейнам рек Гудара, Диддесы⁴⁷, Аваш, а также Баро⁴⁸, нанеся на карту реки и их притоки.

Однако как показали более поздние исследования самого Булатовича, он ошибочно определил, что верховья реки Гибье являются верховьем реки Собат, а река Баро соединяется с рекой Омо⁴⁹. Достаточно плодотворными оказались исследования Булатовичем горных цепей западноэфиопской возвышенности и, в частности, его верный вывод о том, что «вулканического происхождения все горы к востоку от р. Габы. К западу же от Габы и к северу от Бирбира они не имеют этого характера...»⁵⁰. Однако, не имея соответствующих инструментов для проведения маршрутной съемки и определения барометрических высот, Булатович был вынужден ограничиться лишь подобным описанием. Одним из результатов путешествия стало также

изучение страны, этнографические наблюдения, а также подробное описание природно-климатических условий этой части Абиссинии⁵¹.

В 1897 г. с организацией первой чрезвычайной дипломатической миссии в Эфиопию под руководством П.М. Власова, Булатович, находившийся в ее составе наряду с полковником Генерального штаба Л.К. Артамоновым, сотником лейб-гвардии атаманского полка П.Н. Красновым, поручиками Арнольди, Коховским, Давыдовым и Чертковым, а также несколькими врачами и фельдшерами, предпринял второе путешествие по стране. По прибытии в Аддис-Абебу он узнал о намерении императора Эфиопии Менелика II присоединить к своим владениям территории, прилегающие с севера к озеру Рудольфа. Чтобы опередить стремившиеся захватить эти земли европейские державы, туда был отправлен из только что завоеванной Каффы⁵² Вальде (Уольдло. — С.А.) Георгис со своими войсками. Менелик выразил желание, чтобы в экспедиции участвовал и Булатович, так как миссия имела не только политическое, но и научное значение.

«Передо мной, — вспоминал впоследствии Булатович о мотивах, побудивших его предпринять это путешествие, — стоял целый ряд неразрешенных наукой вопросов: куда течет главная река Южной Эфиопии Омо, впадает ли она в озеро Рудольфа или, огибая Каффу с юга, течет в Собат, а затем в Средиземное море? Если же Омо не есть верховье Собата, а впадает в озеро Рудольфа, то где находятся верховья Собата?»⁵³.

9 сентября 1897 г. Булатович оправился в экспедицию в составе отряда Вальде Георгиса в малоисследованные области юго-западной Эфиопии, впоследствии описав присоединение этих земель к эфиопской империи в своем дневнике⁵⁴. Научное значение исследования этих неизвестных европейцам областей определялось и тем обстоятельством, что территории к северу от озера Рудольфа были практически неизученными. Исключительно запутанным оставалось и представление об истоках реки Омо. Так, побывавший незадолго до этого в 1894—1895 гг. в этом районе американский путешественник Дональдсон Смит утверждал, что Омо является притоком Нила. Посетивший же эти земли в составе итальянской экспедиции В. Боттего, напротив, считал, что река Ньям-Ньям является устьем реки Омо. По-прежнему много вопросов, неразрешимых для науки, было связано с изучением находившегося на юге Эфиопии государства Каффа, в течение многих веков остававшегося *terra incognita* для большинства европейских исследователей. Эти вопросы и предстояло выяснить экспедиции Булатовича, избравшей конечной целью своего маршрута озеро Рудольфа.

Однако Булатович не был первым европейцем, появившимся в этих местах, а изучение Каффы имело свою весьма богатую предысторию, на которой следует остановиться подробнее. Первые сведения европейцев о Каффе, восходящие к XVIII в., принадлежат известному шотландскому путешественнику по Эфиопии Джеймсу Брюсу, который однако лично не был в Каффе, а использовал лишь доступные ему сведения, полученные от торговцев⁵⁵. В XIX в. исследование Каффы продолжил французский путешественник Антуан д' Аббади,

в 1843 г. отправившийся в Абиссинию. В течение 12 последующих лет он путешествовал по стране и даже преступил границы Каффы, но его пребывание в ней продолжалось всего 11 дней и не выходило за пределы пограничной области Бонги.

Гораздо более успешными по своим результатам оказались экспедиции французского исследователя Поля Солейе в 1882—1883 гг. и венгерского графа Сэмюэля Телекки. Член Общества торговых факторий Персидского залива и Восточной Африки П. Солейе благополучно добрался до Каффы и впоследствии, вернувшись на родину, оставил интересное описание своего путешествия, вышедшее отдельной книгой «Обок, Шоа, Каффа» в 1886 году ⁵⁶. Известен также его доклад, получивший отражение в бюллетене Нормандского географического общества. С. Телекки в январе 1887 г. отправился из Пангани с австрийским лейтенантом Людвигом фон Хенелем к Килиманджаро. Путешественники также побывали у южного подножия Меру и, обойдя Килиманджаро с востока и севера, двинулись к Кении. Затем маршрут их движения пролегал через Баринго и далее — на север, мимо вулканического массива Ньиру, пройдя который исследователи в марте 1888 г. вышли к лежащему на дне грабена озеру, названному ими озеро Рудольфа в честь австрийского наследного принца, эрцгерцога Рудольфа (Басо-Нарок. — С.А.). Однако задача посещения Каффы не ставилась участниками экспедиции ввиду ее крайней опасности. Итогом путешествия стало описание этой части Абиссинии, столь мало исследованной европейцами. Телеки в 1890 г. издал труд «Восточная Экваториальная Африка между Пангани и новооткрытым озером Рудольфа» ⁵⁷. Результаты трудов Л. Хенеля были опубликованы под общим названием «К озерам Рудольфа и Стефани» ⁵⁸.

Однако исследования Южной Эфиопии на этом не закончились, и в 1889 г. французский исследователь Жюль Борелли совершил экспедицию в бассейн р. Омо. Маршрут путешествия включал в себя посещение Джиммы, а также слияния р. Омо с Годжебом, в результате чего удалось проследить его течение до 6 гр. с.ш. Полученные материалы были представлены Ж. Борелли Парижскому географическому обществу в 1889 году. В 1890 г. он издал книгу «Южная Эфиопия» ⁵⁹. К числу наиболее успешных и плодотворных в научном отношении экспедиций также следует отнести экспедицию американского врача Артура Дональдсона Смита в 1894—1895 гг. к р. Омо. Его путешествие, начавшись от Берберы, шло в сторону Джубы, проходило через эфиопский грабен, на дне которого находилось озеро Чамо, впервые описанное им. Далее путь Смита пролегал к озерам Стефани и Рудольфа, открытых Телекки и Хенелем. Смит, считавший р. Омо системой Нила, отклонился от намеченного ранее маршрута, пройдя восточным берегом до озера Таны и выйдя к побережью Индийского океана. Результаты путешествия нашли отражение в его книге «Через неизвестные африканские страны» ⁶⁰.

Таким образом, экспедиция Булатовича проходила в условиях, когда значительная часть Южной Эфиопии была основательно изучена и лишь область Каффы оставалась практически неизвестной европейцам.

К концу марта 1897 г. ценой невероятных усилий и лишений отряду Вальде Георгиса, преодолевавшему сопротивление местных племен и тяжелые климатические условия, удалось, наконец, достичь озера Рудольфа и установить на его берегах знамя Эфиопии.

«Задача, которую я себе поставил, была выполнена, — писал впоследствии Булатович. — Удалось пройти через южные абиссинские области, удостовериться в действительности того, что река Омо впадает в озеро Рудольфа и найти образующий истоки р. Джубы и разделяющий бассейны Нила и Омо хребет. Последний до сих пор не значился на картах Африки, так как в этом направлении из Абиссинии к озеру Рудольфа еще никто не проходил, и я был первым»⁶¹.

Полученные сведения по орографии, свидетельствовавшие о том, что р. Омо берет начало на восточных склонах открытого Булатовичем хребта Гибье, стали главным результатом экспедиции. Кроме того, были точно установлены истоки р. Собат, образующейся от слияния рек Чому, Килу, Мена, Бако и других, и впервые дано картографическое местоположение этих рек с подробным описанием. Всего же в ходе экспедиции удалось провести подробную маршрутную съемку, установленную по 34 астрономически определенным пунктам, определено склонение магнитного меридиана, вычислены высоты 80 точек, определено 46 широт, сделано несколько фотографий, составлены подробнейшие описания жизни и быта малоизвестных племен и собрана этнографическая коллекция. К сожалению, коллекция собранных горных пород пропала, а составить зоологическую коллекцию Булатович «был лишен возможности», по собственному признанию⁶². По возвращении в Аддис-Абеббу он получил золотой щит и саблю из рук самого императора.

Не забыли о заслугах путешественника и на родине. Оценивая полученные Булатовичем в ходе путешествия научные результаты в своем отчете за 1901 г. Ю.М. Шокальский писал: «Весной 1901 г. появилось обстоятельное описание всего путешествия с тремя картами и многочисленными фотографиями. В этом труде автор дает очень интересную картину местности и ее жителей, основанную на данных, собранных им в течение его двух путешествий в Абиссинию... результатом этих путешествий явились не только географическое описание местности и этнографические коллекции, но и новая карта пройденных стран, составленная на основании съемок, проведенных самим путешественником. Комиссия по присуждению... полагала бы достойным Булатовича к награждению серебряной медалью П.П. Семёнова»⁶³. По представлению отделения географии математической и географии физической Булатовичу была присуждена малая серебряная медаль.

Результатами третьего и четвертого путешествий Булатовича стало изучение западных областей Эфиопии — Бени-Шангула, Фазогли и Дуля, однако их описание требует отдельной исследовательской статьи и поэтому здесь не рассматривается.

В феврале 1897 г. состоялась одна из наименее известных экспедиций в Абиссинию в составе действительного члена Общества Н.К. Дмитриева и русского художника С. Полякова, а также двух казаков в качестве сопровождения. Целью экспедиции являлось изучение флоры и фауны Эфиопии, а также написание картин на сюжеты из абис-

синской жизни. Путешествие проходило под покровительством Географического общества, предоставившего его участникам открытый лист до 1 января 1899 года. Однако материалы экспедиции так и не были опубликованы, до сих пор неизвестна и судьба дневников, которые вели ее участники. Сохранилось лишь несколько картин Полякова, находящихся ныне в музее Антропологии и этнографии, а также в Эрмитаже в Санкт-Петербурге ⁶⁴.

Практически одновременно со второй экспедицией Булатовича и экспедицией Дмитриева в Эфиопию отправился другой русский путешественник — полковник генерального штаба Л.К. Артамонов ⁶⁵, посетивший по приказу абиссинского негуса Менелика II территории по реке Белый Нил, в результате вошедшие в состав эфиопской империи. Эта экспедиция была предпринята эфиопским правительством в противовес колониальным устремлениям Англии и Франции, стремившихся захватить территории, прилегающие к Белому Нилу. Перед Артамоновым была поставлена непростая задача — произвести съемку района, располагавшегося к востоку от Белого Нила, остававшегося совершенно неисследованным европейцами в научном отношении.

Пред началом экспедиции в составе войск дэджазмачей Дэмесье и Тасама, двигавшихся к нижнему течению р. Собат с тем, чтобы достичь берегов Белого Нила, Артамонов писал в своем рапорте: «Предстоит сделать около 1000 верст от Аддис-Абебы по очень малоисследованной стране, а от Буре уже по неприятельской территории в условиях военного времени, где мне предстоит быть лишь беспристрастным наблюдателем, изучающим абиссинскую армию» ⁶⁶.

Артамонову было предписано нагнать отряд Тасама в местности Горе, и 3 марта 1898 г. он вышел из Аддис-Абебы в сопровождении урядника Василия Щедрова и казака Василия Архипова. В письменной инструкции, данной Власовым Артамонову, предписывалось соблюдать крайнюю осторожность и строго придерживаться возложенных на него задач, избегая возможных дипломатических осложнений с европейскими державами. Маршрут движения пролегал вдоль многочисленных притоков рек Аваш и Голубой Нил, а также через плато, высота которого достигала 2 тыс. метров. 9 апреля 1898 г. Артамонов и его спутники соединились с отрядом Тасама и продолжили путь по долине р. Собат к Белому Нилу. «Страна, по которой мы прошли, от Аддис-Абебы до Горе... главной резиденции даджазмача Тасама, представляет собой поднятое и сильно всхолмленное плато (в среднем до 2000 м над уровнем океана) прорванное глубокими долинами рек, принадлежащих бассейнам рек Аваша, Голубого Нила, Омо и Белого Нила, среднее превышение долин и бродов или мостов на реках над уровнем океана до 1200 метров» ⁶⁷, — свидетельствовал в своих походных дневниках русский путешественник. В пути он также вел подробные походные записи, производил барометрические наблюдения, составлял описание маршрута, географических и климатических особенностей местности.

«15 апреля, — писал Артамонов в своем отчете об участии в экспедиции, — я соединился с главным отрядом и направился к реке Джубба (левый приток Собата. — С.А.), перейдя эту полноводную и глубокую реку, самый большой приток р. Белого Нила». Однако да-

лее отряд Тасамы разделился, и лишь часть отборных воинов продолжила путь к р. Джубба, «а затем вдоль ее до впадения в реку Дуррэ, которая при устье называется Собатом»⁶⁸. 10 июня 1898 г., гораздо позже запланированного первоначально срока, отряд достиг Белого Нила, установив на нем абиссинский флаг и тем самым окончательно присоединив эту территорию к Эфиопии. Это событие имело также крайне важное международное значение, так как при участии Артамонова было проведено территориальное разграничение еще не занятых на тот момент земель между Францией и Эфиопией, четко определялись границы самой эфиопской империи.

Результатом этого путешествия стал собранный Артамоновым огромный фактический материал по этнографии, географии, флоре и фауне Эфиопии, определение целого ряда барометрических высот, а также проведенные гипсометрические и метеорологические наблюдения⁶⁹. Кроме того, особое значение имели наблюдения Артамонова за сменой температурных режимов, проводившиеся без перерыва с августа 1898 г. по февраль 1899 года. Был подробно описан и весь водный рельеф пути от зоны Красного моря до самого Белого Нила, проведено географическое описание нескольких наиболее малоисследованных районов.

Заслуги Артамонова в исследовании Восточной Африки были высоко оценены научной общественностью. За проведенные географические изыскания он был награжден малой золотой медалью им. Ф.П. Литке⁷⁰.

«Результаты посильных трудов полковника Артамонова на пользу географии выразились: исследованием свыше 10000 верст по малоизвестным странам и путям Африки, в бассейне реки Джубы он является первым европейцем-исследователем, причем на реке Собат и на развалинах крепости Наср его работы примыкают к исследованиям русского путешественника доктора Юнкера, бывшего у Насра в 1876 г.; выполнением около 5,5 тысяч верст маршрутных съемок, большею частью вошедших в карты или издаваемых отдельно; собранием разного рода научного материала и коллекции (до 1000 насекомых и 350 видов растений)»⁷¹, — говорилось в отзыве А.А. Болшева об экспедиции Артамонова.

«Таким образом, — указывал Болшев, — вместо трех месяцев он пробыл в весьма тяжелом путешествии по неизведанным и, большею частью, совершенно непосещенным странам... Африки — всего десять месяцев. За все это время велись дневники, маршрутные съемки, барометрические определения высот; собирались разного рода этнографические сведения; записывались слова и фразы языков даже неизвестных народов, собирались коллекции»⁷². Значение экспедиции в географическом отношении определялось и тем обстоятельством, что Артамонов и его спутники стали первыми европейцами в бассейне р. Джубы, составив его подробное описание в своих дневниках⁷³.

Исследования Эфиопии продолжились и в начале XX столетия. В январе 1904 г. под эгидой Географического общества в Эфиопию была направлена экспедиция русского инженера Н.Н. Курмакова с целью проведения изысканий золотоносности Нильского бассейна по просьбе эфиопского правительства. Ей удалось обнаружить на приграничных с Восточным Суданом территориях богатые месторождения золота и

платины, столь необходимые молодому эфиопскому государству. Экспедиция была организована Министерством иностранных дел совместно с Горным департаментом Министерства финансов и преследовала в качестве основных целей проведение не только геологических изысканий, но и наиболее подробных маршрутных съемок от Аддис-Абебы до провинции Уоллега. Экспедиция Курмакова, в состав которой также входили русские инженеры М. Лебедев и А. Мякий, побывала в бассейне р. Омо и верхнего течения Голубого Нила, составив описание этих земель в инженерном отношении. Эта командировка русских инженеров в Эфиопию, как указывал впоследствии сам Курмаков в своих воспоминаниях, «...открыла глаза абиссинскому правительству на те богатства, которые оно имело»⁷⁴. Другим результатом этой экспедиции стало изучение ландшафта и проведение маршрутных съемок от Энтото к стране Уоллега⁷⁵. Известие об успехе российской геологической экспедиции вызвало беспокойство и негодование европейских держав, желавших получить наиболее выгодные концессии на разработку золотоносных месторождений в стране.

Экспедиция Курмакова стала последним крупномасштабным предприятием по изучению Эфиопии русскими исследователями в рассматриваемый период, осуществлявшимся на средства ИРГО. Этому в немалой степени способствовало и изменение политических и торговых приоритетов российских правящих кругов, а также все возрастающее сопротивление российскому влиянию в стране со стороны ведущих европейских держав. На высказанное негусом Менеликом II пожелание о строительстве в акватории Красного моря русской угольной станции глава российской дипломатической миссии в Абиссинии П.М. Власов ответил, что с завершением строительства Транссибирской железной дороги «Россия перестанет нуждаться в услугах Суэцкого канала... насколько она нуждалась до того времени», а, следовательно, и приобретение Красноморского порта «...не будет иметь для нее никакого значения»⁷⁶.

Для России, не имевшей достаточных сил и средств к экономическому освоению Эфиопии и испытывавшей все возрастающую конкуренцию со стороны недружественных ей европейских держав, Эфиопия окончательно превратилась в «периферию политических интересов», отступив на задний план перед решением иных, более важных внешнеполитических задач (усиление российского влияния в Азии и на Балканах), стоявших перед российским самодержавием.

«Известия ИРГО» и другие периодические издания общества содержат крайне ценные в научном отношении сведения о том, как последовательно проводилось исследование Восточной Африки отечественными учеными. Благодаря сугубо научному подходу, энтузиазму и непредвзятости своих членов, а также стремлению со стороны Общества дать качественную оценку происходившим в этом регионе событиям, ИРГО сумело поставить исследования по Эфиопии в России на подлинно научную основу.

В целом же деятельность ИРГО по изучению Эфиопии в этот период носила не только сугубо научный характер, но и являлась отражением официальной государственной политики России в отношении африканских стран, своего рода формой государственного участия в освоении богатых ресурсами региона.

Примечания

1. ДОЛГАНЁВ Е.Е. Современная Абиссиния. Важнейшие монастыри. Сергиев Посад. 1897; ЕГО ЖЕ. Страна эфиопов. СПб. 1890.
2. БУЧИНСКИЙ В., БАХЛАНОВ С. Наши черные единоверцы, их страна, государственный строй и входящие в состав государства племена. СПб. 1900.
3. БРОВЦЫН Н.Г. Материалы для антропологии Эфиопии. Абиссинцы провинции Шоа. СПб. 1909.
4. ТУРАЕВ Б.А. Абиссинские хроники XIV—XVI вв. М.-Л. 1936; ЕГО ЖЕ. Свитки оправдания. Записки ИРГО по отд. Этнографии. Т. XXXIV. СПб. 1909, с. 359—378; ЕГО ЖЕ. «Богатство царей»: Трактат о династическом перевороте в Абиссинии в XIII в. Записки Восточного отделения императорского Российского археологического общества. Т. XIII. СПб. 1901; ЕГО ЖЕ. Исследования в области агиологических источников истории Эфиопии. СПб. 1902.
5. БОЛОТОВ В.В. Несколько страниц из церковной истории Эфиопии. — Христианское чтение. 1888, № 1—2; 7—8.
6. Географические Известия за 1850 год.
7. Вестник ИРГО, ч. 2 за 1851 год.
8. Там же, 1852 год.
9. Записки ИРГО, кн. 3, 1862 год.
10. Там же, кн. 4, 1863 год.
11. Известия РГО за 1867 г., т. III.
12. Известия РГО за 1873 г., т. IX; за 1874 г., т. X.
13. Метеорологический вестник. СПб. 1896, № 5, 9.
14. Нива. 1889, № 6.
15. См. подробнее: ХРЕНКОВ А.В. Русские в Африке: ашиновская авантюра. — Вестник российского гуманитарного научного фонда. М. 1996, № 4, с. 37—50; Эта экспедиция делает нам стыд и позор. Африканская авантюра вольных казаков. Источник: Документы русской истории. М. 1999, № 5, с. 37—47.
16. Энтото — официальная резиденция эфиопских негусов.
17. Газета «Новое время» из номера в номер печатала корреспонденции В.Ф. Машкова из Эфиопии (1891—1892 и 1893 гг., № 6069, 6076, 6095, 6102, 6131).
18. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ), ф. 151. Политархив, оп. 482, д. 2003, л. 30.
19. Известия ИРГО. Т. 27. СПб. 1891, вып. 6, с. 562.
20. Обок — французское владение на побережье Красного моря, приобретенное французским консулом в Адене в 1862 г. у племени данакилей. Крупнейший административный центр Французского Сомали.
21. Французское Сомали — территории, находившиеся с 1884—1888 гг. под протекторатом Франции. В состав Французского Сомали вошли: Обок, Таджура, Дулжун, Сагалло, Джибути.
22. АВП РИ, ф. 152. Политархив, оп. 482, д. 2008, л. 157.
23. Там же, л. 26.
24. МАШКОВ В.Ф. Абиссиния. Историко-географический очерк. СПб. 1889, с. 8—10.
25. Там же, с. 4.
26. Новое время. 1893 год.
27. АВП РИ, ф. 151. Политархив, оп. 482, д. 1998, л. 13.
28. Там же, л. 17—18.
29. Отчет ИРГО за 1894 г., с. 31.
30. ЕЛЕЦ Ю.Л. Император Менелик и война его с Италией. СПб. 1898, с. 24.
31. АВП РИ, ф. 151. Политархив, оп. 482, д. 2013, л. 1.
32. Там же, л. 5.
33. В мае 1895 г. А.В. Елисеев прибыл в Петербург, где им был сделан краткий доклад на заседании ИРГО 10 мая 1895 года. Через несколько дней Елисеев скончался от последствий перенесенной лихорадки.
34. СЕМЁНОВ ТЯН-ШАНСКИЙ П.П. История полувековой деятельности Императорского Русского Географического Общества (1845—1895 гг.). Т. 3. СПб. 1896, с. 1197.
35. За эти заслуги Н.С. Леонтьев удостоился звания деджамача (правитель провинции) эфиопской империи. Подробнее см.: ХРЕНКОВ А.В. Африканское генерал-губернаторство поручика Н.С. Леонтьева. — Азия и Африка сегодня. 2001, № 4, с. 35—44.

36. Экспедиция П.В. Шусева имела своей основной целью достичь озера Тана и истоков Голубого Нила, а затем через территорию итальянской колонии Эритреи выйти к Красному морю и составить описание маршрута. Результатом экспедиции стало получение точных сведений о высотах в бассейне верхнего течения Голубого Нила, особенностей почв, земледелия и растительности.
37. Известия ИРГО. Т. XXXIII. СПб. 1897.
38. Там же, с. 450.
39. БУЛАТОВИЧ А.К. От Энтото до реки Баро. Отчет о путешествии в юго-западные области эфиопской империи. СПб. 1897.
40. Известия ИРГО. Т. XXV. СПб. 1899.
41. БУЛАТОВИЧ А.К. С войсками Менелика II. Дневник похода из Эфиопии к озеру Рудольфа. СПб. 1900.
42. КРИНДАЧ Ф.Е. Русский кавалерист в Абиссинии. Из Джибути в Харар. СПб. 1898, с. 103.
43. БУЛАТОВИЧ А.К. С войсками Менелика II. От Энтото до реки Баро, с. 32.
44. Там же.
45. ЗАБРОДСКАЯ М.П. Русские путешественники по Африке. М. 1955, с. 61.
46. БУЛАТОВИЧ А.К. От Энтото до реки Баро. Отчет о путешествии в юго-западные области эфиопской империи. СПб. 1897.
47. Один из притоков Голубого Нила.
48. Приток р. Собат.
49. Впоследствии в результате второго путешествия было установлено, что р. Омо не является верховьем Собата, а впадает в озеро Рудольфа.
50. БУЛАТОВИЧ А.К. С войсками Менелика II, с. 57.
51. ВАЛЬСКАЯ Б.А. Вклад Русского географического общества в изучение Африки. В кн.: Страны и народы Востока. М. 1969, с. 5—18; РАЙТ М.В. Русские экспедиции в Эфиопию в середине XIX—XX вв. и их этнографические материалы. — Африканский этнографический сборник. М. 1956, с. 220—281.
52. Каффа — государство на юго-западе Эфиопии, существовавшее в XIII — конце XIX века.
53. БУЛАТОВИЧ А.К. С войсками Менелика II. Дневник похода из Эфиопии к озеру Рудольфа. СПб. 1900, с. 7.
54. Там же, с. 7.
55. BRUCE J. Travels to discover the Source of the Nile in the years 1768—1773. Vol. 1—5. Edinburgh. 1790.
56. SOLLIEILLET P. Obock, Le Choa, Le Kaffa. P. 1886.
57. HONNEL L. von. Ostaquatorial Africa zwischen Pangani und dem unbedeckten Rudolf-See. Petermans. Geogr. Mitteilungen. Erg.-Heft. Gotha. 1890.
58. EJUSD. Zum Rudolf-und Stephanie-See. Wien. 1892.
59. BORELLI J. Ethiopie meridionale: journal de mon voyage aux pays Amhara, Oromo, et Sidama. September 1885 à November 1888. Jules Borelli. Ethiopie Meridionale. — Librairies-Imprimeries Reunies. 1890.
60. SMITH A.D. Through unknown African countries. L.-N.Y. 1897.
61. БУЛАТОВИЧ А.К. Из Абиссинии через страну Каффа на озеро Рудольфа — Известия ИРГО. Т. XXV. СПб. 1899, с. 282.
62. Там же, с. 283.
63. Отчет ИРГО за 1901 год. СПб. 1901, с. 35.
64. ВАЛЬСКАЯ Б.А. Ук. соч., с. 14.
65. АРТАМОНОВ Л.К. Через Эфиопию к берегам Белого Нила. М. 1979.
66. Там же, с. 15.
67. Цит. по: АРТАМОНОВ Л.К. Ук. соч. Вступительная статья И.С. Кацнельсона, с. 15.
68. Отчет ИРГО за 1898 год. СПб. 1899, с. 25—26.
69. ЗАБРОДСКАЯ М.П. Ук. соч., с. 68.
70. Отчет ИРГО за 1899 год; Отзыв Болшева А.А. об экспедиции Л.К. Артамонова за 1901 год.
71. Там же, с. 9.
72. Там же, с. 8.
73. Через Эфиопию к берегам Белого Нила. М. 1979.
74. КУРМАКОВ Н. От Индийского океана к границам верхнего Судана. СПб. 1905, с. 29.
75. ЗАБРОДСКАЯ М.П. Ук. соч., с. 70.
76. АВПРИ, ф. 151. Политархив, д. 2008, л. 132.

Рабочие выступления весны-лета 1914 г. в контексте теории революционной ситуации

В.Б. Аксёнов

На протяжении всей истории изучения революционного движения в историографии сохраняет свою актуальность вопрос об измерении степени недовольства низов. В отечественной исторической науке подобные исследования проходили в рамках марксистской теории, предполагавшей гегемонию пролетариата в деле революционной борьбы. С подъема рабочего забастовочного движения 1912 г. социал-демократы начали пристально следить за динамикой протестной активности, пытаясь делать прогнозы относительно вероятности очередной революции. В начале 1913 г. В.И. Ленин, анализируя стачечную борьбу предшествовавшего года, писал о «массовой революционной стачке», констатируя начало новой стадии революционной борьбы, а в статье «Маевка революционного пролетариата» назвал митинги и шествия 1 мая 1913 г. «открытой демонстрацией революционных стремлений»¹. Именно в этой работе Ленин впервые подошел к определению подхваченной впоследствии в историографии концепции «революционной ситуации», употребляя поначалу другие термины — «непосредственный революционный кризис» и «революционное состояние». Главным признаком революционной ситуации он назвал рост революционного стачечного движения пролетариата, «раскачивающего» крестьянство и армию. В 1915 г. в работе «Крах II Интернационала» появилось классическое определение революционной ситуации, выраженной тремя объективными признаками (кризис верхов; обострение выше обычного нужды и бедствий угнетенного класса; значительное повышение активности масс) и одним субъективным (способность революционного класса к массовым революционным действиям)². Совокупность всех четырех признаков, по мысли Ленина, должна была приводить к революции.

Вместе с тем, данные признаки носят слишком общий характер для того, чтобы считать их критериями определения революционной ситуации. Например, при более глубоком изучении темы возникает вопрос о роли буржуазии в период революционного кризиса, насколько оправданно ее отнесение в модели революционной ситуации к «верхам». Данная проблема была поднята в дискуссии вокруг теории «двух заговоров» — царизма (недопущение революции посредством выхода из войны путем заключения сепаратного мира) и буржуазии (осуществление дворцового переворота как спасение от революции) — позволявшей противопоставлять их интересы интересам народных масс. Вместе с тем, в ряде работ отмечалось, что подобная схема упрощает проблему, не учитывая политическую неоднородность как буржуазных, так и великокняжеских кругов³. Если Б. Граве рассматривала убийство Распутина в декабре 1916 г. как первый акт готовившегося дворцового переворота, то в ряде работ более позднего периода оно преподносилось в качестве попытки спасения, прежде

Аксёнов Владислав Бэнович — кандидат исторических наук, доцент МГТУ МИРЭА.

всего, самой царской семьи, а также отмечалась неспособность буржуазии взять власть в свои руки⁴. Критикуя отождествление буржуазии с царизмом, А.Я. Аврех отмечал, что Ленин под «верхами» имел в виду класс господствующий политически, в то время как до февраля 1917 г. у российской буржуазии подобного статуса не было, на основании чего историк предлагал разделять понятие «верхи» в узком (непосредственно правящий слой) и широком (правящий класс) смыслах и, говоря о складывавшейся революционной ситуации, предпочитал не относиться к верхам буржуазию накануне второй российской революции⁵.

Не меньшие трудности возникают при определении «низов» — например, с классовой принадлежностью «рабочей аристократии», представители которой явно не выказывали сочувствия революционным лозунгам, вследствие чего были названы Лениным «агентами буржуазии». Также не могут являться верифицируемыми критериями количественные показатели ленинского определения революционной ситуации в виде фраз «выше обычного» или «значительное повышение». Историческая наука не знает метрологического выражения того предела, после пересечения которого социальный протест выливается в революционные формы, кроме того, очевидно, что понятие нормы — относительно и изменчиво во времени.

Более-менее определяющим признаком ленинской теории революционной ситуации оказывается третий объективный критерий — повышение активности масс — который может быть измерен с помощью данных о численности рабочих забастовок и соотношении экономических и политических стачек. Вместе с тем, Ленин, отталкиваясь от имевшихся в его распоряжении данных о семнадцатикратном росте протестной активности рабочих в 1912 г. по сравнению с 1910 г., а также превосходящем количестве политических забастовок над экономическими, в резолюции Краковского совещания ЦК РСДРП, проходившего с 26 декабря 1912 г. по 1 января 1913 г., преждевременно констатировал начало революции в России: «Россия снова вступила в полосу открытой революционной борьбы масс. Новая революция, начало которой мы переживаем, является неизбежным результатом банкротства третьеиюньской политики царизма»⁶. Вероятно, именно эта фраза, в которой Ленин выдал желаемое за действительное, заставила его в будущем делать более осторожные прогнозы. Так, в 1915 г., признавая складывание революционной ситуации в 1914—1915 гг., Ленин задавался вопросом: «Долго ли продержится и насколько еще обострится эта ситуация? Приведет ли она к революции? Этого мы не знаем, и никто не может знать этого. Это покажет только опыт развития революционных настроений и перехода к революционным действиям передового класса, пролетариата»⁷. В дальнейшем неутешительные оценки сроков начала революции в России только усиливались. Так, в январе 1917 г., когда в Петрограде уже разгоралась волна забастовок, приведшая в итоге к февральской революции, Ленин, выступая в Цюрихе перед представителями социалистической молодежи в очередную годовщину «кровавого воскресенья», позволил себе пессимистический прогноз: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции. Но я могу, думаю, сказать с большой уверенностью надежду, что молодежь, которая работает так прекрасно в социалистическом движении Швейцарии и всего мира, что она будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции»⁸.

Помимо ошибочного констатирования начала революции в России в 1913 г. Ленин допускал противоречия и в оценках развития революционного движения в Европе. Так, в июне 1915 г. он заявлял о том, что «революционная ситуация в большинстве передовых стран и великих держав Европы — налицо», а в июле 1916 г., отмечая распространение шовинизма в рабочем движении Европы, писал, что «кризис империализма был далек еще от высшей точки своего развития»⁹.

Вместе с тем, если ленинская оценка роста рабочего движения 1912 г. как начинавшейся революции была явным преувеличением, то события весны-лета 1914 г. более соответствовали подобным выводам. Пристально следя за количественными показателями рабочего протеста, Ленин не мог не заметить его колоссального роста. Согласно статистическим отчетам Петроградского общества заводчиков и фабрикантов, в то время, как в столице за весь 1913 г. произошло 624 забастовки, причем из них политическими было 59%, только за июнь-июль 1914 г. в Петербурге было зафиксировано 337 забастовок и уже 81% из них относился к политическим¹⁰. Конечно, метод классификации стачек на экономические и политические вызывает определенный скепсис, так

как достаточно было на экономической забастовке определенной группе лиц выдвинуть одно политическое требование, как она тут же приобретала политический характер, однако сам факт резкого учащения рабочих акций протеста в июльские дни заставляет обратить на него внимание. За весь 1913 г. количество потерянных рабочих дней составляло 3 868 257, в то время как в 1914 г. (фактически за первые полгода, так как число забастовок после начала войны резко сократилось) — 5 755 072. Примечательно, что количество потерянных рабочих дней за революционный 1917 г. было «всего» 3 822 656 ¹¹. В итоге Ленин, одновременно с проходившими рабочими забастовками приступивший к работе над так и не опубликованной статьей «Революция и война», согласно сохранившемуся плану, начал ее с параллели между июльскими 1914 г. и январскими 1905 г. событиями. В 1915 г. Ленин написал статью «Социализм и война», но от прогнозов, по понятным причинам, воздержался ¹².

Одним из препятствий на пути возможного перерастания рабочих забастовок в открытое вооруженное революционное восстание стало объявление 19 июля Германией войны России. Еще современники событий, констатируя в начале июля наличие революционной ситуации, были разочарованы сменой вектора манифестаций в связи с началом мировой войны и в частной корреспонденции высказывали предположения о том, что Николай II специально развязал войну с Германией, чтобы подавить в стране революцию: «Русскому царю надо было подавить приближающуюся вторую революцию и нашлись интеллигенты, которые объединяются с царем против родного народа, опьяняя себя словами: славянство, родина...» ¹³. В результате в историографии появилась концепция «отложенной революции», которую одним из первых сформулировал М.Г. Флеер в 1926 г.: «Как и в 1905 г., июльское 1914 года движение носило очень бурный характер, сопровождалось вооруженными столкновениями рабочих с полицией, баррикадами, и непосредственный переход забастовок к вооруженному восстанию был естественен и неизбежен. Движение достигло наивысшего напряжения, удар, занесенный над самодержавием, должен был привести к решительному концу. 19 июля 1914 года была объявлена всеобщая мобилизация, и удар этот был отсрочен, потому что та сила, которая должна была нанести его, не могла ни расплыться, ни исчезнуть» ¹⁴. Вместе с тем, очевидно, что о «наивысшем напряжении» в июле 1914 г. можно говорить лишь относительно предшествующего времени, вопрос же о том, как долго оно могло нарастать в дальнейшем и когда могло бы вылиться в открытую социальную революцию, остается открытым, ввиду начавшейся мировой войны.

Кроме того, Флеер ошибся, когда главную роль в отступлении революции отвел объявлению войны. В действительности резкий спад забастовочного движения произошел за неделю до начала войны и за пять дней до мобилизации — 12 июля фабриканты отказались от локаута, и большинство рабочих вернулось в свои цеха. Вероятность массовых расчетов, наподобие локаута 20 марта 1914 г., когда за один день было уволено более 70 тыс. бастовавших рабочих, пугала представителей пролетариата. Фактически не начало войны положило конец июльскому рабочему движению, оно само продемонстрировало низкую степень политической, антисамодержавной направленности, пойдя на компромисс с буржуазией. Кроме того, события июля-августа 1917 г. выявили недостаточную, с точки зрения марксистско-ленинской теории, классовую сознательность рабочих, проникнувшихся патриотической идеологией и принявших участие в проправительственных манифестациях средних городских слоев в связи с началом войны.

Таким образом, в теории революционной ситуации выявляется противоречие, когда она сталкивается с конкретно-фактическим материалом: подъем забастовочного движения в мае-июле 1914 г. выше уровня января 1905 г. и, по отдельным показателям, выше января-февраля 1917 г., не приводит к революции и, согласно логике ленинской теории, свидетельствует о недостаточной степени революционизации рабочего класса. Тем самым единственные верифицируемые количественные показатели в теории революционной ситуации растворяются в субъективных оценках «способности революционного класса на революционные массовые действия» и вызывают новые вопросы, в частности, каким образом пролетариат, проявивший революционную способность в 1905 г., получивший необходимый практический опыт, утратил все это в 1914 году.

Попытка некоторого завуалирования противоречий ленинской теории была предпринята в 1960-х гг. А.Я. Аврехом, писавшим о двух типах революционной ситуации — общей и непосредственной ¹⁵. Аврех признавал, что сам Ленин об общей и непосредственно-революционной ситуации не упоминал, однако

предпринял попытку отождествления употребленного им в статье «Крах II интернационала» термина «объективная революционная ситуация» с понятием «общая революционная ситуация», чем допустил определенную натяжку, так как, если общая ситуация противопоставляется частной, то есть непосредственной, то объективную ситуацию следует противопоставлять субъективной. В то же время Ленин употреблял понятие не «субъективная революционная ситуация», а «субъективный признак революционной ситуации», тем самым Аврех предпринял отождествление частного признака явления с самим явлением, что представляется неверным. Кроме того, данная концепция, смещающая акценты с частных признаков на общую характеристику, по-прежнему не решает отмеченные проблемы верификации.

Вместе с тем, примечательно то, что Аврех не являлся автором гипотезы о двух типах революционной ситуации. Историк ссылаясь на тезисы XIV партконференции РКП (б), прошедшей в апреле 1925 г., по понятным причинам не называя фамилии докладчика, разработавшего данную концепцию, — Г.Е. Зиновьева — до реабилитации которого в момент выхода статьи Авреха оставалось еще 22 года. «Я думаю, что надо различать три вещи, — говорил Зиновьев на партконференции. — 1) революционную ситуацию вообще, 2) непосредственно-революционную ситуацию и 3) прямую революцию». Однако Зиновьев разработал и озвучил данную концепцию, исходя из прагматичных задач партии и возглавляемого им Коминтерна: необходимо было примирить тезис о социально-экономической стабилизации середины 1920-х гг. в Европе и СССР с курсом на мировую революцию и выработать соответствующую стратегию. Так, Зиновьев заявлял: «Надо признать, что в такой стране, как Германия, которая в 1923 г. стояла в центре событий, непосредственно-революционной ситуации нет, но общая революционная ситуация, общая, как и во всей Европе, несомненно, осталась; она обостряется в мировом масштабе медленно, но неуклонно — через Восток, через колониальный вопрос, через Юго-Восток. Это нужно учитывать и не терять революционной перспективы»¹⁶.

Применительно к рассматриваемому нами периоду, следует отметить, что на основании выступления Зиновьева партконференция постановила время с 1908 по 1915 г. включительно считать общей революционной ситуацией, а 1916 г. — непосредственной. Открытое выступление Зиновьева против Сталина на XIV съезде ВКП (б) и последующий разгром «ленинградской оппозиции» предопределил дальнейшую судьбу как самого автора, так и его концепции, изъятой из официальной истории (что, в частности, видно по отредактированному самим Сталиным «Краткому курсу Истории ВКП (б)»), пока она не была реанимирована Аврехом в 1960-е годы. Вместе с тем, слабость концепции двух революционных ситуаций состоит в том, что, по сути, любой период, в котором обнаруживается хоть какая-нибудь степень недовольства низов, можно подогнать под определение общей революционной ситуации. Повторяя вслед за Зиновьевым тезис о том, что общая революционная ситуация способна сохраняться даже в период реакции, Аврех заявлял, что все начало XX в. в России вплоть до 1916 г. являлось одной сплошной общей революционной ситуацией (исключая лишь период 1905—1907 гг. — период «прямой революции»), что представляется упрощением проблемы и попыткой уклонения от разрешения внутренних противоречий ленинской теории¹⁷.

Неопределенность употреблявшихся Лениным терминов спровоцировала возникновение дискуссии по вопросу соотношения таких понятий, как «революционная ситуация» и «общенациональный кризис», что в итоге привело к отказу от рассмотрения июльских событий 1914 г. в качестве революционной ситуации в пользу 1915 и даже конца 1916 года¹⁸, а протест лета 1914 г. стал называться всего лишь «грандиозной забастовкой»¹⁹. В 1998 г. С.В. Тютюкин высказался более определенно: «Было бы преувеличением считать, что в канун войны, летом 1914 г., Россия вновь стояла на пороге революции»²⁰. По большому счету, этот вывод лишь констатировал неспособность решения данного вопроса в рамках господствовавшей теории.

Учитывая отмеченную выше низкую степень антимонархических настроений рабочих, не позволившую перевести стачечную борьбу в русло революции и приведшую рабочих к заключению договора с фабрикантами 12 июля, не удивительно, что начало войны ознаменовалось новой трансформацией массового сознания пролетариата — проникновением в него патриотических настроений. На первом этапе становления историографии рабочего вопроса авторы не спешили признавать успех патриотической пропаганды среди пролетариата. В

статье «Социализм и война» Ленин писал, что «единственным классом в России, которому не удалось привить заразы шовинизма, является пролетариат», делая оговорку, что исключением была лишь незначительная часть «самых темных слоев рабочих»²¹. Развивая ленинский тезис, М.Г. Флеер пытался доказать, ссылаясь на воспоминания А.Г. Шляпникова, антивоенный настрой большинства рабочих в июльские дни²².

В это же время Б. Граве отрицала патриотические настроения пролетариата в период мобилизации, отмечала попытки организации антивоенных митингов в Петербурге и Москве, однако, в отличие от Флеера, она не считала, что война сорвала революцию. Обращая внимание на тот факт, что массовые рабочие забастовки закончились за несколько дней до начала мобилизации, Граве объясняла это сознательной тактикой большевиков, считая, что Петербургский комитет РСДРП (б) целенаправленно ликвидировал стачку, понимая, что момент для вооруженного восстания еще не наступил («слишком мало сплочены рабочие массы, слишком слаба организационно партийная организация, вооружения нет»²³). Тем самым Граве выводила пролетариат из-под обвинения в патриотизме, объясняя прекращение забастовочного движения не стихийным распространением «шовинистической заразы», а сознательным ходом партии. Тем не менее, Граве, повторяя слова Ленина о руководящей роли большевиков, явно переоценила степень их идейно-тактической консолидации: фактический материал не позволяет считать тезис о неподготовленности к вооруженному восстанию распространенным в их среде, так как в действительности даже 22 июля в Петербурге появлялись большевистские прокламации, призывавшие рабочих к вооруженному восстанию и свержению Николая II²⁴. Таким образом, едва ли можно согласиться с мнением о тактическом характере прекращения рабочих забастовок 12 июля.

Одновременно с отрицанием патриотических чувств в рабочей среде Флеером и Граве звучали признания обратного. И. Меницкий характеризовал настроения московских рабочих на начальном этапе войны следующим образом: «Монархистам совместно с кадетами удалось на первых порах отравить ядом шовинизма значительную часть рабочего класса, не говоря уже о мелкобуржуазном мешанине, которое с восторгом встречало всякую ура-патриотическую манифестацию, состоящую из шпиков, проституток и воров»²⁵. Эта концепция сохранялась и в 1970-х гг., в частности, в работах И.П. Лейберова, считавшего, вслед за Меницким, что «шовинистический угар ослабил революционную энергию пролетариата»²⁶. Однако, если в 1920-е гг. преобладала теория «молчания рабочего класса как антивоенного протеста», и историки по крупницам собирали информацию об антивоенных митингах рабочих в первые месяцы войны, пытаясь доказать сохранение классовой сознательности²⁷, то впоследствии Ю.И. Кирьянов писал о сильно преувеличенной в историографии роли антивоенных стачек, а беспорядки в период мобилизации охарактеризовал как стихийные пьяные бунты²⁸. При этом Тютюкин отмечал, что летом-осенью 1914 г. «отношение пролетариата и различных социалистических течений к войне еще только выкристаллизовывается из хаоса противоречивых мнений», оправдывая рабочих, поддавшихся патриотической пропаганде, тем, что и среди большевиков имели место колебания и споры. Историографические парадоксы вынесения оценок июльским демонстрациям по шкале «антивоенные-патриотические» хорошо видны на следующем примере. Так, если Тютюкин в 1972 г. писал, что в июле 1914 г. под руководством большевиков «забастовки и демонстрации протеста против войны прошли в Петербурге, Риге, Москве, Твери, Киеве, Самаре и некоторых других городах», то Кирьянов в 1998 г. пересмотрел эту позицию: «С момента объявления первой мобилизации 16—17 июля и до конца 1914 г. в России не было ни одной антивоенной стачки», упоминая лишь о попытках организации трех антивоенных демонстраций в Петербурге 19 июля²⁹. Хотя Тютюкин также согласен с преувеличением антивоенных настроений рабочих в советской историографии, он, вместе с тем, остается верен теории «молчаливого протеста», противопоставляя настроения в рабочей среде настроениям представителей прочих социальных групп: «Угрюмое молчание народа красноречиво контрастировало с патриотической эйфорией, охватившей господствующие классы, часть интеллигенции, студенчества, городского мешанина, казачества»³⁰.

Одно из противоречий советской модели рабочего протеста лета 1914 г. в историографии обнаруживается в том, что, несмотря на явно исключительный характер событий, сопоставимый с 1905 г., ему так и не нашлось должного

определения в исторической науке, во многом по причине узкой трактовки революционной ситуации в марксистско-ленинской теории и повышенной требовательности к классовой сознательности пролетариата. Сам Ленин был склонен к преувеличению политической грамотности и интуиции рабочих. Показателен случай, когда большевики, планируя организовать 4 апреля демонстрацию в знак протеста против локаута 20 марта 1914 г. и в память о Ленском расстреле, но не решаясь в «Пути Правды» прибегнуть к прямому призыву рабочих выйти на улицы, решили использовать туманный намек, сославшись на решение марксистов от февраля 1913 г.: «Сознательные рабочие очень хорошо знают и некоторые конкретные формы повышения (рабочего движения. — В.А.), исторически неоднократно испытанные и “непонятные”, “чуждые” только ликвидаторам»³¹. По мысли Ленина, эта фраза, даже не содержащая скрытого призыва в форме повелительного наклонения, а всего лишь констатирующая некое знание, должна была воскресить в памяти рабочих опубликованную более года назад нелегальную резолюцию, в которой писалось о формах революционной борьбы и, на основании этого, вывести рабочих на улицы города. «Русская полиция и прокуроры не поняли намека. Но сознательные рабочие поняли его», — писал Ленин в июне 1914 года. Демонстрация, действительно, состоялась, но более значимую роль в деле агитации рабочих сыграла не опубликованная заметка с сильно завуалированным намеком, а распространенные Санкт-Петербургским комитетом РСДРП (б) в рабочей среде листовки, содержащие открытый призыв к выходу на демонстрацию. Тогда же Ленин поспешил провозгласить победу большевиков в борьбе за умы пролетариев: «Рабочая масса встала на сторону партии (большевиков. — В.А.) и отвергла ликвидаторство»³².

Вместе с тем, сам тезис о высокой степени политизированности рабочего движения неоднозначен. Кирьянов указывает на известные методологические сложности разграничения экономических и политических стачек, отмечает искусственную политизацию рабочего стачечного движения в советской историографии, «подтягивание» экономических забастовок до уровня политических, игнорирование стихийных погромов как формы борьбы и, кроме того, наличие стачек, не поддающихся однозначному определению в качестве экономических или политических (например, направленных против конкретных представителей администрации)³³. Все это заставляет критически воспринимать известную статистику рабочего движения, тем более, что зачастую именно стихийно вспыхнувшие акции протеста приводили к наиболее ожесточенным столкновениям с властями.

Говоря о массовости демонстрации 4 апреля 1914 г. в Петербурге, необходимо учитывать также и тот факт, что из-за аварии в ночь с 3 на 4 апреля на электростанции в Петербурге остановилась почти половина трамваев, вследствие чего городским обывателям пришлось добираться до работы самостоятельно, вынужденно пополняя численность вышедших на улицу манифестантов. Также стоит отметить зависимость проведения городских демонстраций от погодных факторов. После протестных акций 4 апреля на повестку встало проведение первомайской общегородской демонстрации на Невском проспекте и ряда районных демонстраций на окраинах, но если 1 мая на фабриках и заводах рабочие смогли отметить праздник, то городские манифестации провалились из-за дождя, шедшего с ночи до полудня. Незначительная часть «сознательных рабочих» вечером все же выбралась в город, где у них произошло столкновение с полицией, в котором сложно обнаружить революционный мотив. Около 7 час. вечера на углу Большого Сампсониевского проспекта под трамвай попала пятилетняя дочь столяра. Хотя девочка осталась жива, прибывшим чинам полиции не удалось самостоятельно извлечь ее из-под трамвая, в результате чего было принято решение дожидаться техпомощи с домкратами. Тем временем, на проспекте собралась толпа, в которой было много пьяных рабочих по случаю празднования 1 мая, которые в произошедшем обвинили полицию и принялись забрасывать ее камнями. Когда прибыл поезд с домкратом, рабочие забросали и его, ранив машиниста. Для прекращения беспорядков были вызваны отряды конной полиции, которые разогнали рабочих. 10 человек были арестованы³⁴.

Тем не менее, относительно протестной активности начала июля 1914 г. есть ряд источников, позволяющих рассматривать ее в качестве объективного проявления социально-политического кризиса. Важно иметь в виду настроения за пределами пролетарской среды, ведь июльские беспорядки сказались на повседневной жизни городских обывателей. В Петербурге возводились баррикады, опрокидывались телеграфные столбы, переворачивались телеги и трам-

важные вагоны, опутывая их проволокой, рабочие вступали в вооруженное противостояние с полицией и казаками. 7 июля баррикады из восьми опрокинутых вагонов конки возникли на Безбородкинском проспекте, а шестиэтажный дом по соседству превратился в своеобразную крепость, из которой протестующие вели прицельный обстрел полиции, срывая всяческие попытки штурма здания. Восьмого числа в городе частично прекратилось трамвайное движение, пошли массовые погромы магазинов, ресторанов, не прекращавшиеся даже по ночам³⁵. Петербуржец так описывал происходившее в письме от 10 июля 1914 г. своему московскому адресату: «Уведомляю тебя, что у нас на заводе началась забастовка. Сейчас у нас в Петербурге идет забастовка против расстрела Путиловских рабочих, трамвайное движение остановлено ввиду того, что рабочие разбили много вагонов, да и служащие боятся ехать, что теперь делается у нас в Петербурге близко к тому, что у вас было в Москве в 1905 году. Местами строятся баррикады, и идет перестрелка с полицией и казаками. Есть убитые. Одно горе мало оружия. На Выборгской стороне рабочие нападают на полицию и избивают их ихним оружием. Одного околоточного его же шашкой изрубили, что будет дальше не знаем»³⁶.

При этом Москва не сильно отставала от северной столицы: из-за начавшихся демонстраций в городе также почти прекратилось трамвайное движение, статистические данные которого могут являться косвенным свидетельством динамики социального протеста — резкий спад обычного уровня пассажирских перевозок, не вызванный техническими проблемами, обратно пропорционален численности пешеходов, сознательно или нет влияющих на протестную уличную активность. За 8 и 9 июля в Москве трамвайный пассажиропоток, в обычные июльские дни составлявший около 800 тыс. чел. в день, в сумме сократился до 487 047 пассажиров за два дня, то есть снизился более, чем в три раза³⁷. Помимо Петербурга и Москвы протестное движение было поддержано рабочими и студентами Киева, Варшавы, Риги, Баку и других крупных городов Российской империи.

Сравнение с революцией 1905 г. часто встречается в перлюстрированных письмах современников. «Революция стучится в дверь», — написал петербургский рабочий Иван, а варшавский обыватель, отмечая, что столичные события эхом откликнулись и в Польше, с нетерпением ждал будущего, полагая, что «оно принесет нам кое-что...». Даже житель французского Гренобля делился с адресатом в Казанской губернии настроениями в Европе: «Говорят, в России готовятся к революции». Более осторожные в оценках свидетели тех дней предпочитали говорить, если не о революции, то о переходе некоего Рубикона, после которого возврат к прошлому представлялся уже невозможным: «Это не революция, до революции еще далеко, но это грозный симптом. *Alea iacta est* (Жребий брошен. — В.А.)»³⁸.

Таким образом, на возможный характер складывавшейся революционной ситуации указывали: впечатляющий масштаб рабочих забастовок весны-лета 1914 г., задействовавших большее количество рабочих, чем в 1905 г., и поддержанный пролетариатом крупнейших городов империи; начало этапа открытого вооруженного противостояния рабочих с полицией; перекатание борьбы с территорий фабрик и заводов на улицы городов; дезорганизация работы общественного транспорта (изменения привычной повседневности мирного времени); присутствие в массовом сознании обывателей революционных ожиданий, выраженных в сравнениях с революцией 1905 года.

Однако помимо уже отмеченного парадокса в виде быстрой трансформации революционного протеста в патристические формы после начала войны некоторые современники — как идейные революционеры, так и простые обыватели — еще в начале июля отрицали революционный характер беспорядков на том основании, что вместо ожидаемого политически осознанного революционного поведения рабочих они обнаружили в нем преобладание хулиганских инстинктов. Если переворачивание трамваев с целью постройки баррикад можно было отнести на счет сознательной революционной активности, то начавшаяся волна погромов торговых заведений ей противоречила. Так, например, 7 июля толпа рабочих в количестве около 3 тыс. чел. подошла к ресторану «Выборг» и перебила в нем стекла; ночью 10 июля были разбиты все фонари на Забалканском проспекте; та же толпа громила попадавшие на пути магазины, рестораны и пивные³⁹. 11 июля большая толпа рабочих разгромила трактир «Бережки», разбив все оконные рамы, она перешла к расположенному поблизости трактиру «Яр», где также начался разгром. Лишь подоспевшие казаки, пустив в

ход нагайки, прекратили дальнейшее уничтожение трактиров и пивных лавок. Концентрация фактов столкновений рабочих и полиции рядом с местами продажи алкогольной продукции не кажется случайной. В рамках борьбы с подобными формами протестной активности рабочих власти столицы пошли на закрытие всех питейных заведений в городе⁴⁰. Петербуржцы писали в частных письмах накануне войны: «У нас в Петербурге разыгралась даже не забастовка, а прямо хулиганская оргия, которая окончательно вооружила против себя всех благоразумных людей»; «В Петербурге — гнусные времена. На три четверти все манифестации хулиганские, а что еще хуже, так это заражение рабочей среды националистическим духом»; «Тебя интересуют наши июльские дни. Разочаруйся, голубчик, они прошли донельзя отвратительно. Вещи идейные нельзя переплетать с хулиганскими выходками, а это то последнее в наших июльских днях и преобладало»⁴¹. Наличие в среде бастовавшего пролетариата определенного числа безыдейных рабочих, вносивших в протестные акции анархический элемент хулиганства, во многом объясняет вышеупомянутую зависимость забастовок от стихийных внеполитических факторов, делающих неблагоприятные погодные условия серьезным препятствием на пути запланированной акции протеста.

Вместе с тем, отмеченные парадоксы революционной ситуации легко разрешаются в случае, если мы отказываемся от теории классово-сознательной, рационально-политической детерминированности революции. В конце концов, именно высокие требования к политической сознательности пролетариата не позволили Ленину вовремя распознать в февральских событиях 1917 г. начинавшуюся революцию. Дать верную оценку январско-февральским дням ему помешали те же факты, которые имели место и в июле 1914 г. и ввели в заблуждение многих профессиональных революционеров-современников: преобладание стихийных процессов над организованными. Февраль 1917 г. в Петрограде был окрашен в цвета неуправляемого погрома: разгромившееся в хлебных «хвостах» возмущение обывателей приводило к разгрому лавок, во время которых мука и хлеб уничтожались, разбрасываясь по улице, помимо хлебных и мясных лавок громили ювелирные магазины, а освобождению первых перешедших на сторону восставших солдат-павловцев из Петропавловской крепости предшествовал разгром толпой спиртоочистительного завода на Александровском проспекте.

Революционный энтузиазм, помимо присутствующих политических мотивов, играющих мотивационную роль, имеет и психофизическую природу, связанную с определенными изменениями индивидуального и коллективного сознания, ломающих привычные поведенческие практики обывателей. В.П. Булдаков на материале 1917 г. убедительно показал эту скрытую, психофизиологическую природу революции, имевшую явные признаки психопатологии⁴². В современной историографии революции 1917 г. отмечается разгул преступности под революционными лозунгами, значение тех самых хулиганских форм поведения, стихийно вспыхивавших актов насилия, основанных, порой, на слухах и фобиях, которые не позволяли идейным современникам июльских дней 1914 г. охарактеризовать переживаемый период в качестве революционной ситуации⁴³.

Примечательно, что, если в среде социал-демократов и последующих марксистских историков стихийные акции протеста, выливавшиеся в криминальные формы, не рассматривались в качестве революционных актов, то либеральная научная общественность, наоборот, усматривала в этом истинное лицо революции. На заре формирования социологии и психологии как самостоятельных научных дисциплин начинает развиваться и такое смежное направление, как психология толпы или масс. Изучению особенностей поведения индивидов в толпе и формам активности больших уличных масс посвящали работы Г. Лебон, Г. Тард, Н. Михайловский, Х. Ортега-и-Гассет, З. Фрейд, Э. Дюркгейм и др.⁴⁴, которые, отмечая высокую степень подражательности и превалирование эмоционального восприятия событий над рационально-логическим, констатировали стихийность и иррациональность действий толпы. Если марксистско-ленинская теория рабочего движения кануна войны столкнулась с парадоксом, согласно которому революционный и, следовательно, классово-сознательный энтузиазм испарился с началом мировой войны (нежелание Ленина признать очевидные факты патриотических настроений в рабочей среде, вероятно, являются попыткой избежать логического противоречия), то этот парадокс легко разрешается в рамках социально-психологического подхода, обнаруживающего ряд общих признаков между антиправительственными и проправительственными акциями протеста в июле 1914 года. Теория психологии толпы отмечает функционирование толпы в качестве специфического

социально-психологического организма, которому, в силу преобладания эмоционального восприятия над рассудочно-логическим, свойственно впадать в различные крайности. Вместе с тем, согласно исследованиям социальных психологов, не в любой уличной акции протеста обнаруживается психология толпы. Она формируется в качестве черты массового сознания и, сохраняясь в коллективе некоторое время, определяет формы социального действия. Одним из ее признаков выступает способность разогнанной толпы тут же стихийно собираться в другом месте. Примечательно, что обыватели весной-летом 1914 г. обращали внимание на эту особенность рабочих демонстраций. Так, например, хотя питерским рабочим 1 мая не удалось организовать общегородскую демонстрацию в центре города, полиция фиксировала, что разогнанные в одном месте мелкие манифестации тут же возникали неподалеку. О том же впоследствии сообщалось в полицейских донесениях о беспорядках февраля 1917 года⁴⁵.

Видный немецкий социолог, современник революционных потрясений России Макс Вебер еще в 1906 г. предсказал крах реализации марксистского варианта революции в России, отмечая низкий уровень политической грамотности россиян. Если Ленин в январе 1917 г. утверждал, что 1905 г. «окончательно похоронил патриархальную Россию»⁴⁶, то Вебер, наоборот, подчеркивал амбивалентность русской революции, обеспечивавшей ей быстрый переход в сторону реакции: «Аграрный коммунизм оказывается идеальной почвой, на которой происходит постоянное качание между идеей “творческого акта” “сверху” и “снизу”, между реакционной и революционной романтикой»⁴⁷. Примечательно, что между Вебером и Лениным с 1906 г. тянулась заочная полемика: Вебер назвал подготовленное «группой Ленина» декабрьское вооруженное восстание в Москве 1905 г. «бессмысленным путчем», Ленин впоследствии, в свойственной ему высокомерно-пренебрежительной манере общения с оппонентами, поставил под сомнение профессиональные качества ученого: «В немецкой так называемой “научной” литературе господин профессор Макс Вебер в своей большой работе о политическом развитии России назвал московское восстание “путчем”... Суждение буржуазной “науки” о декабрьском восстании не только нелепо, оно является словесной уверткой представителей трусливой буржуазии, которая видит в пролетариате своего опаснейшего классового врага»⁴⁸.

Отталкиваясь от теории психологии толпы, Вебер разработал теорию социального действия, в которой выделил несколько форм, исходя из возможной мотивации участников: целерациональную; ценностно-рациональную; аффективно-эмоциональную; традиционную. С точки зрения ленинской теории, подлинно революционным действием может быть лишь то, которое укладывается в рамки целерационального, то есть характеризуется высоким уровнем политической сознательности индивидов, однако сам Вебер отмечал условность границ между этими формами, определяемую тем, что мотивация участия индивида в том или ином событии может быть связана как с рационально осознанными целями, так и с неосознанным подражанием на основе эмоционального восприятия событий: «Причина недостаточной четкости границ объясняется в данном, как и в других случаях, тем, что ориентация на поведение других и смысл собственного действия далеко не всегда могут быть однозначно установлены или даже осознаны, а еще реже — осознаны полностью. Уже по одному этому далеко не всегда можно уверенно разграничить простое “влияние” и осмысленную “ориентацию”»⁴⁹. Стихийные формы революционной активности как в 1914, так и в 1917 гг., выражавшиеся в аполитичных хулиганских акциях, таким образом, относятся к аффективному типу социального действия.

В революционной ситуации всегда обнаруживается несколько пластов поведения: и сознательно-политический, и эмоционально-аффективный. Имея в виду эту особенность, можно разрешить и следующее противоречие: угасание революционного энтузиазма в июле-августе 1914 года. В действительности, с точки зрения массовой психологии и теории социального действия, принципиальной разницы между революционными демонстрациями начала июля и патриотическими акциями конца июля 1914 г. не было. По форме они соответствовали друг другу. Несмотря на то, что демонстрация в Петербурге 19 июля носила мирный характер, в толпе, помимо патриотических лозунгов, раздавались и революционные. Петербургский студент следующим образом описал толпу во время «патриотического» шествия 19 июля 1914 г.: «Сегодня утром Миша отрывает меня от занятий и зовет на балкон посмотреть, какая надвигается со стороны Лавры большая толпа. Что же я увидел и услышал? Рабочие, запасные и провожающие их поют Марсельезу со словами “Царь вампир пьет

народную кровь...”, которые, ты знаешь, для царя нелестны. Не особенно приятны для него Варшавянка и похоронный марш, которые они пели. При пении похоронного марша офицеры и городовые снимали фуражки. Естественно, я выбежал на улицу и присоединился к густой толпе»⁵⁰.

Помимо осознанно-революционных действий, таких, как пение рабочей Марсельезы, в частной корреспонденции отмечалось и аффективное состояние части горожан. Некая патриотично-настроенная москвичка Варя, собиравшаяся записаться в сестры милосердия, описывала обстановку в Москве 22 июля, противоречившую официальным сообщениям о небывалом патриотическом подъеме российских подданных: «Если бы ты, дорогой Ш., знал, что у нас делается! В городе тоска, — стыдно смотреть, кругом горе, всюду едут, идут с узлами, глаза заплаканные, женщины кричат. Где же подъем, о котором пишут газеты? Везде чувствуется, что войны не хотят. Ты, наверное, читаешь про оживление, про манифестации. Вечером ревут, — жутко становится, — двери запирают. Представь себе толпу без конца из подростков и хулиганов и полицейских. Лица неинтеллигентные, красные носы, нахальные глаза. Кричат, а сами смотрят, кому бы в зубы дать. Сегодня получила письмо из деревни, пишут: кругом один ужас, крики, стоны, рыдания не прекращаются... Я ненавижу войну, но не думаю, как Леля, что идти в сестры на войну значит признавать ее»⁵¹.

В одном из частных писем из Екатеринослава в Москву от 5 августа 1914 г. автор описал типичную картину российского провинциального города периода мобилизации: «За все время мобилизации, шатаясь по городу, могу сказать, что не видел не только энтузиазма, но даже не встречал просто веселой физиономии. Если бы была возможность опрашивать всю эту разношерстную публику, то наверное мы бы получили курьезнейшие ответы относительно причин войны; полная апатия по отношению к личности и намерениям внешнего врага и очень осмысленное и яро враждебное отношение к внутреннему врагу — в первую очередь к полиции. Полицию всюду встречали камнями и кошачьими концертами. Здесь полицейских сняли с многих постов, дабы не возбуждать запасных. В первый день мобилизации здесь было крупное столкновение со стражниками. Убито было 3 и ранено 3. Дней пять тому назад вышло распоряжение, запрещавшее запасным ездить бесплатно на трамваях. Для поддержания порядка поставили городских на каждый трамвай. Запасные взяли штурмом вагоны, выкидали городских и навели панику на полицию»⁵². Хотя стычки с полицией как представителями власти свидетельствуют о сохранении нерастраченной революционной энергии июля 1914 г., следует иметь в виду, что негативное отношение к полиции не всегда означало такое же отношение к царю и, следовательно, вполне могло причудливо сочетаться с «народным патриотизмом», являться его бытовой, отличной от официальных представлений, формой.

Таким образом, с точки зрения социально-психологической теории, рабочее движение не исчезло, а лишь поменяло политический вектор: насилие в адрес власти перенаправлялось на представителей вражеских держав, классовая ненависть сменялась ксенофобией. При этом сами по себе формы социального протеста, основанного на аффективном насилии, поиске виновных и совершения над ними карательных действий, оставались прежними. Так, 22 июля толпа народа от Невского проспекта направилась к зданию немецкого посольства, разбив по пути окна немецкой газеты «Цайтунг», витрины магазина, сорвав флаги с ресторана «Вена». Германское посольство было разгромлено как снаружи, так и внутри. Кроме того, на месте был убит застигнутый в здании немецкий подданный, переводчик посольства А. Кетнер, в котором массовое сознание «патриотов» тут же опознало шпиона (говорили, что его застали в момент, когда он сжигал какие-то бумаги). Затем толпа, разбив скульптуры атлетов на фасаде здания, в телах которых были опознаны представители германской нации, сорвала германский герб и отправилась топить его в Мойке⁵³.

Периодическая печать сочувственно отнеслась к подобному выражению народного гнева, оправдав действия толпы тем, что люди были возмущены оскорбительными действиями немцев по отношению к вдовствующей императрице Марии Фёдоровне, чей поезд, направлявшийся из Дании в Россию, был задержан в Берлине и отправлен обратно в Копенгаген. Кроме того, газеты упоминали об аналогичных эксцессах, произошедших с русским посольством в Берлине: после отъезда посла С.Н. Свербеева немецкая толпа ворвалась в посольство и разгромила его и православную церковь⁵⁴.

Российская полиция предпочитала не вмешиваться в проявления народного патриотизма, хотя 24 июля градоначальник все же напомнил жителям столи-

цы о действующем еще с 13 июля запрете на проведение митингов, но демонстраций от этого меньше не стало.

В ряде рабочих городов России начавшиеся весной 1914 г. забастовки в той или иной форме продолжались и в период мобилизации. В Баку, где стачки не прекращались с мая 1914 г., после объявления мобилизации протестовавшие силой освободили арестованных рабочих в количестве около 200 чел., был убит полицмейстер, избиты городовые⁵⁵. А 20 июля в г. Лысьва Пермской губернии рабочая экономическая забастовка, тянувшаяся еще с апреля 1914 г., вылилась в митинг, в котором участвовало до 600 человек. Митинг быстро перерос в массовые беспорядки, во время которых толпа поджигала городские здания, убивала полицейских; отмечалась особенная жестокость толпы: в раны искалеченных вставляли папиросы; известная роль принадлежала женщинам, которые своими криками разжигали ненависть толпы. Были также разгромлены винные лавки. Беспорядки были прекращены только войсками Казанского военного округа. В результате 10 чел. были повешены, более двухсот подвергнуты различным наказаниям⁵⁶.

Однако выступления периода мобилизации хоть и несли на себе отпечаток революционного протеста весны-лета 1914 г., не являлись проявлением сознательных антивоенно-политических настроений народа. Классовый интернационализм был чужд большинству пролетариата, который, сохраняя враждебное отношение к представителям власти, тем не менее, был готов защищать Россию от внешнего врага, разделяя при этом царя и отечество. Не потерявшие связи со своими деревенскими корнями рабочие выражали настроения, которыми делились солдаты-крестьяне: «А мне что царь: я не царю служу, а за веру и родину. А царь у нас кровосос и только истребляет народ»⁵⁷.

Представители власти понимали всю противоречивость и сложность этого периода. 2 сентября 1914 г. директор Департамента полиции Министерства внутренних дел В.А. Брюн-де-Сент-Ипполит под грифом «совершенно секретно» разослал циркуляр всем начальникам губернских жандармских управлений, в котором, отмечая общественное единение и прекращение «революционных эксцессов» в связи с началом войны, указал на временный характер подобной тенденции и сохранение революционной опасности, исходящей как от различных представителей либеральной интеллигенции, так и от рабочих и сельских масс⁵⁸. Тем не менее, начало войны решило главную задачу: переключило протестную активность с внутреннего политического врага на врага внешнего — Германию и Австро-Венгрию — а также поиск их внутренних агентов в России. В конце концов, два вектора протестной активности слились: в условиях разгоравшегося экономического кризиса и военных поражений российской армии пришел бытовое шпионomanии ожидаемо переместился с отдельных этнических немцев, заподозренных в предательстве офицеров и лично военного министра Сухомлинова на представителей императорской фамилии (городские слои шпионкой считали «немку» Александру Федоровну, а менее образованные крестьяне немкой-предательницей называли вдовствующую императрицу Марию Федоровну, бывшую этнической датчанкой). Тем не менее, осенью 1914 г. политические забастовки и столкновения рабочих с полицией прекратились, и, согласно данным Петроградского общества заводчиков и фабрикантов, против 255 забастовок июля 1914 г. в августе прошло всего 9 забастовок, а в сентябре, ноябре, декабре — и вовсе по 1⁵⁹. В этих условиях многие монархисты расценили начало первой мировой войны как последний шанс сохранения самодержавия. Один из лидеров правого движения, председатель Русского монархического союза в 1907—1913 гг. протоиерей И. Восторгов записал: «Если не будет победы, нас ждут ужасы новой революции»⁶⁰. Слова священника, попавшего в сентябре 1918 г. в число первых жертв «красного террора», оказались пророческими.

Помимо смены вектора социального протеста в связи с началом войны другая причина того, что июльские 1914 г. события не перетекли в революционное русло, заключалась в узко-социальном характере беспорядков. Теоретики марксизма-ленинизма ожидали пролетарской революции, однако история ставит под сомнение возможность проведения революции одним единственным классом. Классические российские революции — января 1905 и февраля 1917 г. — демонстрируют необходимость участия в революционных событиях различных слоев населения. Важно, что в марксистской историографии этот тезис присутствует. И Ленин, и последующие историки обращали внимание на то, что летом 1914 г. рабочий протест не был поддержан самым многочисленным классом России — крестьянством. И если в 1930—1940-е гг. Я. Крастынь, А.Б.

Беркевич пытались усмотреть в крестьянском бунте периода мобилизации революционно-сознательный мотив, то в 1960-е гг. А.М. Анфимов подверг эту позицию обоснованной критике⁶¹. Вместе с тем, даже общий подсчет всех типов крестьянских выступлений свидетельствует скорее о спаде протестов накануне мировой войны, о чем говорят статистические данные, собранные С.М. Дубровским, В.Г. Тюкавкиным, Э.М. Шагиным, Г.А. Герасименко⁶². В советской историографии недооценивалась роль в революциях средних городских слоев. В современных исследованиях, напротив, городской обыватель часто предстает в качестве «серого кардинала», того большинства, чьи симпатии, в конечном счете, определяют, на сторону какой политической силы качнется чаша весов⁶³.

Также в тени исследований рабочего и крестьянского движения оказалось российское студенчество, хотя, например, в феврале-марте 1917 г. именно оно, вооружившись, взяло, одновременно с рабочими, в свои руки создание городской милиции. В 1914 г. след студенчества также обнаруживается в социальной активности. 10—11 октября 1914 г. выступления молодежи вылились в первый московский немецкий погром: движение, начавшееся с патриотических манифестаций студентов по поводу отмены отсрочек от призыва в армию, очень скоро объединилось с общегородскими патриотическими демонстрациями и привело к неуправляемому стихийному бунту, вызвавшему у современников, как и в случае с июльскими беспорядками того же года, ассоциации с первой революцией: «Последние дни самое мрачное настроение вследствие ужасных погромов немецких фирм: буквально вся Москва разгромлена, и магазины заколочены досками. Хулиганы буйствовали два дня, и жутко было смотреть на попустительство начальства. Это так живо напомнило погромы 1905 г. и так больно задело за живое»⁶⁴. Следующий немецкий погром пришелся на 24 ноября. В нем также видную роль сыграли студенты, а самый крупный погром 26—29 мая 1915 г. характеризовался, как и отмеченные демонстрации 19 июля 1914 г., сочетанием патриотических лозунгов с антимонархическими высказываниями. Согласно воспоминаниям генерала Ю.Н. Данилова, в толпе звучали оскорбления в адрес «немки» — императрицы Александры Фёдоровны — от которой требовали ухода в монастырь по примеру ее сестры, вдовы великого князя Сергея Александровича, а также раздавалась брань по отношению к Гришке Распутину⁶⁵.

Стихийные движения опасны своей амбивалентностью: даже начавшись с патриотических лозунгов, они всегда готовы обернуться антиправительственными акциями протеста, в чем проявляется аффективная природа революционного бунта.

Таким образом, мы видим, что формально-количественный анализ протестных выступлений весны-лета 1914 г. позволяет сравнивать их с событиями как января 1905, так и февраля 1917 года. Помимо крупнейшего за 1907—1917 гг. подъема рабочего движения они характеризовались высокой степенью стихийно-аффективных социальных действий, менявших в продолжавшихся в первые недели июля уличных боях привычную городскую повседневность, формировавших психологию толпы, содержащую основу для революционного протеста. Не случайно, что у современников беспорядки кануна мировой войны вызывали ассоциации с первой российской революцией, последующие массовые социальные действия хоть и сменили политический вектор, вобрав в себя патриотическую пропаганду, сохраняли в стихийных формах протеста основу для социального взрыва. Однако разработанная в марксистско-ленинской историографии теория революционной ситуации не позволяла вынести однозначную оценку рассматриваемому периоду как в силу определенной поверхностности ленинских признаков, так и преувеличения роли политической сознательности определенных слоев населения. Вместе с тем, комплексный подход к проблеме, требующий учета объективных и субъективных, организованных и стихийных факторов, а также рассматривающий в качестве активного участника социального действия средние слои населения, позволяет определить июльские события 1914 г. как революционную ситуацию аффективного типа социального действия.

Примечания

1. ЛЕНИН В.И. ПСС. Т. 23. М. 1961, с. 298.
2. Там же, т. 26, с. 218—219.
3. ЧЕРМЕНСКИЙ Е.Д. Россия в период империалистической войны. Вторая революция в России. (1914 — март 1917). М. 1954; ДЯКИН В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914—1917). Л. 1967.

4. АВРЕХ А.Я. Распад третьейинюньской системы. М. 1985.
5. ЕГО ЖЕ. О некоторых вопросах революционной ситуации. — Вопросы истории КПСС. 1966, № 5, с. 40.
6. ЛЕНИН В.И. ПСС. Т. 22. М. 1961, с. 258.
7. Там же, т. 26, с. 221.
8. Там же, т. 30, с. 328.
9. Там же, т. 26, с. 221; т. 30, с. 52—53.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 150, оп. 1, д. 669, л. 12, 77.
11. Мировая война в цифрах. М.-Л. 1934, с. 88.
12. ЛЕНИН В.И. ПСС, т. 26. с. 331.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 102, оп. 265, д. 976, л. 99.
14. ФЛЕЕР М.Г. Рабочее движение в России в годы империалистической войны. Л. 1926, с. 6.
15. АВРЕХ А.Я. О некоторых вопросах революционной ситуации, с. 30—44.
16. Четырнадцатая конференция российской коммунистической партии (большеви-ков). Стенографический отчет. М.-Л. 1925, с. 231—232, 234.
17. АВРЕХ А.Я. О некоторых вопросах..., с. 38.
18. Первая мировая война. 1914—1918. Сб. статей. М. 1968; ЛАВРИН В.А. Возникно-вание революционной ситуации в России в годы Первой мировой войны. М. 1984; Нарастание революционного кризиса в России в годы Первой мировой войны (1914 — февр. 1917 гг.) Межвузовский сборник научных трудов. Л. 1987.
19. ТЮТЮКИН С.В. Война, мир, революция. Идеиная борьба в рабочем движении России 1914—1917 гг. М. 1972, с. 14.
20. ЕГО ЖЕ. Первая мировая война и революционный процесс в России (роль наци-онально-патриотического фактора). В кн.: Первая мировая война. Пролог XX века. М. 1998, с. 241.
21. ЛЕНИН В.И. ПСС, т. 25, с. 450; т. 26, с. 331.
22. ФЛЕЕР М.Г. Ук. соч., с. 6—7.
23. ГРАВЕ Б. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической вой-ны. Июль 1914 — февраль 1917. Пролетариат и буржуазия. М.-Л. 1926, с. 89.
24. ТЮТЮКИН С.В. Война, мир, революция..., с. 18.
25. МЕНИЦКИЙ И. Революционное движение военных годов (1914—1917). Т. 1. М. 1925, с. 63.
26. ЛЕЙБЕРОВ И.П. На штурм самодержавия: Петроградский пролетариат в годы Первой мировой войны и Февральской революции (июль 1914 — март 1917 г.). М. 1979, с. 26.
27. ФЛЕЕР М.Г. Ук. соч., с. 7.
28. КИРЬЯНОВ Ю.И. Были ли антивоенные стачки в России в 1914 году? — Вопросы истории. 1994, № 2. с. 43—52; ЕГО ЖЕ. Социально-политический протест рабочих России в годы Первой мировой войны (июль 1914 г. — февраль 1917 г.). М. 2005.
29. ТЮТЮКИН С.В. Война, мир, революция..., с. 10, 19; КИРЬЯНОВ Ю.И. Рабочие России и война: новые подходы к анализу проблемы. В кн.: Первая мировая вой-на, с. 438.
30. ТЮТЮКИН С.В. Первая мировая война и революционный процесс в России, с. 240.
31. ЛЕНИН. ПСС, т. 25, с. 379.
32. Там же, с. 372.
33. КИРЬЯНОВ Ю.И. Рабочие России и война..., с. 432—433.
34. Петербургский листок. 4.IV, 2.V.1914.
35. Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. 4—14.VII.1914.
36. ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 975, л. 64.
37. Подсчитано по: Ежемесячный статистический бюллетень по г. Москве. 1914, № 7.
38. ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 975, л. 75об, 80; л. 10, 65.
39. Биржевые ведомости. 11.VII.1914, веч. выпуск.
40. МЕНИЦКИЙ И. Ук. соч., с. 39—40.
41. ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 975, л. 99; д. 976, л. 1.; д. 967, л. 111.
42. БУЛДАКОВ В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М. 1997; ЕГО ЖЕ. Хаос и этнос: Этнические конфликты в России, 1917—1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М. 2011.
43. МУСАЕВ В.И. Преступность в Петрограде в 1917—1921 гг. и борьба с ней. СПб. 2001.
44. ЛЕБОН Г. Психология народов и масс. СПб. 1995; ТАРД Г. Социальная логика. СПб. 1901; СИГЕЛЕ С. Преступная толпа. В кн.: Преступная толпа. М. 1998; МИХАЙЛОВСКИЙ Н.К. Герои и толпа. М. 1999; БЕХТЕРЕВ В.М. Избранные работы по социальной психологии. М. 1994; МОСКОВИЧИ С. Век толп. М. 1998.
45. ГА РФ, ф. 1788, оп. 1, д.74, л. 5—14об.

46. ЛЕНИН В.И. ПСС, т. 30, с. 314.
47. ВЕБЕР М. К положению буржуазной демократии в России. В кн.: Политическая наука. Россия: опыт революций и современность. М. 1998, с. 5—121.
48. ЛЕНИН В.И. ПСС, т. 30, с. 325.
49. ВЕБЕР М. Основные социологические понятия. В кн.: Западно-европейская социология XIX — начала XX веков. М. 1996, с. 455—491.
50. ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 976, л. 23.
51. Там же, л. 14.
52. Там же, л. 48.
53. Петербургский листок. 23.VII.1914.
54. Московский листок. 9.VIII.1914.
55. ГА РФ, ф.102, оп. 265, д. 976, л. 55.
56. ЗАБУГА Н.А. Протестные выступления рабочих Лысьвенского завода в 1914 г. В кн.: Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. Сб. материалов четвертой региональной молодежной научной конференции. Новосибирск. 2010, с. 136.
57. РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 476, л. 125.
58. ГА РФ, ф. 58, оп. 7, д. 298, л. 75.
59. РГИА, ф. 150, оп. 1, д. 669, л. 93—100.
60. ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 996, л. 1575.
61. КРАСТЫНЬ Я. Революционная борьба крестьян в России в годы империалистической войны (1914—1916 гг.) М. 1932; БЕРКЕВИЧ А.Б. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. В кн.: Исторические записки. 1947, т. 23.; Крестьянское движение в России в годы первой мировой войны. Июль 1914 — февраль 1917 г. Сб. документов. М.-Л. 1965.
62. ДУБРОВСКИЙ С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М. 1975; ГЕРАСИМЕНКО Г.А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики. Саратов. 1985.; ТЮКАВКИН В.Г., ЩАГИН Э.М. Крестьянство России в период трех революций. М. 1987.
63. КАНИЩЕВ В.В. «Мятежный обыватель» (Обобщенный портрет «рядового» участника антисоветских городских восстаний июня 1918 г.). М. 1996; ЕГО ЖЕ. Революционное насилие и городские средние слои. В кн.: Общественно-политическая жизнь российской провинции. Тамбов. 1997; АРХИПОВ И.Л. Общественная психология петроградских обывателей в 1917 году. — Вопросы истории. 1994, № 7; ЯРОВ С.В. Горожанин как политик: Революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. СПб. 1999.
64. ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 997, л. 1616.
65. ДАНИЛОВ Ю.Н. На пути к крушению. М. 2000, с. 130.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Британский посланник Роберт Кейт и Екатерина II о перевороте 1762 г.

Т.Л. Лабутина

Великая княгиня Екатерина Алексеевна Романова пришла к власти, как известно, в результате государственного переворота в 1762 году. О том, как происходили эти события, она сообщала в переписке со своим возлюбленным — Станиславом Понятовским. В какой мере изложение фактов, представленных Екатериной, отличалось объективностью и достоверностью можно узнать, сопоставив их со свидетельствами очевидцев указанных событий. Одним из них оказался британский посланник в России Роберт Мюррей Кейт.

Вряд ли Роберт Кейт (?—1774) являлся выдающимся английским дипломатом, если судить по его довольно скромной биографии. Во всяком случае, его брат генерал Джеймс Кейт был известен в России куда больше: с 1740 г. в качестве грессмейстера он возглавил масонскую ложу, в которую охотно вступали российские дворяне. Что касается Роберта, то до прибытия в Санкт-Петербург в 1758 г. дипломат успел послужить при дворах Дрездена, Копенгагена, Вены. На своем посту в Петербурге Кейт пробыл четыре с половиной года, покинув Россию в октябре 1762 года. Роберт был женат на Маргарет, дочери сэра Уильяма Кэнингема, с которой вступил в брак в 1730 г., когда родился их первенец — Роберт Мюррей Кейт-младший. Наследника ждала блестящая карьера. Дослужившись до генеральского чина, он пошел по стопам отца, став послом при венском Дворе. Второй сын Роберта — сэр Базиль Кейт не отставал от старшего брата. Избрав профессию морского офицера, он был назначен правителем острова Ямайка. У Роберта Кейта была еще дочь Анна, о которой, впрочем, мало что известно¹.

Надо заметить, что имя Роберта Кейта было знакомо его соотечественникам, особенно видным литераторам той поры, которые в своем кругу называли его не иначе, как «посланник Кейт». Подобную известность он заслужил благодаря своему перу². Литературный талант посланника в какой-то мере проявился и в донесениях, которые он отправлял в Лондон из Петербурга, и в его мемуарах.

Роберт Кейт прибыл в Петербург в марте 1758 г. и в первых своих депешах в Лондон сообщал об аресте и отставке великого канцлера Бестужева и

Лабутина Татьяна Леонидовна — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

других придворных, приближенных к великой княгине. «Отставка канцлера, — писал дипломат, — была инициирована недоброжелателями Двора, а предложением послужили его контакты с великой княгиней. И, как и предполагалось, все эти события оживили позиции французской партии». Кейт полагал, что и арест Бестужева, и усиление позиций французов при императорском дворе были связаны именно с его собственным появлением в России. «Два посла — граф Эстерхази и маркиз де Лопиталь правили бал, как при дворе, так и в столице, — продолжал посланник. — Они также полностью подчинили своей воле великого князя, чтобы впоследствии оттолкнуть от него великую княгиню, которая оказывала на супруга большое влияние». Своеобразным «инструментом» в осуществлении замыслов французов выступил некто Брокдорф, вместе с великим князем принимавший самое активное участие в дебошах, на которые великая княгиня неоднократно жаловалась императрице. «К сожалению, ее жалобы не были услышаны, а ее недруги позаботились о том, чтобы с помощью фальшивых домыслов скомпрометировать великую княгиню в глазах императрицы, поэтому она чувствует себя очень неуютно при дворе», — подмечал Кейт³. Он также предполагал, что великая княгиня «пребывала в печали» еще и из-за графа Понятовского, которого должны были выслать из России. Вдобавок ко всему прочему, взяли под арест ее любимую горничную.

Описываемые дипломатом события давали яркое представление о том униженном положении, в котором Екатерина находилась в ту пору при дворе Елизаветы Петровны. Каким-то образом Кейт стал свидетелем частного разговора императрицы с великой княгиней, о чем поведал в своих мемуарах. «Во время разговора, при котором одна сторона обвиняла, а другая предпринимала попытки оправдаться, великая княгиня, пытаясь найти выход из создавшегося положения, заявила, что поскольку она так несчастлива, несмотря на усилия императрицы, и ее обвиняют в разжигании семейных скандалов, что осложняет жизнь как императрице, так и ей самой, то Ее Величество может разрешить княгине покинуть Россию и провести оставшуюся жизнь со своей матерью. Что же касается великого князя, то в интересах империи он может жениться на другой женщине, против чего она не будет возражать». Во время этого разговора, свидетельствовал Кейт, императрица выглядела «очень взволнованной» и разговаривала с великой княгиней «мягче, чем обычно». Когда же княгиня стала говорить о жестоком обращении с ней великого князя, который присутствовал при разговоре, то императрица «велела ей придержать язык и, понизив голос, заявила, что поговорит с ней обо всем наедине очень скоро»⁴. После состоявшегося разговора, как полагал посланник, положение великой княгини заметно улучшилось, и у нее появилось немало друзей среди придворных. Повидимому, императрица в обращении с великой княгиней решила сменить гнев на милость, перестав упрекать ее в чем-либо.

Трудно сказать, чем объяснялось «молчание» дипломата в отношении происходивших при царском дворе событий в 1758—1759 гг., но очередная запись в его мемуарах появилась лишь в мае 1760 г. и касалась личных просьб к государственному секретарю графу Холдернессу. Кейт высказывал пожелание поскорее возвратиться на родину. Он напоминал, что согласился на порученную ему правительством миссию не более, чем на 2—3 года, этот срок подходит к концу, и пора подумать о его замене. Поскольку ситуация при российском дворе остается «стабильной», и ничто не угрожает интересам Великобритании, то это можно осуществить в течение лета. «В моем возрасте естественно просить об отставке и возвращении в семью, с которой я не жил вместе около 20 лет, — продолжал сетовать Кейт. — Мое здоровье также оставляет желать лучшего, хотя я никогда не пытался, находясь на службе, на это ссылаться. Дважды переболев лихорадкой прошлой зимой, я с ужасом ожидаю приближе-

ния этого времени года. Все вышесказанное побуждает меня просить о скорейшей отставке»⁵.

Примечательно, что в своем письме к государственному секретарю Кейт упоминал о значительной денежной сумме (100 тыс. фунтов стерлингов), которые ему были доверены королем. Нет сомнений в том, что эти средства шли на подкуп высокопоставленных чиновников (возможно, что и самой великой княгини), поскольку дипломат отмечал: «Эти суммы выплачивались время от времени различным лицам»⁶.

В заключение своего послания Кейт обращался с просьбой, чтобы его сыновьям оказали покровительство в продвижении по службе. «Это первая за всю мою двадцатилетнюю службу просьба, — писал посланник, — которую я прошу для себя лично...»⁷. В завершение он еще раз умолял государственного секретаря хлопотать перед королем о своей отставке.

Однако правительство Великобритании не спешило удовлетворить просьбу дипломата: Кейту пришлось остаться в России еще на два года. В конце декабря 1761 г. в своих мемуарах он оставил запись о кончине императрицы Елизаветы Петровны и о вступлении на российский престол нового государя. «В тот же вечер, когда скончалась императрица, — писал посланник, — барон Лефорт, известный мастер церемониала, прибыл в мой дом (так же, как и в дома других иностранных министров) и сообщил, что на следующее утро император и императрица будут принимать наши соблезнования на галерее двора без особых церемоний. В указанное время я прибыл ко двору. Их Высочества появились вместе и принимали нас доброжелательно. Затем мы имели честь отобедать с ними за столом, накрытым на 100 персон, где все (не исключая императора и императрицу) бросали жребий, кому, где сидеть. Но главное, что я хочу сообщить Вам, — продолжал Кейт, — это то, что император (он всегда относился ко мне доброжелательно) приблизился ко мне и шепнул на ухо, что надеется, я останусь с ним, поскольку днем раньше он направлял курьеров в армию с приказом не продвигаться в прусскую территорию, чтобы избежать всеобщего недовольства»⁸. Пётр III также добавил, что генерал Чернышёв отдал приказ вывести войска из Австрии, и теперь они маршем возвращаются на родину.

Как видно из данного сообщения, свои симпатии к Пруссии император начал демонстрировать буквально с первых шагов своего правления. Подобная политика российского государя отвечала интересам Великобритании, и потому Кейт спешил поздравить короля «со столь счастливым оборотом дел». «Я надеюсь, — писал дипломат, — король Пруссии счастливо выйдет из войны, а Его Величество сможет покончить со ссорой с Францией с почетом для себя и преимуществами для своего народа». Кейт предлагал также воспользоваться создавшейся ситуацией и незамедлительно возвратиться к вопросу об обсуждении продления действия торгового договора с Россией. По-видимому, для этой цели предполагалось кое-кого подкупить, поскольку Кейт просил о выделении «необходимой денежной суммы» в свое распоряжение «в интересах королевской службы»⁹.

Первые мероприятия правления Петра III также нашли свое отражение в мемуарах Кейта. Он отмечал, что император стремится завершить войну (речь шла о Семилетней войне) и заключить мир на «справедливых и разумных условиях». Он стал относиться к британскому посланнику все с большей симпатией, посещая его дом и за приватной беседой высказывая «дружеское расположение» к королю Георгу III.

Бесспорный интерес в мемуарах Кейта представляют его высказывания о внутренней политике Петра III. Дипломат полагал, что император «ведет себя мудро и с достоинством в каждом деле». Более всего удивили британского посланника намерения Петра провести ряд реформ в государстве. Так в январе

1762 г. император впервые посетил Сенат, где объявил, что «знать и джентри России должны быть свободными и свободно общаться со знатью других европейских государств, а также поступать на их службу, не испрашивая особого позволения у монарха». «Милорд, — обращался посланник к государственному секретарю графу Буту, — Вы не можете представить то удивление и радость, с которой знать встретила подобное заявление императора, почувствовав себя не рабами, а действительно свободными гражданами». Посланник обратил внимание также на то, что император «не забыл и о простолюдинах». Он приказал снизить цены на соль и заявил, что указанная цена впредь должна оставаться неизменной. И хотя подобный указ существенно подрывал бюджет, император желал хотя бы как-то облегчить участь бедняков. «Подобные великодушные и щедрость императора вселили радость в сердца людей, — заключал Кейт, — одновременно возвышая авторитет императора в глазах европейских держав»¹⁰. Среди «благодеяний» императора дипломат упомянул также его распоряжение об упразднении Тайной канцелярии или «государственной инквизиции», «этого отвратительного и ужасного трибунала, в чем-то даже худшего, чем испанская инквизиция». Примечательно, что, перечисляя указы, озвученные Петром III, Кейт подметил: было незаметно, чтобы императрица принимала какое-либо участие в государственных делах. И, как отмечалось в комментариях к мемуарам Кейта, это была существенная ремарка, объяснявшая последующие события (переворот 1762 г.)¹¹.

Одна из последних записей, касающаяся правления Петра III, в мемуарах Кейта датирована 23 марта 1762 года. Дипломат рассказывал о том, что был удостоен чести быть приглашенным на аудиенцию к императору, на которой вручил ему полученное накануне послание с поздравлением в связи с вступлением на престол от Георга III. В послании, в частности, говорилось о желании короля, чтобы «первые шаги Его императорского Величества были направлены на достижение общественного мира, что принесет ему титул европейского миротворца». Поздравления короля были встречены, по словам Кейта, «с благодарностью и теплотой». Император заявил, что признателен королю за его добрые пожелания и что сам был бы счастлив заслужить подобный титул и приложит все усилия на достижение «этой великой цели». После официальной части начался обед, на котором присутствовало около 40 персон. В середине первой перемены блюд император предложил тост за здоровье короля Пруссии, а к концу обеда «предложил выпить за всеобщий и счастливый мир». Собравшиеся, повествовал посланник, «с удовольствием этот тост поддержали»¹².

На этой восторженной ноте Кейт в своих мемуарах завершил повествование о правлении императора Петра III. Далее он подробно описывал события июля-августа 1762 г., которые нашли свое отражение также в его депешах, отправляемых государственному секретарю. «В пятницу на прошлой неделе в девятом часу утра (в то время как я собирался в Петергоф на встречу к императору) ко мне в комнату вбежал один из моих слуг и в сильном испуге рассказал мне, что на другом конце города обнаружилось восстание. Гвардейские полки взбунтовались и замыслили ни более, ни менее, как свержение императора с престола, — писал посланник в своем донесении в Лондон 1 июля 1762 г. — Я узнал, что императрица находилась в городе, что гвардия и остальные полки гарнизона провозгласили ее своей государыней и императрицей, и что... она в Казанском соборе, где служили молебен по случаю происшедшего события... Члены всех высших коллегий и все знатные сановники присягали в верности новой императрице, что уже прежде того было сделано гвардией и всеми полками»¹³. Кейт обращал внимание, с одной стороны, на тот факт, что эти события были похожи на «внезапную революцию», которая вспыхнула и совершилась «не более как в два часа времени, причем не было пролито ни капли

крови», а с другой, подчеркивал, что все происшедшее «замышлялось давно»¹⁴. Слышать подобные слова из уст британского посланника неудивительно, поскольку замысел и конкретный план переворота разрабатывался великой княгиней Екатериной Алексеевной совместно с его предшественником — послом Великобритании Чарльзом Уильямсом еще летом 1756 года. Между тем, Екатерина в письме от 2 августа 1762 г. сообщала Понятовскому о том, что ее «восшествие на престол» замышлялось шесть месяцев, добавляя при этом, будто бы инициатива предприятия исходила не от нее самой, а от ее ближайшего окружения, а она просто «стала вслушиваться в предложения», которые ей делались со времени смерти императрицы Елизаветы Петровны¹⁵.

В приведенном выше письме к Понятовскому Екатерина подробно останавливалась не только на событиях, связанных, по ее собственной характеристике, с «переворотом», но и на причинах, которые его вызвали. Пётр III «потерял ту незначительную долю рассудка, какую имел, — писала Екатерина. — Он во всем шел напролом, он хотел сломить гвардию, для этого он вел ее в поход; он заменил бы ее своими голштинскими войсками, которые должны были оставаться в городе. Он хотел переменить веру, жениться на Л.В. (Елизавете Воронцовой), а меня заключить в тюрьму»¹⁶.

Подобное поведение императора, по мнению Екатерины, и спровоцировало действия заговорщиков. Кроме того, указанные события, на ее взгляд, проистекали «из ненависти к иностранцам», а Пётр III «сам слывет за такового»¹⁷. По мнению же Роберта Кейта, причин, вызвавших «революцию» (так окрестил произошедшие события посланник), было несколько, главная из которых заключалась «в отнятии церковных земель и в пренебрежении императора к духовенству». Кроме того, большое недовольство вызвали попытки императора ввести строгую дисциплину в армии, особенно в гвардии, «привыкшей до того времени к лени и распушенности». Это недовольство еще более усилилось, когда Пётр III вознамерился отправить большую часть гвардии в Германию для войны с Данией с целью защиты герцогства Гольштинии. «К этой мере, — подчеркивал посланник, — и весь народ относился весьма враждебно, тяготясь новыми издержками и опасностями». И хотя государь, на взгляд Кейта, обладал «многими прекрасными качествами и в течение своего кратковременного царствования не сделал ничего жестокого; но дурное воспитание развило в нем отвращение от занятий, а неудачно выбранные любимцы еще более усилили в нем этот недостаток, отзывавшийся полным беспорядком во всех делах государственных». К тому же, император был безосновательно убежден в том, что «милости, щедро розданные им при вступлении на престол, навсегда укрепили за ним любовь народную, вследствие чего он предался полной беззаботности и бездействию, столь пагубно отразившимся на его судьбе... Рассеянная жизнь и постоянная лесть низких личностей, окружавших его, вредно подействовали на его рассудок», — заключал посланник¹⁸.

Кто входил в число заговорщиков? По свидетельствам Екатерины, наибольшую активность проявили братья Орловы, «люди необычайно решительные», а также шеф лейб-гвардии Измайловского полка, президент Академии наук граф К.Г. Разумовский (брат елизаветинского фаворита генерал-фельдмаршала А.Г. Разумовского), князь Волконский, наставник великого князя Н.И. Панин. К указанному списку Кейт добавил имя главного начальника артиллерии Вильбуа. За два дня до своего свержения Пётр III обедал на даче у К. Разумовского, но стоило императору покинуть дом гетмана, отправившись в Ораниенбаум, как Разумовский помчался в Петергоф для переговоров с императрицей. На взгляд посланника, неизвестной в данных событиях оставалась роль камергера И.И. Шувалова¹⁹.

По-разному осветили Екатерина и Кейт участие в заговоре известной княгини Е.Р. Дашковой. Заметим, что британский посланник был с ней лично

знаком. Как писала в своих мемуарах княгиня, она и ее супруг находились в прекрасных отношениях с этим «уважаемым пожилым джентльменом», который относился к ней как к дочери и даже нередко так ее и называл. Дашкова подчеркивала, что Кейт был «в фаворе» у императора, наряду с прусским посланником. Ей запомнилась фраза, произнесенная британским дипломатом на вечернем приеме у него в доме. Обращаясь к императору, тот заявил: «Вы начали свое правление с решения добиться народной любви, но можете таким же образом ее потерять, не достигнув ничего, кроме презрения»²⁰.

Обращаясь к событиям переворота или, по словам посланника, «революции», Кейт утверждал, что Дашкова принимала «самое ревностное участие в заговоре и от начала до конца много содействовала его успеху». Однако Екатерина была более скромного мнения о действиях своей приятельницы. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова, младшая сестра любовницы Петра III Елизаветы Воронцовой, «хоть и желает приписать себе всю честь, так как была знакома с некоторыми из главарей, не была в чести вследствие своего родства и своего девятнадцатилетнего возраста и не внушала никому доверия; хотя она уверяет, что все ко мне проходило через ее руки, — писала Екатерина Понятовскому. — Однако все лица имели сношения со мною в течение шести месяцев прежде, чем она узнала только их имена. Правда, она очень умна, но с большим тщеславием... соединяет взбалмошный характер и очень нелюбима нашими главарями; только ветреные люди сообщали ей о том, что знали сами, но это были лишь мелкие подробности». Императрица напоминала, что ей приходилось скрывать от княгини «пути, которыми другие сносились с ней еще за пять месяцев до того, как она что-либо узнала, а за четыре последних недели ей сообщали так мало, как только могли». В этой связи Екатерина не скрывала своего возмущения поведением Шувалова, которого характеризовала как «самого низкого и самого подлого из людей» за то, что тот осмелился написать Вольтеру, что «девятнадцатилетняя женщина (княгиня Дашкова. — Т.Л.) переменяла правительство этой империи», и настоятельно просила Понятовского «вывести из заблуждения этого великого писателя»²¹.

Если обратиться к «Запискам» самой Дашковой, то выяснится, что она «начала агитацию» в пользу Екатерины Алексеевны в кругу офицеров — друзей своего супруга — еще в апреле 1762 года. «Я не теряя времени, старалась утвердить в надлежащих принципах друзей моего мужа, капитанов Преображенского полка Пассека и Бредихина, — писала Дашкова, — братьев Рославлевых, майора и капитана Измайловского полка, и других. Я виделась с ними довольно редко, и то случайно, до апреля месяца, когда я нашла нужным узнать настроение войск и петербургского общества»²². Судя по всему, юная приятельница императрицы что-то знала о готовившемся заговоре, но вряд ли она могла открыто агитировать офицеров за решительные действия, направленные против императора, не опасаясь преследований с его стороны.

Заметим, что современники и историки неоднозначно оценивали роль Дашковой в подготовке переворота, но большинство склонялось к выводу о ее чрезмерно преувеличенной или даже вымышленной роли в указанных событиях²³. М.М. Сафонов, признавая, что роль княгини в перевороте до сегодняшнего дня так и не определена, обращался к письму Дашковой русскому послу в Варшаве — Герману Карлу Кейзерлингу — что называется, «по горячим следам». Из анализа указанного документа становилось очевидным, что княгиня лишь поддала мысль о необходимости спасения Екатерины Алексеевны в Измайловском полку после ареста одного из заговорщиков — капитана Преображенского полка Пассека. «Все, что произошло после, явилось лишь следствием ее инициативы», — подчеркивал историк. Братья Орловы отнюдь не исполняли приказания Дашковой провозгласить императрицу самодержицей, потому

что «такого распоряжения из уст княгини и не исходило вовсе. Это была их личная инициатива... Орловы действовали на свой страх и риск и добились всего, чего хотели»²⁴.

Между тем, реальные заговорщики проделали, как полагала Екатерина Алексеевна, большую работу: «умы гвардейцев были подготовлены»; в тайну было посвящено от 30 до 40 офицеров и около 10 000 солдат. При этом, — с гордостью констатировала императрица, — «не нашлось ни одного предателя в течение трех недель». План заговорщиков предусматривал арест императора «в его комнате», заключение под стражу, его последующее отречение от престола и провозглашение Екатерины российской императрицей. Примечательно, что лишь один из заговорщиков — Никита Панин — высказал пожелание, чтобы отречение императора состоялось в пользу сына Петра III цесаревича Павла, однако на это будто бы «ни за что не хотели согласиться» братья Орловы. Нам представляется, что вряд ли братья могли высказать по этому поводу только собственные пожелания, не принимая во внимание мнения самой Екатерины.

Поначалу предполагалось произвести дворцовый переворот во время отъезда Петра III в Померанию, где русские войска собирались для военных действий против Дании. Однако план переворота пришлось срочно менять из-за того, что император отменил поездку. Он неожиданно покинул Санкт-Петербург и отправился в свою летнюю резиденцию Ораниенбаум. В результате, как полагал современный исследователь А.В. Шишов, «выступление против императора перемещалось из стен его дворца в гвардейские казармы и на улицы Санкт-Петербурга. То есть, — констатировал историк, — «келейно» осуществить заговор было в те дни невозможно»²⁵.

События переворота подробно описала Екатерина II. Не обошел их вниманием и британский посланник. Екатерина находилась в Петергофе, тогда как Пётр III, по ее словам, «жил и пьянствовал в Ораниенбауме». 28 июня в 6 час. утра (Кейт утверждал, что в четвертом часу) в спальню Екатерины вбежал Алексей Орлов со словами: «Пора вам вставать; все готово для того, чтобы вас провозгласить»²⁶. Как писал Кейт, императрица поспешила одеться, вышла из дворца через черный ход и в сопровождении Орлова «без всякой прислуги», пустилась в путь. Спустя два часа, они въехали в город и отправились в казармы Измайловского полка, который уже был под ружьем под командованием гетмана Разумовского. Оттуда Ее Величество проехала к Семеновскому и Преображенскому полкам и в их сопровождении направилась ко дворцу²⁷.

Как утверждала сама Екатерина, когда она прибыла в Измайловский полк, там находилось всего 12 человек и один барабанщик, который забил тревогу. Тут же, продолжала Екатерина, «сбегаются солдаты, обнимают меня, целуют мне ноги, руки, платье, называют меня своей спасительницей». Затем привели священника с крестом, и все начали приносить присягу (Кейт подтверждал, что все полки присягнули «без малейшей нерешительности», исключая некоторых офицеров собственного полка императора — кирасиров)²⁸. После присяги все отправились в Семеновский полк, который приветствовал Екатерину криками: «Виват!». Вместе с полками она направилась в Казанский собор, где ее встречал Преображенский полк с извинениями за то, что «явились последними», поскольку часть офицеров задержала солдат, требуя оставаться верными императору Петру Фёдоровичу. К преображенцам вскоре присоединилась Конная гвардия, пребывавшая, по словам императрицы, «в диком восторге». «Я никогда не видела ничего подобного, — признавалась Екатерина, — плакала, кричала об освобождении Отечества». Затем Екатерина отправилась в Зимний дворец, где Синод и Сенат были уже в сборе. «Наскоро» составили манифест и присягу. Екатерина спустилась к войскам, которых, по ее оценкам, было более 14 тыс. чел. гвардии и полевых полков. «Едва увидели меня, — не могла сдержать

восторга Екатерина, — как поднялись радостные крики, которые повторялись бесчисленной толпой»²⁹.

Что же происходило в это время с императором? Как сообщал Кейт, ничего не подозревая о происходившем в Петербурге, Пётр III, направляясь из Ораниенбаума в Петергоф, повстречал слугу, посланного шталмейстером Нарышкиным, который и поведал императору о случившемся в столице. В Петергофе император узнал об отъезде императрицы — обстоятельстве, которое от него до тех пор скрывали, утверждая, что императрица нездорова и не встает с постели. «С этой минуты, — писал в своем донесении в Лондон Кейт, — несчастный император совершенно растерялся, а немногочисленные его приверженцы предалися отчаянию и смущению; долго они не знали, на что решиться, и лишь поздно вечером император со своей свитой... сел на галеру, проезжавшую мимо Петергофа и направился к Кронштадту, в надежде быть там принятым, но чиновники адмиралтейства, присланные из Петербурга, узнали его, и когда император подошел к гавани, его не только не впустили, несмотря на то, что он назвал себя по имени, но даже угрожали, что откроют по нему огонь. Отчаянье императора и свиты еще усилилось, и судно его вместе с остальными лодками, сопровождавшими его, направилось обратно к берегу, но разными дорогами — один к Петергофу, а другие к Ораниенбауму, между последними находился император с несколькими приближенными. В субботу утром он послал для переговоров с императрицей вице-канцлера Голицына и генерал-майора Измайлова. По прошествии некоторого времени Измайлов принес ему акт отречения от престола. Император немедленно подписал его и вместе с Измайловым сел в карету и поехал к Петергофу, после чего его никто не видел, и мне не удалось разузнать, куда его отвезли. Говорят, что в акте отречения от престола была статья, обещавшая императору свободу удалиться в Гольштейн»³⁰. Примечательно, что британский посланник, симпатизировавший императору, незадолго до указанных событий «всячески старался отговорить» его от намерения покинуть свои владения, и то лично намекал ему об этом, «то представлял всю опасность задуманного дела»³¹. Однако, как показали дальнейшие события, советы дипломата Петру III не пригодились.

Процедуру отречения от престола Петра III Екатерина описывала несколько иначе. Она хорошо понимала, что принесением присяги войском и ближайшими сановниками нельзя было ограничиваться. Следовало, по ее словам, «принять необходимые меры и закончить дело». Посовещавшись со своими единомышленниками, Екатерина решила отправиться в Петергоф (заметим, что идею отправиться в Петергоф, чтобы предупредить возвращение свергнутого императора в Петербург, Дашкова приписывала себе)³². Надев гвардейский мундир и приказав объявить себя полковником, что вызвало «неописуемые крики радости», императрица верхом выступила во главе войска. Одним из первых описал этот поход известный историк А.Г. Брикнер: «Была ясная летняя ночь. Екатерина, верхом, в мужском платье, в мундире Преображенского полка, в шляпе, украшенной дубовыми ветвями, из-под которой распущены были длинные красивые волосы, выступила с войском из Петербурга; подле императрицы ехала княгиня Дашкова, также верхом и в мундире: зрелище странное, привлекательное, пленительное. Эта сцена напоминала забавы Екатерины во время юности, ее страсть к верховой езде, и в то же время здесь происходило чрезвычайно важное политическое действие: появление Екатерины в мужском костюме, среди такой обстановки, было решающим судьбу России торжеством над жалким противником, личность которого не имела значения, сан которого, однако, оставался опасным до совершенного устранения его»³³.

Всю ночь процессия двигалась к Петергофу. По дороге их встретил вице-канцлер Голицын «с очень льстивым письмом» от Петра III. (Как утверждал

историк Шишов, в письме не было ни слова об отречении, а содержалась лишь просьба императора отпустить его за границу вместе с графиней Елизаветой Воронцовой и генерал-адъютантом Гудовичем, либо «разделить с ним власть») ³⁴. Екатерина, однако, оставила данное послание без ответа. Вскоре принесли второе письмо императора, которое доставил генерал-майор Михаил Измайлов. Он поведал Екатерине: «Император предлагает отречься. Я вам доставлю его после его совершенно добровольного отречения. Я без труда избавлю мое отечество от гражданской войны» ³⁵. В этом пересказе разговора Екатерины с генералом обращают на себя внимание две детали. Во-первых, то, что инициатива отречения от престола будто бы исходила от самого императора, и, во-вторых, что предполагалось «совершенно добровольное» его отречение. В сравнении с повествованием британского посланника версия Екатерины о данном инциденте, как мы видим, заметно разнилась.

Последующие события Екатерина описывала следующим образом: «Пётр III отрекся в Ораниенбауме безо всякого принуждения, окруженный 1590 голштинцами, и прибыл с Елизаветой Воронцовой, Гудовичем и Измайловым в Петергоф, где для охраны его особы я дала ему шесть офицеров и несколько солдат». Затем императора перевезли в местечко Ропша, «очень уединенное и очень приятное», находившееся в 25 верстах от Петергофа. Казалось, что Екатерина проявила должную заботу о своем супруге, а потому в случившемся позднее нет никакой ее вины, просто «господь Бог расположил иначе».

Что же произошло дальше со свергнутым императором по версии Екатерины? Она извещала Понятовского, что страх вызвал у Петра III диарею, продолжавшуюся три дня. На четвертый день он «чрезмерно напился», так как имел все, что хотел, кроме свободы. Впрочем, продолжала Екатерина, он попросил у нее «свою любовницу, собаку, негра и скрипку; но, боясь произвести скандал и усилить брожение среди людей, которые его караулили», она ему послала «только три последние вещи». Между тем, состояние здоровья бывшего императора резко ухудшилось: «его схватил приступ геморроидальных коллик вместе с приливами крови к мозгу; он был два дня в этом состоянии, за которым последовала страшная слабость, и, несмотря на усиленную помощь докторов, он испустил дух, потребовав перед тем лютеранского священника» ³⁶.

По-видимому, подобная версия не выглядела убедительной даже для самой Екатерины, и она высказала опасения, не отравили ли императора офицеры, повелев произвести его вскрытие. Результаты вскрытия Екатерина сочла «вполне достоверными»: следов отравы не нашли, император имел совершенно здоровый желудок и умер от воспаления в кишках и апоплексического удара ³⁷. Хорошо известно, что данный диагноз не соответствовал действительности: Пётр III умер не от болезни, а был убит заговорщиками, среди которых особую активность проявили граф Алексей Орлов, капитан Пётр Пассек и князь Фёдор Барятинский. Один из современников происшедших событий подчеркивал, что, несмотря на лавры победителя в битве при Чесме, Алексей Орлов снискал за свое «злодейство» славу человека «ненавистного и гнусного». Император Павел не простил убийцу своего отца и выслал его в Германию, где «от него бегут, от него отвертываются, как от одного из тех чудовищ, которое внушает ужас» ³⁸.

Почему же Екатерина скрыла от своего недавнего фаворита истинную причину смерти свергнутого императора? Быть может, она опасалась, что ее переписка с Понятовским получит огласку, а значит, обществу станут известны действительные причины кончины ее супруга? Конечно, этого нельзя исключать. Ведь с самого первого письма к Понятовскому от 2 июля 1762 г. Екатерина настоятельно просила его не спешить с приездом в Россию, поскольку это было бы опасно и «очень вредно» для нее. Она «до смерти» боялась за письма,

которые присылал ей Понятовский, и неоднократно просила его прибегать к шифрованию своей корреспонденции³⁹. Однако более существенным в стремлении Екатерины сохранить в тайне убийство императора нам представляется ее опасение выглядеть не должным образом не только в глазах своего бывшего возлюбленного, но, что более существенно, в глазах общественного мнения европейских государств. Не случайно, новоиспеченная императрица просила у Понятовского узнать о том, что «дурного» говорят о ней в чужих краях после происшедших событий⁴⁰.

Как бы то ни было, но западные дипломаты озвучили официальную версию. Кейт в донесении от 9 июля 1762 г. сообщал государственному секретарю Г. Гренвиллю: «...бывший император... скончался от сильного припадка колика следствия геморроя, которому он бывал часто подвержен. Император умер на маленькой казенной даче, в 18 верстах расстояния от Царского Села, где и находится в настоящую минуту, и куда народ стекается толпами, чтобы взглянуть на него. Похороны, как слышно, будут завтра или послезавтра». Спустя три дня, посланник в своей депеше добавлял: «Покойного императора похоронили в среду утром в Невском монастыре без всякой церемонии в присутствии чинов первых пяти классов»⁴¹.

Однако в официальную версию кончины Петра III поверили отнюдь не все европейские дипломаты. К примеру, секретарь французского посольства К.К. Рюльер не сомневался в насильственной смерти императора. Трудно сказать, какими именно источниками он располагал, описывая страшные события, но его повествование выглядело достаточно убедительным. Рюльер сообщал, что Алексей Орлов и приближенный гетмана статский советник Г.Н. Теплов «сначала попытались отравить императора, а потом удушили его». Они заявили к императору и объявили, что намерены с ним обедать. «По обыкновению русскому перед обедом подали рюмку с водкою, и подставленная императору была с ядом... Через минуту они налили ему другую. Уже пламя распространилось по его жилам, и злодейство, изображенное на их лицах, возбудило в нем подозрение — он отказался от другой; они употребили насилие, а он против них оборону. В сей ужасной борьбе, чтобы заглушить его крики, которые начинали раздаваться далеко, они бросились на него, схватили его за горло и повергли на землю. Но он защищался всеми силами, какие придает последнее отчаяние, и они... призвали к себе на помощь двух офицеров, которым поручено было его караулить и которые в сие время стояли у дверей вне тюрьмы. Это был младший князь Барятинский и некто Потёмкин, 17-ти лет от роду... Они прибежали, и трое из сих убийц, обвязав и стянувши салфеткою шею сего несчастного императора (между тем как Орлов обеими коленями давил ему на грудь и запер дыхание) таким образом его душили, и он испустил дух в руках их»⁴².

Также весьма любопытны описания Рюльера реакции императрицы на случившееся. «В сей самый день, когда сие случилось, государыня садилась за стол с отменною веселостью, — сообщал француз. — Вдруг является... Орлов — растрепанный, в поте и пыли, в изорванном платье, с беспокойным лицом, исполненным ужаса и торопливости, его сверкающие и быстрые глаза искали императрицу. Не говоря ни слова, она встала, пошла в кабинет, куда и он последовал; через несколько минут она позвала к себе графа Панина, который был уже наименован ее министром. Она известила его, что государь умер, и советовалась с ним, каким образом объявить о его смерти народу. Панин советовал пропустить одну ночь и на другое утро объявить сию новость, как будто сие случилось ночью. Приняв сей совет, императрица возвратилась с тем же лицом и продолжала обедать с тою же веселостью. Наутро, когда узнали, что Пётр умер от геморроидальной колики, она показала, орошенная слезами, и возвестила печаль своим указом»⁴³.

Отметим, что тайна смерти Петра III продолжает интересовать и современных историков, которые, впрочем, не высказывают никаких сомнений в насильственной кончине императора. Концепции ученых различаются лишь в вопросе способа умерщвления Петра III и имен непосредственных его исполнителей. К примеру, А.С. Мыльников полагал, что императора душил ружейным ремнем некий швед из бывших лейб-компанцев — Шванович⁴⁴.

Как бы то ни было, но сама Екатерина в письме к Понятовскому обращала внимание на наиболее активных исполнителей переворота. Она особо выделила братьев Орловых, подчеркнув, что они «блистали своим искусством управлять умами, осторожную смелостью... присутствием духа и авторитетом, который это поведение им доставило». Екатерина восхищалась братьями, полагая, что у них «много здравого смысла, благородного мужества. Они патриоты до энтузиазма и очень честные люди, страстно привязанные» к ней. Также императрица упомянула о капитане Пассеке, который «отличался стойкостью», брате адъютанта императора князе Бярятинском, офицере конной гвардии 22-летнем Хитрове и 17-летнем унтер-офицере Потёмкине. На взгляд Екатерины, последние руководили «со смелостью, мужеством и расторопностью». Однако, перечисляя активных участников переворота, императрица не забыла и о своей роли. «Все делалось, — признавалась она Понятовскому, — под моим ближайшим руководством»⁴⁵. В то же время Екатерина с долей цинизма утверждала о том, что на ее стороне (участие в государственном перевороте и убийстве супруга) была божья помощь. «Господь Бог привел все к концу, предопределенному им, и все это представляется скорее чудом, чем делом, предусмотренным и заранее подготовленным, — утверждала императрица, — ибо совпадение стольких счастливых случайностей не может произойти без воли Божией»⁴⁶.

В письмах к Понятовскому Екатерина делилась также своими планами на будущее. «Мое существование состоит и будет состоять в том, — писала она, — чтобы не быть под игом никакого двора... заключить мир, привести мое обремененное долгами государство в наилучшее состояние, какое только могу, и это все». Столь благородных целей императрица предполагала добиться с помощью особо доверенных лиц. В их число входили: сенатор из Коллегии иностранных дел Бестужев, с которым императрица, тем не менее, советовалась «лишь для виду»; преданный гетман Разумовский; «самый искусный, самый смысленный и самый ревностный человек при дворе» Панин, а также президент мануфактур-коллегии Адауров. По мнению Екатерины, все они «герои, готовые положить свою жизнь за Отечество и столь же уважаемые, сколь достойные уважения». Однако самым главным для императрицы в этих людях было то, что они делали только то, что она им «диктовала». «Я их всех выслушиваю и сама вывожу свои заключения», — утверждала императрица⁴⁷. В то же время Екатерина уже начинала тяготиться чрезмерной опекой и вниманием со стороны приближенных. «Могу вам сказать, — сообщала она Понятовскому в письме от 9 августа 1762 г., — что все это лишь чрезмерная ко мне любовь их, которая начинает быть мне в тягость. Они смертельно боятся, чтобы со мною не случилось малейшего пустяка. Я не могу выйти из моей комнаты без радостных восклицаний. Одним словом, — заключала Екатерина, — это энтузиазм, напоминающий собою энтузиазм времен Кромвеля»⁴⁸.

Обратимся теперь к рассмотрению реакции на свершившийся переворот со стороны официального Лондона. В своем письме к государственному секретарю Г. Гренвилю от 13 июля Кейт отмечал, что «был поражен этим внезапным переворотом». «Не говоря о личной моей признательности императору за все доказательства его милости и внимания ко мне, — продолжал посланник, — я опасаясь, что перемена правительства отразится на общем ходе дел в Европе, в особенности же на сношениях с королем прусским». Кейт обещал постоянно

сообщать в Лондон все сведения, какие ему только удастся получить при дворе. Однако он беспокоился за свое положение, поскольку «не имел счастья пользоваться расположением императрицы», а потому опасался, что от этого пострадают дела, и просил о своем отзыве из России «как можно скорее»⁴⁹. Просьба посланника была удовлетворена. 4 августа Гренвиль известил Кейта о том, что ему на смену в скором времени прибудет граф Бекингемшир, а пока поручал посланнику как можно скорее отправиться к петербургскому двору и, испросив аудиенцию у императрицы, вручить верительную грамоту от короля «любезнейшей сестре нашей императрице русской». В дополнение к «уверениям в ней заключенным» посланнику предлагалось высказать императрице «высокое уважение и преданность» короля Великобритании, а также его искреннее желание «продолжать тесную дружбу и согласие между правительствами».

Государственный секретарь Гренвиль переслал Кейту копию ответа короля на сообщение императрицы о вступлении на престол. Монарх извещал, что в письме императрицы заключались «сильнейшие уверения» в ее расположении поддерживать с Великобританией мир и согласие, и потому требовал от посланника «постоянно доказывать словом и делом», что чувства Георга III по этому предмету «совершенно сходны с чувствами императрицы», и что он желает и всегда готов вступить с ней в переговоры и испрашивать ее совета «касательно всех мер, действительно клонящихся к взаимным интересам» владений обеих империй.

12 августа 1762 г. Роберт Кейт получил депешу из Лондона, в которой сообщалось, что он может покинуть Россию и возвратиться на родину. В октябре он отплыл в Англию и по возвращении вместе с семьей поселился в поместье неподалеку от Эдинбурга. Нельзя сказать, чтобы вернувшись из России Роберт Кейт совсем отошел от дел. Правительство не раз доверяло ему важные дипломатические поручения. Так, в 1772 г. король Георг III Ганновер направил Кейта для участия в переговорах об освобождении из тюремного заключения своей сестры Каролины Матильды, королевы Дании. Миссия Кейта оказалась успешной, королева была спасена и на британском судне переправлена во владения Ганноверов⁵⁰.

Блестящая операция по освобождению сестры короля, осуществленная при содействии дипломата Роберта Кейта, оказалась последним предприятием в его служебной карьере. Спустя два года, в 1774 г., Роберт Кейт ушел из жизни.

Примечания

1. *Memoires and Correspondence (Official and Familiar) of Sir Robert Murray Keith. Vol. I.* L. 2011, p. 1—2.
2. *Ibidem.*
3. *Ibid.*, p. 30.
4. *Ibid.*, p. 31.
5. *Ibid.*, p. 33—34.
6. *Ibid.*, p. 34.
7. *Ibid.*, p. 35.
8. *Ibid.*, p. 41.
9. *Ibid.*, p. 42.
10. *Ibid.*, p. 45.
11. *Ibid.*, p. 46.
12. *Ibid.*, p. 47—48.
13. Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе. Сб. исторического общества. Т.12. СПб. 1873, с. 2.
14. *Memoires...*, p. 53.
15. Письма Екатерины к Понятовскому. В кн.: Тайны и истории Екатерины II в воспоминаниях современников, оценках историков. М. 1998, с. 129—130.

16. Там же, с. 129.
17. Там же, с. 134.
18. Дипломатическая переписка..., с. 8—9.
19. Там же, с. 8.
20. Mémoires..., p. 60.
21. Письма Екатерины к Понятовскому, с. 133—134.
22. ДАШКОВА Е.Р. Записки. 1743—1810. Л. 1985, с. 30.
23. СУВОРОВ А.А. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова. СПб. 1888, с. 34, 42—48; ЛОЗИНСКАЯ Л.Я. Во главе двух академий. М. 1983, с. 18—22; ТЫЧИНИНА Л.В., БЕССАРАБОВА Н.В. «... Она была рождена для больших дел». Летопись жизни княгини Е.Р. Дашковой. М. 2009, с. 29.
24. САФОНОВ М.М. Письмо Е.Р. Дашковой Г.К. Кейзерлингу о дворцовом перевооружении 28 июня 1762 года. В кн.: Е.Р. Дашкова и русская культура. От эпохи Просвещения к современности. М. 2014, с. 29—37.
25. ШИШОВ А.В. Тайны эпохи Екатерины II. М. 2007, с. 46.
26. Письма Екатерины к Понятовскому, с. 130.
27. Дипломатическая переписка..., с. 4.
28. Там же, с. 4—5.
29. Письма Екатерины к Понятовскому, с. 130—131.
30. Дипломатическая переписка..., с. 5—6.
31. Там же, с. 10.
32. ДАШКОВА Е.Р. Записки..., с. 43—45.
33. БРИКНЕР А.Г. История Екатерины Великой. Ч. 1—5. СПб. 1885; Цит. по: ШИШОВ А.В. Ук. соч., с. 58—59.
34. ШИШОВ А.В. Ук. соч., с. 59.
35. Письма Екатерины к Понятовскому, с. 131.
36. Там же, с. 132.
37. Там же.
38. Тайны и истории Екатерины II в воспоминаниях современников..., с. 231.
39. Письма Екатерины к Понятовскому, с. 129, 135, 137—138.
40. Там же, с. 137.
41. Дипломатическая переписка..., с. 25, 28.
42. РЮЛЬЕР К.К. Екатерина II и ее окружение. М. 1996, с. 100.
43. Там же.
44. Подробнее см.: МЫЛЬНИКОВ А.С. Петр III. М. 2002; ЕЛИСЕЕВА О.И. Тайна смерти Петра III. М. 2013.
45. Письма Екатерины Понятовскому, с. 133—134.
46. Там же, с. 134.
47. Там же, с. 136—137.
48. Там же, с. 135.
49. Дипломатическая переписка..., с. 13.
50. Подробнее см.: Memoires of Carolina Matilda, Queen of Denmark. In: Memoires..., p. 154—345.

Несостоявшаяся депортация корейцев Сахалинской области в 1952 г.

Ю.И. Дин

История депортаций и насильственных миграций в Советском Союзе — тема, привлекающая внимание общества не только в России, но и за рубежом. Открытие архивов и снятие цензурных запретов, существовавших в советский период, значительно активизировали научные исследования по этой теме.

Большая часть депортаций имела место в конце 1930-х — начале 1940-х гг. и носила этнический характер — принудительно перемещались сразу все представители определенного народа, проживавшего в одном из районов СССР. Самой распространенной причиной депортаций была геополитическая обстановка — возникавшая опасность войны с тем или иным государством приводила советскую власть к решению переселять подальше от границы этносы, признанные политически неблагонадежными. Депортации в разные годы были подвергнуты корейцы Дальнего Востока, поволжские немцы, финны-ингерманландцы и другие народы СССР.

Данное исследование посвящено малоизвестному событию 1952 г. — возможной, но неосуществленной депортации корейцев Сахалинской области, сведения о которой сохранились в российских архивах. Документы, содержащие эти сведения, впервые вводятся в научный оборот, а их анализ не только освещает одну из страниц истории сахалинской корейской диаспоры, но и косвенно помогает пролить свет на депортацию корейского населения советского Дальнего Востока в районы Средней Азии в 1937 году.

Тема возможной депортации сахалинских корейцев никем не исследовалась ни в России, ни за рубежом. О ней не упоминают ни Бок Зи Коу, ни Пак Сын Ы, ни самый известный исследователь истории сахалинских корейцев А.Т. Кузин¹. История исследования депортации корейцев 1937 г. изучена не в пример лучше. Исследователи Г.Н. Ким², М.Д. Тен³, Л.И. Сим⁴, Ж.Г. Сон⁵, Дж. Стефан⁶ и другие создали обширную историографию истории выселения корейского населения с советского Дальнего Востока, высказав различные точки зрения на причины и процесс депортации.

Корейское население России имеет интересную и сложную историю. Корейцы впервые появились на территории российского Дальнего Востока во

Дин Юлия Ивановна — младший научный сотрудник Государственного исторического архива Сахалинской области. Южно-Сахалинск.

второй половине XIX века. Получив от Китая в 1858—1860 гг. обширные территории, которые входят в состав нынешнего российского Дальнего Востока, Российская империя приобрела и 14 км границы с Кореей. Ее и стали вскоре пересекать корейские мигранты, гонимые голодом и нуждой. Они селились вдоль границы, и к 1897 г. их число достигло 25 996 человек ⁷.

В результате русско-японской войны 1904—1905 гг. Россия не только уступила Японии южную часть Сахалина, но и отказалась от активной политики на Корейском полуострове. Это привело к аннексии Кореи Японией в 1910 году. После этого поток мигрантов из Кореи в Россию увеличился и ко второй половине 1930-х гг. корейское население России возросло до 204 тыс. человек ⁸. Корейцы активно участвовали в жизни новой родины — в частности, после Октябрьской революции 1917 г. они приняли сторону большевиков и помогли становлению советской власти на Дальнем Востоке.

1937 г. был тяжелым годом в истории советских корейцев. По решению Политбюро ВКП(б) все корейское этническое население было депортировано с Дальнего Востока. Из 171 781 депортированного корейца в Казахстан было переселено 95 256 чел., в Узбекистан — 76 525 человек ⁹. Были депортированы и все корейцы северного Сахалина — 1 155 человек ¹⁰. Корейцам запрещалось покидать территории поселений без специального разрешения советских властей. Стоившая многих жертв, депортация 1937 г. считается самой мрачной и тяжелой страницей истории этнических корейцев Советского Союза.

Причины данного решения советских властей до сих пор вызывают споры среди исследователей. В самом решении Политбюро от 21 августа 1937 г. говорилось, что депортация направлена на «пресечение проникновения японского шпионажа в ДВК» ¹¹. Исследователи, тем не менее, стараются рассматривать данный вопрос несколько шире.

Наиболее близкой к официальной версии является мнение М.Д. Тена, который считает, что причиной депортации было предвещающее войну с Японией стратегическое планирование советского руководства, у которого плотные и густонаселенные этнические районы не могли не вызывать беспокойства ¹².

Ж.Г. Сон считает, что политика сталинского руководства в данном случае продолжала традиционную политику царской России, в которой важную роль играла теория «географии неблагонадежности», что позволяло применять механизм массовых принудительных миграций. Тоталитарный режим осуществлял противоправные действия по отношению ко всем этническим общностям Союза ССР ¹³.

Исследователь Л.М. Сим находит причины депортации корейцев и всех последующих насильственных переселений этнических групп в самой сущности тоталитарного режима. По мнению ученого, советская власть, провозглашенная новой формой самого справедливого и демократического государства, в действительности являлась орудием господства чиновно-бюрократического правящего класса во главе с партийным руководством ¹⁴.

Известный казахстанский ученый Г.Н. Ким также считает основополагающей причиной депортации корейцев великодержавную линию во внутренней и внешней политике тоталитарного режима, внушавшего народу образ лютого и коварного внутреннего врага ¹⁵.

С.М. Хан и В.С. Хан связали причины депортации с фигурой руководителя советского государства — И.В. Сталина. Изучение его личности, по мнению исследователей, раскрывает сущность его жестких методов. Новые «враги», «вредители», «неблагонадежные» были необходимым стимулом сталинской политики тотального террора. И чем иррациональней были аресты, расстрелы и депортации, массовые перемещения миллионов людей во всех направлениях, тем лучше достигалась «цель Системы — всеобщий страх, подавление Я, деформация сознаний, беспрекословное подчинение» ¹⁶.

Миграция корейского населения с территории Корейского полуострова на Сахалин отличалась от миграции на Дальний Восток. Подавляющее большинство предков современных сахалинских корейцев попали на южную часть Сахалина в период, когда там существовало японское губернаторство Карафуто. Составляя (наряду с Кореей) колониальные владения Японской империи, промышленность острова остро нуждалась в рабочей силе. Часть корейского населения приехала добровольно, привлеченная высокими зарплатами в угольной промышленности, часть была завербована в рамках трудовой мобилизации населения, объявленной японскими властями с началом Тихоокеанской войны¹⁷.

После окончания второй мировой войны в 1945 г. территории Южного Сахалина и Курильских островов перешли от Японии к Советскому Союзу. Население этих территорий должно было вернуться на родину по примеру этнических немцев, массово направленных из Кёнигсберга в Германию. Для осуществления репатриации населения с Южного Сахалина и Курильских островов требовалось плотное сотрудничество между Советским Союзом и Соединенными Штатами, поскольку именно последние контролировали и Японию, куда необходимо было репатриировать этнических японцев, и юг Корейского полуострова, куда стремились вернуться корейцы Южного Сахалина¹⁸.

Японское население — 280 тыс. чел. — было отправлено в Японию в 1946—1949 годах¹⁹. Корейцы, численность которых составляла около 27 тыс. чел.²⁰, остались проживать на острове. Вернуться на родину им помешала холодная война между Советским Союзом и Соединенными Штатами, ставшая геополитической реальностью уже к концу 1940-х годов.

В 1946—1949 гг. к корейскому этническому населению, прибывшему на остров Сахалин до 1945 г., добавились корейцы с севера Корейского полуострова (ныне КНДР), которых советское правительство по соглашению с северокорейскими властями вербовало для работы в промышленности Дальнего Востока. Всего за этот период на Сахалин прибыло 26 тыс. чел., а вернулось в Северную Корею по истечении трудового контракта — 14,5 тыс. корейцев²¹. Таким образом, на острове осталось проживать около 11,5 тыс. северокорейских рабочих.

Их вербовка и запрет на репатриацию корейцев — бывших жителей японского Южного Сахалина — в первые послевоенные годы были следствием нужды развитой промышленности Сахалинской области в рабочих руках. Переселение советских граждан на острова шло медленнее, чем репатриация японцев, к тому же на всей территории Советского Союза ощущался недостаток людских ресурсов после тяжелых потерь Великой Отечественной войны.

С другой стороны, советское правительство остро реагировало на возможные проблемы с этническим населением, которое было плохо знакомо с советской системой и советскими законами, а зачастую даже не знало русского языка. В Государственном историческом архиве Сахалинской области хранятся документы, освещающие события, которые, с точки зрения советских властей, могли поставить под угрозу мирную обстановку на островах.

Например, в июле 1949 г. следственным отделом УМГБ были арестованы шесть корейцев по обвинению в активном участии в политической организации «Кёвакай»²² в японский период, антисоветской агитации среди корейского населения, поддержке японской и американской политики. Всем обвиняемым был вынесен тяжелый приговор — 25 лет исправительно-трудовых лагерей, несмотря на то, что само «преступление» имело место еще до того, как территория Южного Сахалина стала советской. В 1945—1953 гг. за участие в деятельности «Кёвакай» были осуждены и другие корейцы, проживавшие на Сахалине²³. Позже многие из них были амнистированы, а в 1989 г. признаны жертвами политических репрессий²⁴.

В 1951 г. впервые заявило о себе и общественное движение сахалинских корейцев за репатриацию в Корею. Так, в июне 1951 г. четыре сахалинских корейца создали первую политическую партию сахалинских корейцев «Компартия Кореи», главной целью которой была провозглашена репатриация корейцев в Южную Корею. Активисты написали и стали распространять партийные документы — «Устав Компартии Кореи», «Манифест Компартии Кореи», первый номер газеты «Объединимся!». Им удалось привлечь к себе внимание в корейской диаспоре, а также вдохновить своими идеями корейскую молодежь — в основном учеников корейских школ 16—17 лет ²⁵.

Органы следственных дел особо зафиксировали не только факт создания партии, которая была коммунистической, а потому не могла быть под запретом, но и методы, которые активисты собирались применять для достижения своей цели. Среди них выделялись не только широкая пропаганда «Компартии Кореи» среди сахалинского корейского населения и подача петиций в Верховный Совет СССР, но и «ведение борьбы через правительство Японии и находящихся там американских военных представителей, а также сеульское правительство и ООН за возвращение в Корею» ²⁶.

Партия просуществовала недолго. Уже в ноябре 1951 г. четыре активиста были арестованы, а вскоре осуждены сахалинским областным судом на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. После смерти Сталина их дела были пересмотрены, и они вышли на свободу, проведя в местах лишения свободы около трех лет. Трое из них позже уехали в Северную Корею, один остался на Сахалине. В 1990-х гг. их также признали жертвами политических репрессий ²⁷.

Такая взрывоопасная ситуация не могла не беспокоить советское правительство, особенно, учитывая накал международной ситуации в тот период. 25 июня 1950 г. началась Корейская война между двумя государствами Корейского полуострова. В военные действия были вовлечены страны, которые стояли за каждым из корейских государств. На стороне Южной Кореи под флагом ООН воевали Соединенные Штаты, а Северной Кореи неофициально помогали Советский Союз и Китай. В 1953 г. удалось добиться перемирия, но холодная война длилась до 1991 года.

О возможной депортации сахалинских корейцев с Сахалина впервые заговорили в 1952 году. 13 февраля было издано Постановление Совета Министров СССР № 753-270сс, которое относилось Сахалинскую область (включавшую в себя весь остров Сахалин и все Курильские острова) к режимной пограничной зоне, в которой запрещалось нахождение иностранцев. Большинство корейцев, проживавших в области, либо имели гражданство КНДР, либо были лицами без гражданства, так как, утратив японское подданство, они не приобретали автоматически советского гражданства и поэтому также попадали под действие данного распоряжения.

Выпустив постановление о режимной области, центральное правительство направило в сахалинский облисполком следующий запрос: «Согласно Постановлению Совета Министров СССР от 13 февраля 1952 г. № 753-270 Министерство лесной промышленности СССР и Министерство рыбной промышленности СССР обязаны использовать корейских рабочих только в нерезимных районах Сахалинской области, Хабаровского и Приморского краев по согласованию с местными органами МГБ и произвести перемещение этих рабочих из режимных в нерезимные районы в течение первого полугодия 1952 г.» ²⁸.

Возможность полного насильственного переселения корейцев из режимной области на материковую часть Советского Союза была реальной, особенно, если учитывать тот факт, что им в тот период не было разрешено приобретать гражданство СССР.

Ответом на данный запрос из центра был доклад сахалинских властей следующего содержания: «...докладываем, что на территории Сахалинской области находится 11 700 корейцев, прибывших из Северной Кореи по индивидуальным трудовым соглашениям, из которых 5410 заняты на работе в рыбной промышленности, остальные 3165 человек иждивенцы. Кроме того, на Южном Сахалине проживает 27 335 корейцев, завезенных ранее японцами. В связи с тем, что вся Сахалинская область является режимной, а перемещение корейцев в нережимные районы без большой подготовительной работы и значительных материальных затрат в настоящее время осуществить не представляется возможным, считаем целесообразным пункт “а” § 3 Постановления Совета Министров СССР № 753-270сс от 13 февраля 1952 года на Сахалинскую область не распространять»²⁹.

Совет Министров СССР счел нужным согласиться с мнением сахалинского обкома, и 28 июня 1952 г. председатель советского правительства Сталин подписал распоряжение за № 16338-рс, которое исключало Сахалинскую область из числа режимных областей, где воспрещалось проживание иностранцев³⁰. Таким образом, здравомыслие сахалинских властей не позволило повториться трагедии 1937 года.

В том же году, 6 мая 1952 г., вышло Постановление Совета Министров СССР, которое позволяло сахалинским корейцам получать советское гражданство по упрощенной процедуре³¹. Стоит учитывать, что советское правительство с 1945 г. предпринимало значительные усилия, чтобы облегчить корейцам Сахалина адаптацию к жизни в СССР, — создавало корейские школы, театр, библиотеки, газету и радио на корейском языке, боролось с неграмотностью. Постановление о гражданстве стало еще одной мерой, говорящей о том, что советские власти в тот период взяли курс на интеграцию корейского населения в сахалинское советское общество.

Таким образом, в сходных ситуациях советское правительство принимало различные решения по отношению к корейскому этническому населению. Что же поменялось в промежутке между 1937 и 1952 годами? По нашему мнению, изменилась геополитическая ситуация — отгремели битвы второй мировой войны, и с восточных рубежей СССР исчез грозный противник — Японская империя, которая и была основной проблемой Советского Союза в Азии в преддверии мировой войны.

Учитывая данное обстоятельство, можно сделать вывод о том, что причиной депортации корейцев с Дальнего Востока в 1937 г. были все-таки внешнеполитические задачи СССР в Азии, изменившиеся за 15 лет, а не «сущность тоталитарного режима» и феномен «личности Сталина».

Проведя анализ вышеприведенных документов, можно прийти к следующим выводам. Политика советских властей по отношению к корейскому этническому населению менялась в зависимости от геополитической ситуации. Депортация корейского населения с Дальнего Востока в Среднюю Азию в 1937 г. была обусловлена наличием стратегического противника — Японии — на дальневосточных рубежах. Подобной опасности советские власти не видели в 1952 г., что, в конце концов, привело к отказу от планировавшегося выдворения корейцев с Сахалина. Необходимость значительных финансовых затрат и заступничество сахалинской администрации сыграли большую роль — депортация корейцев не состоялась.

Примечания

1. Данные авторы являются самыми признанными исследователями истории сахалинских корейцев. Некоторые работы см.: БОК ЗИ КОУ. Корейцы на Сахалине. Южно-Сахалинск. 1993; ПАК СЫН Ы. Проблемы репатриации сахалинских ко-

- рейцев на историческую родину. В кн.: Сахалин и Курилы: история и современность: материалы региональной научно-практической конференции, 27—28 марта 2007 г. Южно-Сахалинск. 2008, с. 277—287; КУЗИН А.Т. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы. Южно-Сахалинск. 1993. 368; ЕГО ЖЕ. Исторические судьбы сахалинских корейцев. Южно-Сахалинск. 2010.
2. КИМ Г.Н. История иммиграции корейцев. Кн. 1. Алматы. 1999; ЕГО ЖЕ. Депортация 1937 г. как продукт русской и советской национальной политики. В кн.: Столетие российской истории XX в.: реформы и изменения. Сб. материалов конференции (17—18 ноября 2000). Сеул. 2000, с. 249—271.
 3. ТЕН М.Д. К вопросу о причинах депортации корейцев из Дальнего Востока России в Узбекистан в 1937—1938 гг. — Узбекистан Тарихи. 2010, № 3, с. 74—81.
 4. СИМ Л.М. Корейцы Союза ССР, России и Казахстана: социокультурные процессы (20-е годы XX века — начало XXI в.). Дисс. канд. ист. наук. Краснодар. 2006.
 5. СОН Ж.Г. Корейцы Дальнего Востока в системе межэтнических отношений Союза ССР. 1920—1930-е гг. Дисс. канд. ист. наук. М. 2009.
 6. СТЕРНАН J. The Korean Minority in the Soviet Union. University of Hawaii. 1971.
 7. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Т. II. СПб. 1905, табл. XIII. http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php?reg=0.
 8. ПАК Б.Д. Корейцы в советской России (1917 — конец 30-х годов). Иркутск. 1995.
 9. КУЗИН А.Т. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы. Южно-Сахалинск. 1993, с. 134.
 10. Государственный исторический архив Сахалинской области (ГИА СО), ф. 1038, оп. 1, д. 79, л. 4.
 11. Решение Политбюро ЦК ВКП(б) № П51/734 от 21 августа 1937 г. <http://www.memo.ru/history/document/corea.htm>.
 12. ТЕН М.Д. Ук. соч., с. 79.
 13. СОН Ж.Г. Ук. соч., с. 211—212, 247.
 14. СИМ Л.М. Ук. соч., с. 86.
 15. КИМ Г.Н. Причины депортации корейцев: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/d2rtf.shtml.
 16. ХАН С.М., ХАН В.С. Сталинизм: к вопросу о причинах политики депортации. — Известия о корееведении в Казахстане и Средней Азии. 1993, вып. 4, с. 7—14.
 17. В зарубежной историографии под Тихоокеанской войной подразумеваются те кампании второй мировой войны, которые велись на Азиатско-Тихоокеанском направлении.
 18. По примерным подсчетам, около 95% корейцев Южного Сахалина были родом с южной, аграрной, части Корейского полуострова, где японское правительство предпочитало набирать рабочую силу для работы на шахтах Карафутто.
 19. КИМ И.П. Репатриация японцев с Южного Сахалина в послевоенные годы. — Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2009, вып. 12, с. 26—30.
 20. ГИА СО, ф. 171, оп. 3, д. 5, л. 9—10.
 21. Там же, ф. 523, оп. 3с, д. 3, л. 27.
 22. Кёвакай (Общество согласия) — японская политическая организация, действовавшая в Японской империи (в основном в Маньчжурии, Корее, на Южном Сахалине) в 1932—1945 годах. Была создана японскими властями для объединения и контроля за китайцами, корейцами и другими нетитульными нациями и поддержки захватнической политики Японии в Северо-Восточной Азии.
 23. ГИА СО, ф. 1174, оп. 2, д. 2896, л. 353; д. 2897, л. 303; д. 2898, л. 272; д. 2899, л. 224; д. 2900, л. 223; д. 2471, л. 194.
 24. Там же, д. 2168, л. 359.
 25. Там же, д. 2172, л. 341—355.
 26. Там же, л. 4.
 27. Там же, л. 448—504.
 28. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 5446сч, оп. 86а, д. 7624, л. 1.
 29. Там же, л. 5.
 30. Там же, л. 7.
 31. ГИА СО, ф. 53, оп. 7, д. 181, л. 20.

Информационное сотрудничество Азербайджана с Россией

С.Р. Мамедов

Информационное сотрудничество между Азербайджаном и Россией создает атмосферу доверия между обеими странами, позитивно влияя на развитие и углубление двухсторонних отношений в сфере политики и экономики.

Азербайджан и Россия опираются на глубокие традиции сотрудничества во всех областях жизни общества, в том числе и в сфере развития средств массовой информации. Находясь в составе Российской империи, а в последующем и Советского Союза, Азербайджан совместно с другими регионами и народами входил в обширное единое информационное пространство. В стране действовала централизованная система СМИ, охватывавшая своими нитями все регионы, города и районы страны. В свою очередь, потребности развития народов настоятельно требовали издания газет и журналов на языках местных национальностей. В тех краях и областях, где компактно проживали представители разных национальностей, возникала необходимость выпуска периодических изданий уже на нескольких языках.

В связи с тем, что Азербайджан всегда отличался многонациональным составом населения, кроме периодических изданий на азербайджанском языке здесь выходили газеты на русском, грузинском, армянском, лезгинском и других языках.

Необходимо учесть, что периодическая печать всегда являлась наглядным отражением конкретного исторического развития и играла важную роль в формировании общественного мнения. Печать Азербайджана, как и пресса России, прошла сложный путь, наглядно отражая борьбу прогрессивных и реакционных тенденций в общественно-политической жизни страны на всем протяжении двух последних столетий.

Первым периодическим изданием, выпускавшимся на территории Азербайджана, была газета «Бакинский листок». Газета выходила в 1871—1872 гг. и печаталась на русском языке. По характеру эта была общественно-экономическая газета, после выхода 23-го номера ее издание было приостановлено. Через несколько лет, в 1876 г., в Баку начала выходить другая газета на русском

Мамедов Сабир Рза оглы — кандидат исторических наук, доцент Бакинского государственного университета.

языке — «Бакинские известия». Являясь официальным органом Губернского правления, она вскоре была переименована в «Бакинский торгово-промышленный листок» и просуществовала до 1905 года.

Анализ библиографических данных позволяют утверждать, что с 1871 по 1900 г. в Азербайджане на русском языке в разное время издавалось 6 газет¹. Среди них были «Бакинские губернские ведомости», «Бакинские объявления», «Биржевые ведомости» и другие. В целом эти газеты представляли собой официальные проправительственные листки, в которых публиковались различные сведения о торговле и промышленности. Многие из них не оставили после себя заметного следа в общественном сознании и в культурной жизни края.

Однако среди этих немногочисленных изданий одна газета сыграла весьма важную роль в общественно-политической жизни Азербайджана начала XX века. Эта была газета «Каспий». С первых дней своего издания газета зарекомендовала себя как буржуазно-либеральный орган. На начальном этапе она выражала интересы всей местной, а в последующем, в основном национальной буржуазии. Согласно требованиям политической ситуации в России, «Каспий» очень часто предоставлял свои страницы материалам, освещавшим демократические процессы, а в период первой русской революции — даже пропаганде откровенно антиправительственных воззрений. Газета издавалась с 1881 по 1919 год. Она выходила в очень сложный исторический отрезок времени, сменила ряд издателей, редакторов, сплотила вокруг себя видных публицистов, писателей, общественных деятелей.

Основная роль в создании неофициальной газеты «Каспий» принадлежала коллежскому регистратору В.В. Кузьмину. Он заручился поддержкой бакинского губернатора, который обратился в Главное Управление по делам печати и указал на «желательность появления в Баку нового периодического органа, независимого от частных лиц, обществ и учреждений»². Разрешение на издание газеты было получено 8 декабря 1880 года³.

Весьма современно звучат цели и задачи газеты «Каспий», изложенные в передовой статье первого номера. Редактор Кузьмин подчеркивал важность предоставления органам печати права выносить на суд общественности деятельность городской думы, благотворительных обществ и других выборных учреждений. Газета с первых дней заняла линию умеренной критики общественных недостатков. На первых порах она выходила раз в неделю, а с 1884 г. стала ежедневной⁴. В 1898 г. газета приобрела нового владельца; с этого времени она стала издаваться на средства известного азербайджанского нефтепромышленника З.А. Тагиева, а редактором был назначен А.М. Топчибашев⁵. Такой поворот событий насторожил бакинскую губернскую жандармерию, о чем свидетельствует ее донесение в Главное Управление по делам печати⁶. С этого времени газета «Каспий» превратилась в центр пропаганды буржуазных, а порой и революционно-демократических взглядов. С газетой активно сотрудничали Г.Б. Зардаби, П.Т. Гордиевский, Н.О. Ракшанин, М. Махмудбеков, Н. Нариманов, М. Шахтагинский, Н.Б. Везиров и другие.

В 1907 г. в связи с отстранением Топчибашева от редактирования газеты некоторое время обязанности редактора выполнял А.Б. Гусейнзаде⁷. С октября 1907 г. вплоть до 1919 г. газету редактировал А.А. Вейнберг. Газета запечатлела на своих страницах все важнейшие события, происходившие в Азербайджане в начале XX века. Представители азербайджанской интеллигенции активно использовали ее для пропаганды своих демократических взглядов.

Рост числа периодических изданий на русском языке в Азербайджане пришелся на период бурных революционных событий. По нашим подсчетам, проведенным на основе библиографических сведений, в 1901 г. в Баку на русском языке выходило 7 периодических изданий, в 1902 — 9, в 1903 — 9, в 1904 —

12, в 1905 — 16, в 1906 — 28, в 1907 г. — 27 газет и журналов⁸. В целом, накануне и в период первой русской революции, таких печатных изданий было 52. Некоторые газеты издавались на протяжении нескольких лет, другие сходили с общественной арены через несколько месяцев после начала их издания. Газеты имели разный политический оттенок, принадлежали к разным социальным группам, отличались своим интеллектуальным уровнем и качеством выпуска. Издавались также специализированные издания, такие как журналы «Нефтяное дело», «Кавказ и Средняя Азия в фотографиях и описаниях» и другие.

Необходимо учесть, что некоторая часть периодических изданий на русском языке выпускалась в Азербайджане нелегально. О них можно судить только на основе жандармских донесений, воспоминаний лиц, издававших эти печатные органы, а также участников общественных и революционных событий тех лет. Так, в марте-апреле 1906 г. членам местной социал-демократической организации удалось наладить выпуск молодежного журнала «Набат»⁹. К сожалению, экземпляры этого журнала до сих пор не обнаружены.

В начале 1907 г. в бакинской мужской гимназии стал издаваться другой молодежный печатный орган под названием «Школа и жизнь». Ответственными редакторами этого ежемесячного научно-литературного журнала были учителя того же учебного заведения — И.М. Гепнер и П.К. Иоселиани. По мнению инспектора по делам печати в Баку Е. Богословского, журнал «Школа и жизнь» был более «вредным» изданием, чем многие легально издаваемые социал-демократические газеты¹⁰. В официальном донесении о первом номере журнала Богословский писал, что опубликованные на его страницах материалы имеют «безответственный» и «преступный» характер¹¹. Деятельное участие в издании молодежного журнала «Школа и жизнь» принимал член социал-демократической организации, 24-летний С. Крунтяев¹². На основе секретных донесений, полиция установила месторасположение квартиры Крунтяева и 5 марта 1907 г. произвела у него обыск¹³. Власти обвинили Крунтяева в политическом преступлении и возбудили против него дело, основанием для которого, по словам жандармов, послужили рукописи, содержащиеся в себе «учение, возбуждавшее к ниспровержению существующего государственного строя»¹⁴. После этого распоряжением наместника царя на Кавказе журнал «Школа и жизнь» был закрыт «за вредное направление»¹⁵. В связи с этим, в газете «Каспий» была помещена небольшая информация, в которой отмечалось, что журнал перестал издаваться «по независящим от редакции обстоятельствам»¹⁶. По словам инспектора по делам печати в Баку Богословского, «Школа и жизнь» был единственным в 1907 г. бакинским журналом, выпуск которого был прекращен по приказу царских властей.

В 1905—1907 гг. революционные социал-демократы Азербайджана организовали также выпуск таких газет, как «Последние известия Черногогородского и Железнодорожного районов», «Бакинский рабочий», «Призыв», «Рядовой»¹⁷ и другие. Газета «Бакинский рабочий» была органом Бакинской организации РСДРП. Ее первый номер вышел в начале мая 1906 г., однако через некоторое время ее выход прекратился. Издание возобновилось только в 1908 году. «Бакинский рабочий» имеет весьма длительную историю, на протяжении 70 лет он являлся центральным органом руководящей партии Азербайджана. Впоследствии издателем газеты стал выступать редакционный коллектив, она продолжает выходить и в настоящее время.

Весьма интересным на наш взгляд является анализ состояния местной русской прессы в период независимости Азербайджана в 1918—1920 годах. Следует учесть, что в этот период русское население Азербайджана было широко представлено в парламенте республики в составе партийных групп, а также в от-

дельной «фракции славяно-русского общества». На традиционно доверительное отношение новых властей к русской прессе Азербайджана наглядно указывает количество периодических изданий, выпускавшихся в те годы. По нашим подсчетам в 1918—1920 гг. в Баку, Гяндже, Шуше и других городах Азербайджана на русском языке издавался 61 печатный орган¹⁸.

Официальная газета правительства АДР, которая выходила под названием «Азербайджан», издавалась на четырех страницах. Две из них печатались на азербайджанском языке, две — на русском. Первые 4 номера были выпущены в Гяндже. В последующем газета продолжила издаваться в Баку. Редактором русского издания был член азербайджанского парламента Ш. Рустамбеков. За годы независимости Азербайджана вышло 522 номера¹⁹. Газета издавалась на средства правительства и печаталась в государственной типографии.

Другой официальный печатный орган АДР под названием «Вестник правительства Азербайджанской Республики» также издавался на азербайджанском и русском языках. Редактировал еженедельное издание А. Кричинский, в качестве издателя выступало Управление делами правительства АДР. В 1919 г. вышло 25 номеров «Вестника», а в 1920 г. — 20.

После апрельских событий 1920 г. в Азербайджане была установлена советская власть, а затем он был включен в состав Закавказской Социалистической Федеративной Советской республики. В стране формировалась целостная и обширная система партийно-советской печати. Все элементы этой централизованной структуры нашли свое воплощение в общественно-политической жизни Азербайджана. Все печатные издания в Азербайджане, начиная от центральных республиканских органов печати и кончая многотиражными газетами на предприятиях, выполняли четко выраженную идеологическую функцию. СМИ Азербайджана являлись составной частью партийно-советской печати СССР.

Коренные изменения в общественной и политической жизни страны в начале 90-х гг. XX в. сопровождались формированием новых форм взаимоотношений между прежними союзными республиками, теперь уже молодыми самостоятельными государствами. В этом процессе очень важно было сохранить лучшие традиции взаимовлияния и взаимообогащения национальных культур, весь накопленный опыт сотрудничества Азербайджана и России в разных сферах жизни общества, в том числе и в области развития СМИ.

В настоящее время нормативно-правовой основой международных связей азербайджанских СМИ с российскими и другими зарубежными структурами служат соответствующие статьи Закона «О средствах массовой информации», положения многосторонних договоров, заключенных в рамках ООН, Совета Европы, ОБСЕ и других международных организаций. Правовые нормы информационного сотрудничества между Азербайджаном и Россией заложены также в международных обязательствах страны и в соответствующих пунктах двусторонних соглашений, подписанных между правительствами.

Закон «О средствах массовой информации» создает также прочную основу для сотрудничества между профессиональными журналистскими организациями двух стран. Более того, закон гарантирует право граждан Азербайджана на непосредственное получение информации из всех зарубежных, в том числе российских, источников и средств коммуникации. Распространение печатной продукции российских и других зарубежных СМИ на территории Азербайджана производится с разрешения исполнительных органов страны. Возможное ограничение в этой области должно соответствовать требованиям международных договоров, участником которых является Азербайджан.

В настоящее время в Азербайджане на русском языке издается около 50 печатных изданий (15 журналов и более 30 газет), действуют 7 информационных агентств. Наиболее значимыми русскоязычными печатными органами яв-

ляются газеты «Эхо», «Неделя», «Каспий», «Зеркало», «Наш век», «Реальный Азербайджан» и другие. Газеты «Зеркало» и «Эхо» издаются с первых дней независимости Азербайджана. Эти печатные органы имеют большую популярность среди читателей. Газеты сохраняют свою объективность и нейтральность в освещении политических событий и не принадлежат к какой-либо политической партии.

Следует отметить, что некоторые газеты, издающиеся на русском языке, носят ярко выраженный оппозиционный характер. К таким печатным органам на протяжении многих лет относилась газета «Реальный Азербайджан».

Тесные и доверительные отношения между средствами массовой информации Азербайджана и России способствуют озвучиванию позиций той и другой стороны по многим злободневным вопросам, распространяют всестороннюю информацию о внутренней жизни страны-партнера, формируют единое информационное пространство для более тесного сотрудничества в различных областях экономической и политической жизни.

Примечания

1. AXUNDOV N. Azərbaycanın dövrü mətbuatı. 1832—1920. Bibliografiya. Bakı. 1965, s. 143.
2. Центральный государственный исторический архив Грузии (ЦГИА Гр.), ф. 5, оп. 1, д. 6478, л. 1—2.
3. Там же, л. 7.
4. Там же, ф. 480, оп. 1, д. 418, л. 8.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 777, оп. 12, д. 56, л. 124—134.
6. Там же, л. 144—152.
7. Там же, л. 198.
8. AXUNDOV N. Op. cit., s. 144—145.
9. Государственный архив политических партий и общественных движений Азербайджана (ГАППОД Аз.), ф. 76, оп. 8, д. 174, л. 7.
10. БОГОСЛОВСКИЙ Е. Бакинская печать после 17 октября 1905 г. (по 1 июля 1907 г.). Баку, 1907, с. 26.
11. Государственный исторический архив Азербайджана (ГИА Аз.), ф. 46, оп. 1, д. 786, л. 2.
12. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ДП, УП дел-во, 1907 г., д. 1786, л. 1—8.
13. Там же, л. 6—7; ДП, ОО, ф. 102, 1907 г., оп. 237, д. 5, ч. 3, л. 27.
14. Там же, ДП, УП дел-во, 1907 г., д. 1786, л. 6.
15. БОГОСЛОВСКИЙ Е. Ук. соч., с. 12.
16. Каспий. 1907, № 74.
17. Большевицкая периодическая печать Азербайджана (1904 — апр. 1920 гг.). Справочник. Баку. 1964, с. 11—19.
18. AXUNDOV N. Op. cit., s. 147—148.
19. AŞIRLI A. Azərbaycan mətbuatı tarixi (1875—1920). Bakı. 2009, s. 124.

Отношение норманиста М.П. Погодина к трудам антинорманистов

С.В. Пашков

В науке за историком М.П. Погодиным (1800—1875), по определению, данному в 1872 г. Д.И. Иловайским, закрепилась репутация «самого ревностного представителя» норманизма, а, по словам Н.П. Загоскина, «особенно фанатичного поборника» этой теории¹. Действительно, ученый отстаивал норманское происхождение варягов и руси в течение всей своей жизни. Если какой-либо исследователь высказывал иную точку зрения, он сразу же старался опровергнуть ее в своих работах.

Он был человеком, как справедливо констатировал в 1999 г. К.Б. Умбрашко, «открытым для полемики, готовым и в юности, и в старости яростно защищать любимые идеи». Как заметил в 2003 г. Н.И. Павленко, «кажется, ни один из историков — современников Погодина не инициировал такого количества дискуссий, как Михаил Петрович»².

Погодин всегда подробно разбирал аргументацию оппонентов, стремился опровергнуть ее определенной системой собственных доказательств. Например, в дискуссии с Н.И. Костомаровым (1860), С.А. Геденовым (1864), Д.И. Иловайским (1872) историк осуществлял «подстрочный» разбор их трудов, анализируя каждый довод и утверждение³.

Современный исследователь К.Б. Умбрашко заметил, что Погодин «остался в памяти современников человеком с несколько скандальной репутацией», поскольку «в силу своего характера он не мог спокойно относиться к научным теориям, с которыми не был согласен, и почти всегда негативное отношение к той или иной концепции переносил на их носителей»⁴. Однако при отмеченной манере обращения с оппонентами, историк все же, как правило, сохранял с ними уважительные отношения.

Когда господство норманской теории в своих крайних формах («ультранорманизм шлецеровского типа», по определению норманиста В.А. Мошина⁵), с одной стороны, и все более возраставший интерес к истории славянства и русского народа, с другой, привели в первой половине XIX в. к появлению антинорманистских работ, одной из них был труд М.А. Максимовича «Откуда идет Русская земля, по сказанию Несторовой повести и по другим старинным писаниям русским», увидевший свет в 1837 г. в Киеве. Автор считал варягов норманнами, а русь — славянами-рюгенцами южной Балтики. Погодин начал

Пашков Сергей Владимирович — аспирант Липецкого государственного педагогического университета.

писать рецензию («письмо к сочинителю»), которую завершил и опубликовал в 1841 г. в издаваемом им журнале «Москвитянин». Одновременно он предоставил слово Максимовичу для ответа, организовав полемику на страницах собственного издания. Кроме того, Погодин в 1846 г. во втором томе «Исследования» сделал обзор всех основных позиций антинорманистов, наиболее подробно рассмотрев идеи Максимовича.

Действия Михаила Петровича характеризуют его как корректного ученого, осознающего необходимость озвучить и донести до читателя не только свою, но и противоположную точку зрения. Сам историк, объясняя свои намерения, говорил: «Я хотел основать в своем журнале критику в новом духе, то есть критику беспристрастную и, сколько возможно, дельную... С этой целью, для примера, я избрал темою сочинения близких мне людей». Отметив спокойное отношение Максимовича к критике, Погодин заключил: «Да и как могло быть иначе: кто предан науке, кто любит истину, тот принимает речь об ней с любовью, как бы она ни была высказана». А если «сказать педанту, который привык пользоваться незаслуженной славой, сказать даже учтиво: вы не издали никакого сочинения, вы не написали никакого рассуждения, вы не рассмотрели даже ни одной книги порядочно — а только грозиться из-за угла и обещаетесь. О — такое учтивное замечание приводит в неистовство...»⁶. Таким образом, опубликованная Погодиным в журнале «Москвитянин» в 1841 г. полемика со своими друзьями — Н.И. Надеждиным, считавшим русь южным племенем⁷, Ф.Л. Морошкиным, называвшим и варягов, и русь славянами⁸, М.А. Максимовичем, относившим варягов к жителям побережья Балтики в целом, а русь — к славянам острова Рюген⁹ — должна была, по замыслу Михаила Петровича, стать образцом беспристрастной критики.

Дружеские отношения связывали историка с Ю.И. Венелиным, который считал русь славянами-померанцами. Эти взгляды он критиковал, но, в то же время, способствовал изданию его трудов, а также его занятиям научной деятельностью¹⁰. В 1846 г. Погодин рассказывал: «В 1827 году покойный Венелин, среди разговоров исторических со мною... сообщил мысль свою о древности славян — никогда не представлялась она мне столь ясно и убедительно: славяне живут искони в Европе, скрывавшись до VI-го века под другими именами. Множество положений важных для науки, казалось мне, можно извлечь из нее, и я убедил Венелина, тогда медицинского студента, изложить свои мнения в особом сочинении, которое и напечатал в 1828 году под заглавием “Древние и нынешние болгары” и которое породило несчастных подражателей». И хотя Михаил Петрович критиковал этот труд за крайности выраженных в нем воззрений, он не сомневался и в его пользе: «В печати недостатки оказались явственнее, чем в изустной увлекательной речи, и я тогда же увидел, что это сочинение может только обратить внимание на предмет, возбудить любопытство, поднять спор, но не более, чем и оправдывался пред знатоками — например Кругом, который долго не хотел прощать меня за напечатание этой книги». Историк также отмечал, что Венелин ездил «для продолжения своих ученых исследований в путешествие по Болгарии (1830, 1831 гг.), устроенное общими силами наших знакомых»¹¹.

В 1864 г. Погодин, дискутируя с С.А. Гедеоновым, полагавшим, что варяги — южнобалтийские славяне, с уважением признавал, что в его лице «норманская система» встретила «сильного и опасного противника», и подчеркивал, что «приятно даже уступать ему, потому что он действительно ослабляет силу некоторых наших доказательств»¹². Составитель биографии Михаила Петровича Н.П. Барсуков привел письмо Гедеонова Погодину 1853 г., где содержатся интересные сведения об отношении последнего к научным занятиям коллеги: «Вы хотите знать, что делается с норманнами и славянами? Вот уже пятнадцать лет, как я занимаюсь этим вопросом, первым и по мне важнейшим в русской истории; награду, если не за умение, то за труд, получил я от вас: не бойтесь за меня увлечений света; кому вы, Михаил Петрович, сказали “пиши”, тот должен и будет писать»¹³.

Барсуков также привел свидетельства, что после смерти М.Т. Каченовского Погодин, несмотря на испорченные с ним отношения, «почтил его память самым сочувственным образом», признал его «самым исправным профессором», человеком, отличавшимся «честностью и бескорыстием». Он сказал, что, несмотря на «ученое разногласие», всегда «читил его достоинства». Погодин хлопотал перед университетским начальством о материальном обеспечении вдовы и детей Каченовского ¹⁴.

Показательной и заслуживающей особого внимания является его дискуссия, состоявшаяся в 1860 г. с Н.И. Костомаровым, считавшим русь литовским племенем жмудь. Она прошла не только на страницах журналов, но и в форме публичного диспута. Н.П. Барсуков подробно осветил это событие, приведя обширные цитаты из многочисленных источников. В 1860 г. Костомаров опубликовал в «Современнике» работу «О начале Руси». В том же номере Н.А. Добролюбов говорил, что этот труд опровергает норманство Погодина, который все время повторяет «собственные старые мысли и не слышит на них возражений» ¹⁵. Историк написал статью в опровержение. В ней он признал Николая Ивановича «честным, добросовестным исследователем в куче шарлатанов, невежд, посредственностей и бездарностей», поэтому потребовал во имя науки «полной сатисфакции, то есть торжественного отступления из жмуди, или полного отражения» приведенных им доказательств. В противном случае он бросал Костомарову перчатку и вызывал на дуэль: «Без шуток, приехав на неделю в Петербург, я предлагаю вам публичное рассуждение, в университете, географическом обществе, или академии, в присутствии лиц, принимающих живое участие в вопросе» ¹⁶.

Николай Иванович в «Санкт-Петербургских ведомостях» напечатал ответ, где сообщал, что принял вызов «с полным уважением как к науке, так и к почтенному ее ветерану», считая «это предложение высокой для себя честью», и объявил, что он найдет его, «с оружием в руках, везде и всегда, куда только назначит явиться» ¹⁷. Согласие это оказалось для ученого неожиданным. Чуть позже, при обсуждении организации диспута с «профессорами, академиками, литераторами», он был уверен, что большинство собравшихся скажет: «О чем же вам спорить, господа? Дело ясно. Есть только недоразумения на той и на другой стороне: вам нужно только объясниться, пожалуй, перед нами». Однако «этого не послышалось». Погодин понял, что для них его правота не очевидна: «Большинство или запмятовало на ту пору старые основания, или не познакомилось внимательно с новыми, или увлеклось только мыслью о споре, независимо от его содержания». Итак, «как ни неожиданно» было для него «услышать согласие Костомарова», но не мог же он сказать ему, будто струсив: «Нет, я пошутил!». Поэтому он отвечал ему: «Разумеется: ну, так идем на бой!» Диспут проходил в Санкт-Петербургском университете. Погодин вспоминал, что «народу набралось столько, что, когда он сел на кафедру», то «не мог буквально оборотиться, чтоб не задеть головою соседа» ¹⁸.

Барсуков привел многочисленные отзывы очевидцев события, которые поразному оценили его. По словам одного свидетеля, «публика была велика и обильна, а порядка в ней не было». В другой публикации были приведены слова зрителя, представленные как общее мнение: «Я думал, что диспут будет интереснее. Но, право, не жаль ни денег, ни времени. Когда б чаще бывали такие диспуты — как бы хорошо было». Иные полагали, что поведение публики дискредитировало значение диспута. «... студенты, которые составляли большинство слушателей, беспрестанно мешали делу рукоплесканиями и всякими знаками одобрения или неодобрения. Какое неуважение к науке, и где и от кого!» «Прежде мы не знали куда идем, а теперь не знаем и откуда», — эту остроту одного из свидетелей диспута многие считали соответствующей положению вещей ¹⁹.

По замечанию современника, публика — «легковерная молодежь» — склонялась «больше на сторону Костомарова». Николай Иванович полагал, что молодое поколение на его стороне вовсе не потому, что «уверилось в литовском происхождении руси», так как и сам он «не считает это дело решенным», а

потому, что он «указывает ему путь низвергать освященные временем предрассудки в русской истории». Если же публика ошиблась, заключал Костомаров, то виноват сам Михаил Петрович, представив «ей такие слабые доводы; если они были б сильнее, тогда бы она приняла» его сторону²⁰.

Московские друзья Погодина также признавали поражение историка. А.С. Хомяков говорил: «Срам: какое ясное дело и не умел его выиграть так, чтобы и слепые видели, кто победил! Что публика была бессмысленная, вовсе не отговорка. Нет публики, при которой было бы позволительно не разбить Костомарова в пух и прах»²¹. Тогда ученый опубликовал в оправдание «Отчет московским друзьям». Он заявил, что, будучи заранее уверен в согласии Костомарова с его доводами против жмудской теории, он, чтобы «облегчить ему согласие, подать удобный случай сказать несколько удачных слов в ответ», «предложил ему дуэль». Однако «это было ничто иное, как шутка»²².

Отчет этот вызвал ряд публикаций против Погодина, некоторые из которых носили оскорбительный характер. Например, один из редакторов «Современника» Н.Г. Чернышевский заявил, что труды историка «не имеют ровно никакого ученого значения» и пора «приняться за перетряску хлама многих ученых», чтобы «всем стало видно, что это именно хлам, ничего не стоящий, ни к чему не годный», пора «разделаться с пустыми репутациями»²³.

Костомаров также опубликовал статью, где критически разобрал «Отчет»²⁴. Однако в личном письме оппоненту Николай Иванович выражал сожаление, что «к нашему спору присоединились с обеих сторон люди, которые смотрят на нас, как на врагов и бранят нас под знаменем одного из нас». Автор письма говорил, что «никакие норманны и жмудины» не изгладят из его «сердца того глубокого уважения», которое он питал к Погодину «более двадцати лет», не зная его лично, «и которое теперь еще полнее и живее, после того, как в последнее время» он «имел удовольствие сблизиться» с ним. Костомаров просил «не вмешивать» его в то, что «писали Чернышевский и Свисток» (приложение к «Современнику»); он «сам по себе, они сами по себе». «С «Современником» у меня нет никакой нравственной связи», — подчеркивал Николай Иванович²⁵. Погодин также отмечал: «Г. Костомарова я не считал причастным к разным проделкам, на диспуте и после в журналах, и мы расстались в приятельских отношениях»²⁶.

Интересно отношение исследователя к восприятию публикой его идей. Костомаров предлагал «выбрать посредников, не менее трех особ, известных ученых, оказавших русской истории действительную пользу», таких, «которые не писали о варяжском вопросе и не принимали участия в спорах по поводу его», чтобы спор этот, «как часто бывает со спорами, не окончился ничем», и чтобы каждый «не стоял упорно в своем мнении». Погодин, однако, отверг эту идею. Он заявил, что предложенные Костомаровым посредники — Н.В. Калачёв, К.Д. Кавелин, Ф.И. Буслаев — «люди, слишком ко мне близкие по университетской памяти», поэтому «едва ли возьмутся принять на себя окончательное решение». Историк считал, что «это дело внутреннего, личного убеждения», которое следует предоставить слушателям. Главная же цель диспута — «возбудить в молодых деятелях участие к вопросу о происхождении Руси, который так для нас важен, особенно в наше время, когда скоро исполнится тысяча лет основанному ею государству»²⁷.

Он говорил, что нельзя «третьейским судом» решать «ученых вопросов», иначе «легко было бы науке идти вперед». Достаточно передать все, «что можем, в пользу наших мнений, а окончательный вывод должно, кажется, предоставить сознанию всякого слушателя, смотря по тому, какое в ком выработается убеждение». Впрочем, Костомаров впоследствии вспоминал, что «Погодин сначала согласился на арбитров, именно тех самых», на которых он указал, «но потом переменял свое мнение, очевидно потому, что начал ожидать от избираемых лиц не того, чего бы желал»²⁸.

Диспут должен был состояться, по-видимому, вопреки ожиданиям Погодина. Согласившись на него, он оставил мысль добиться публичного отказа

Костомарова от своих взглядов и утверждения норманской теории. Историк решил, что это обсуждение «должно было принять особый характер и иметь в виду более публику, чем науку»²⁹. Ведь рассуждать перед собравшимися «о том или другом месте из летописи, о значении того или другого слова в языке, прибегать к тонкостям логики, было бы слишком неуместно». В первую очередь следовало «подумать о том, чтоб публика не получила отвращения от ученых состязаний, а напротив, расположилась бы еще более в их пользу». Поэтому «надо было сообщить спору, по возможности, общую занимательность, показать образчик, как можно говорить о самых сухих предметах с участием, и дать молодым людям пример спокойного ученого состязания». Костомаров согласился с этой идеей. Оппоненты «решились, обдумав свои речи, соответственно вновь открывшимся целям, сойтись накануне на несколько часов, чтоб раскинуть сообща план мирного сражения». Они также встретились «перед обедом в день самого диспута, и переговорили окончательно о пределах состязания». И чтобы не оставить «спора без конца, без развязки», которую обычно ждет публика, они, «соразмерив удары, определили и формулировали взаимные возможные уступки»³⁰.

Таким образом, соперники «сговорились предварительно»: они «уравновесили взаимные возражения, сделали несколько репетиций, и на публичное прение отправились в одном экипаже»³¹. В своей вступительной речи на диспуте Погодин заявил, что, «являясь с таким рвением, как будто бы для эстетического наслаждения произведениями изящных искусств, общество представляет самое ясное, разительное» доказательство того, что «мы созрели для рассуждения, для участия в вопросах всех родов, для нас важных и нужных, теоретических и практических». После спора он также отметил, что «в продолжение состязания» он отметил «одно утешительное явление» — «совершенное беспристрастие со стороны русских к результату спора»³².

Однако в письме Костомарову после диспута Погодин жаловался на поведение студентов. Николай Иванович отвечал, что он предлагал «арбитров», но оппонент сам отказался, сдавшись «на суд публике», провозгласив «торжественно, что она созрела для суждения о таких вопросах». Оппонент писал Погодину, что о победе над ним «речи не может быть», так как они, заранее «спорив и толковав много дней, знали предварительно о ходе нашего спора». Однако, добавлял Костомаров, ему на это «отвечали, что тем хуже для норманской теории, когда при таких условиях она не могла сбить противной и показать свою силу»³³.

Таким образом, Погодин не стремился во что бы то ни стало утвердить свое мнение в публике, он заботился, прежде всего, о привитии ей интереса к истории. В своем «Отчете» автор вновь подтвердил, что «публика может и должна принимать участие во всяких суждениях», но она «может ошибаться». Если он приписал ей «зрелость для участия, для суждения о всех вопросах», это не значит, что она непогрешима. Однако, даже если бы «десять публик склонилось в пользу жмуди» (впрочем, неизвестно, «в какой степени это верно»), историк «пожалел бы о них и подал бы апелляцию к их дочкам, внучкам и правнучкам, уверенный, что та или другая правнучка возвратится к норманнам и скажет непременно с улыбкой о своей прародительнице: ах, бабушка, в какую трущобу она попала, и с чего это она туда сунулась!»³⁴.

Разумеется, ему было неприятно, что аудитория оказалась не на его стороне. Но, будучи уверен в своей правоте, он полагал, что его взгляды, как истинные, все равно восторжествуют. Погодин отдавал приоритет научной разработке вопроса, в том числе, в ходе «ученых» дискуссий. Все это не позволяет говорить о нем как о норманисте, увлеченном идеей, стремящимся утвердить ее во что бы то ни стало, необоснованно критикующего своих оппонентов лишь потому, что они высказывают иные мнения. Его взгляды были результатом собственных исследовательских изысканий. Он был готов к диалогу, к уступкам, к изменению своей позиции даже в конце жизни, хотя с молодости ее

придерживался, о чем свидетельствует эволюция его взглядов по ряду важных аспектов проблемы происхождения варягов.

Важно подчеркнуть, что Михаил Петрович переводил и публиковал труды антинорманистов, стремясь вовлечь в научный оборот все мнения, чтобы иметь возможность критиковать их, позволить читателю сравнить разные точки зрения, более объемно взглянуть на проблему. 15 апреля 1825 г. Погодин на заседании Императорского Общества истории и древностей российских «предложил об издании на русском языке главных изысканий, сделанных иностранцами по части русской истории, преимущественно древней, и о переводе, на первый раз, Байера, Эверса, и Общество определило перевод Эверса поручить самому же Погодину». Поскольку он «давно уже занимался» творчеством этого ученого, «то не удивительно, что через месяц после предложения он уже представил в Общество готовый перевод эверсовых предварительных изысканий, относящихся к древней российской истории». И в конце года перевод «вышел в свет под следующим заглавием: “Предварительные критические исследования Густава Эверса для российской истории. Перевод с немецкого. В двух книгах. М. 1825”»³⁵. В этом исследовании немецкий ученый обосновывал южное (хазарское) происхождение руси.

Интересно сравнить уважительную позицию Погодина к труду представителя противоположных взглядов с отношением другого норманиста — знаменитого историка Н.М. Карамзина. При личном свидании с ним в 1825 г. Михаил Петрович передал ему перевод Эверса, на что Карамзин сказал: «А это Эверс? Как не стыдно историческому Обществу издавать Эверса? Вот то-то что у нас везде есть имена, а нет вещей. Я уважаю Эверса, его познания; но не понимаю, каким образом можно нам повторять его нелепое мнение, к поддержанию которого он клонит свою книгу. Это ошибка против вкуса». Погодин вспоминал: «Я сидел как на иглах, ибо я предложил, я и перевел Эверса. “Общество имело другую цель, — сказал я, — оно хотело сделать гласной книгу, на которую у нас опираются многие, и представить, таким образом, воочию нелепость мнения эверсова, мной разобранного”. “Кто же эти многие? Их нет. По-моему, если есть какая-либо историческая истина, так такую должно почитать скандинавское происхождение руссов. Это так верно, как был Сципион и проч. Нестор говорил с правнуками основателей”»³⁶.

Погодин в течение 1826 г. «перевел и издал на счет Императорского Общества истории и древностей российских 2-й том исторических исследований Эверса». Тогда же он завершил другой свой труд — перевод сочинения профессора Дерптского университета И.Е. Неймана, вышедший в 1825 г. и опубликованный на русском языке в 1826 г. под заглавием: «О жилищах древнейших руссов. Сочинение г-на Н. и критический разбор одного». Автор данной работы защищал южное происхождение руси. Этот перевод Погодин посвятил Эверсу. В предисловии к нему сказано: «Перевод и критический разбор сочинения о жилищах древнейших руссов предприняты в прошлом 1825 году по поручению незабвенного графа Николая Петровича Румянцева. Сие препоручение было для меня тем приятнее, что я надеялся исполнением одного доставить нужное дополнение к изданным мною прежде книгам о сем предмете: рассуждению о происхождении руси и эверсовым критическим исследованиям для российской истории. Теперь любители истории найдут в сих четырех сочинениях полное по возможности критическое собрание сведений, доселе известных, об руссах — основателях нашего государства, которые для нас столько важны во всех отношениях»³⁷.

Будучи уверенным в верности своих взглядов, упорно защищая их, он не оставался вполне беспристрастен, поскольку давал эмоциональную оценку антинорманизму, относя его к «попятным шагам», признаваясь, что ему «даже стыдно за себя, за русскую науку, за наше время, за университетское образование, видеть, что общий наш уровень так низок, и мы беспрестанно имеем нужду возвращаться к своим задам, повторять свою азбуку»³⁸.

Однако в целом как ученый Погодин смотрел спокойно на появление антинорманистских идей. Неверно думать, полагал он, что «принимать старое

мнение знаменует застой в науке, а новое — прогресс». По поводу мнения Костомарова о жмудском (литовском) происхождении руси, Михаил Петрович замечал, что этот «эпизод скорее можно причислить к тем попятным шагам, которые заметил еще Шлецер, рассуждая о судьбах русской истории: она идет обыкновенно три шага вперед, и потом два опять назад»³⁹.

Исследователь справедливо говорил, что в науке объективно существуют различные теории, подходы в решении проблемных вопросов, что «мнения имеют жизнь», они «пропадают, скрываются и опять возникают, помолодевшие, принаряженные». Во взглядах Костомарова он увидел «ломоносовское мнение», только «теперь уже в новом костюме»⁴⁰.

Таким образом, норманист Погодин публиковал и переводил труды оппонентов, вводя в науку иные точки зрения. Здесь следует сказать, что варяго-русский вопрос — один из самых актуальных в науке — представлен очень богатой историографией. Поэтому изучение данной проблемы требует тщательной разработки уже имеющихся многочисленных работ. Это помогает избежать повторного обсуждения уже решенных аспектов вопроса и предоставляет возможность увидеть те направления, по которым наиболее перспективно вести дальнейшее исследование. Изучение историографии позволяет увидеть взаимовлияние противоположных точек зрения. И в данном случае весьма поучительно проследить изменение аргументации и выводов одной стороны под влиянием другой. К числу таких ярких примеров относятся принципиальные изменения концепции Погодина в сторону антинорманизма в ходе полемики по варяго-русскому вопросу. Наиболее значительной была уступка в вопросе о месте проживания призванных варягов. В 1825 г. он доказывал, что «варяги-русь не шведы, не пруссы, не финны, не хозары, не готы, не фрисландцы; варяги-русь составляли племя норманское, обитавшее в нынешней Швеции»⁴¹.

В 1846 г. он говорил, что «варяги суть скандинавы»⁴². Однако, рассмотрев все точки зрения по этому вопросу, ученый сделал вывод, что дать на него определенный ответ наука пока не может: «Закрываю: кто были именно варяги-русь и где они жили — не решено до сих пор с достоверностью, и едва ли когда-нибудь будет решено за недостатком сведений»⁴³. Однако тогда же он привел свидетельство из хроники Гельмольда (XII в.): «Маркоманнами называются обыкновенно люди, отовсюду собранные, которые населяют марку. В славянской земле много марок, из которых не последняя наша Вагирская провинция, имеющая мужей сильных и опытных в битвах, как из датчан, так и из славян»⁴⁴.

В 1859 г. Михаил Петрович объяснил, что имел в виду, приводя эти сведения: «Чуть ли не в этом месте Гельмольда, сказал я еще в 1846 году, чуть ли не в этом углу Варяжского моря, заключается ключ к тайне происхождения варягов и руси. Здесь соединяются вместе и славяне, и норманны, и вагры. и датчане, и варяги, и риустри, и росенгау. Если бы, кажется, одно слово сорвалось у Гельмольда, то все бы нам стало ясно: но, вероятно, этого слова он не знал»⁴⁵. Таким образом, Погодин в 1846 и 1859 гг. склонялся к мнению, что варяги проживали в Вагрии — на юго-западном побережье Балтийского моря.

В 1860 г. он уже несколько скорректировал свою позицию. Сначала «датские острова», так же как и «соседний остров Рюген и все поморье балтийское, Померания», были заселены славянами. А уже впоследствии «переселилось к ним из Норвегии племя скандинавское или готское, которое совершенно покрыло первых поселенцев». В подтверждение приводилось мнение Карамзина: «Взаимное влияние наречий и знакомство норманнов и славян между собою облегчает уразумение и сношений новгородских славян с варягами. Здесь могут, кажется, примириться все мнения о происхождении Руси»⁴⁶.

Итак, мнение о Вагрии как о месте проживания варягов во время призвания историк теперь оставил. Вместо него он выдвинул идею о переселении одного из германских племен из Скандинавии на южные берега Балтийского моря. Конкретно же призванные варяги-русь жили в устье Немана (в свое время здесь располагал варягов-русь М.В. Ломоносов). Таким образом, теперь

историк «поместил» их ближе к Новгороду. Затем по приглашению оттуда они переселились в устье Невы.

Итог своих исследований по этой проблеме Погодин подвел в конце жизни. В 1874 г. он сказал своему давнему оппоненту Костомарову: «Не жили ль норманны — варяги-русь, в эпоху призвания именно в устьях Немана, как предполагалось одним из старых мнений? Т.е. не поселились ли они когда-нибудь в устьях или низовьях Немана, как после поселились в устьях Невы, и еще позднее в верховьях Двины?». В пользу этого мнения говорит более близкое расположение устья Немана к Новгороду, «нежели каких-либо других частей Скандинавии, тем более, отдаленных, крайних по Балтийскому поморью»⁴⁷.

Таким образом, ученый более уверенно повторил и развил высказанную в 1860 г. мысль о том, что в устье Немана поселилось «норманское племя, которое прозывалось русью». Из него «избрались три брата — Рюрик, Синеус и Трувор, по зову словен новгородских, кривичей и чуди, и выселились к ним, как прежде выселялись сюда из какой-нибудь части Скандинавии». В заключение Погодин оговорился, что вопрос «об обиталище» остается открытым, и он «думает только, что норманскую варягов-русь вероятнее искать в устьях и низовьях Немана, чем в других местах Балтийского поморья»⁴⁸.

Примечания

1. ИЛОВАЙСКИЙ Д.И. Еще о норманизме. В кн.: История России. Начало Руси. М. 1996, с. 78; ЗАГОСКИН Н.П. История права русского народа. Лекции и исследования по истории русского права. Т. I. Казань. 1899, с. 336.
2. УМБРАШКО К.Б. М.П. Погодин. Человек. Историк. Публицист. М. 1999, с. 165; ПАВЛЕНКО Н.И. Михаил Погодин. М. 2003, с. 189.
3. ПОГОДИН М.П. О литовском начале руси, письмо к г. Костомарову. В кн.: Борьба не на живот, а на смерть с новыми историческими ересями. М. 1874, с. 137—158; ЕГО ЖЕ. Второе письмо к г. Костомарову. Там же, с. 158—176; ЕГО ЖЕ. Г. Геденов и его система о происхождении варягов и Руси. — Приложение к VI-му тому Записок Академии наук. СПб. 1864, № 2; ЕГО ЖЕ. Новшество г. Иловайского. В кн.: Борьба..., с. 272—302; ЕГО ЖЕ. На замечание г. Иловайского. Там же, с. 305—312; ЕГО ЖЕ. Подстрочный разбор второй статьи г. Иловайского «Еще о норманизме». Там же, с. 312—381.
4. УМБРАШКО К.Б. Ук. соч., с. 165.
5. МОШИН В.А. Варяго-русский вопрос. В кн.: Варяго-русский вопрос в историографии. М. 2010, с. 24, 70.
6. ПОГОДИН М.П. Ответ. — Москвитянин. М. 1841, ч. III, № 5, с. 211.
7. НАДЕЖДИН Н.И. О важности исторических и археологических исследований Новороссийского края, преимущественно в отношении к истории и древностям русским. В кн.: Торжественное собрание Одесского общества любителей истории и древностей 4 февраля 1840 года. Одесса. 1840, с. 27—58; ПОГОДИН М.П. О важности исторических и археологических исследований Новороссийского края, преимущественно в отношении к истории и древностям русским. Речь г. Надеждина, помещенная в книге под заглавием: Торжественное собрание Одесского общества любителей истории и древностей, 4 февраля 1840. Одесса. 1840. — Москвитянин. М. 1841, ч. I, № 2, с. 547—557.
8. МОРОШКИН Ф.Л. О значении имени руссов и славян. М. 1840, с. 4—75; ПОГОДИН М.П. О значении имени руссов и славян. Соч. Ф. Морошкина. М. 1840. — Москвитянин. М. 1841, ч. I, с. 557—561.
9. МАКСИМОВИЧ М.А. Откуда идет Русская земля, по сказанию Несторовой повести и по другим старинным писаниям русским. Собр. сочинений. Т. I. Киев. 1876, с. 5—93; ПОГОДИН М.П. Откуда идет Русская земля, по сказанию Несторовой летописи и по другим писателям русским, сочинение М. Максимовича. Киев. 1837. — Москвитянин. М. 1841, ч. II, с. 219—234; МАКСИМОВИЧ М.А. Письмо к издателю. — Там же, ч. III, № 5, с. 198 — 211; ПОГОДИН М.П. Ответ, с. 211—216.

10. ПОГОДИН М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. II. М. 1846, с. 197—198; БАРСУКОВ Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 4. СПб. 1891, с. 51—60; кн. 6. СПб. 1892, с. 200—202.
11. ПОГОДИН М.П. Исследования..., т. II, с. 374—375, 377.
12. ЕГО ЖЕ. Г. Гедеонов..., с. 1.
13. БАРСУКОВ Н.П. Ук. соч., кн. 12, с. 384.
14. Там же, кн. 6, с. 341—342.
15. КОСТОМАРОВ Н.И. О начале Руси. — Современник. СПб. 1860, т. LXXIX, с. 5—32; ДОБРОЛЮБОВ Н.А. Норманский период русской истории. Сочинение М. Погодина. Там же, с. 104—108.
16. Публичный диспут 19 марта 1860 года о начале Руси между гг. Погодиным и Костомаровым. — Современник. СПб. 1860, т. LXXX, с. 271.
17. БАРСУКОВ Н.П. Ук. соч., кн. 17, с. 277—278.
18. ПОГОДИН М.П. О публичном диспуте в зале Санкт-Петербургского университета касательно происхождения Руси. Отчет московским друзьям. Русская беседа. Кн. 19. М. 1860, с. 150, 153.
19. БАРСУКОВ Н.П. Ук. соч., кн. 17, с. 286, 291—295.
20. Там же, с. 294, 298—299.
21. Там же, с. 305.
22. ПОГОДИН М.П. О публичном диспуте..., с. 150.
23. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ Н.Г. Замечание на «Последнее слово г. Погодину» г. Костомарова. — Современник. СПб. 1860, т. LXXXI, с. 84—88; БАРСУКОВ Н.П. Ук. соч., кн. 17, с. 314—319.
24. КОСТОМАРОВ Н.И. Последнее слово г. Погодину. — Современник. СПб. 1860, т. LXXXI, с. 73—83.
25. БАРСУКОВ Н.П. Ук. соч., кн. 17, с. 320, 322.
26. ПОГОДИН М.П. Борьба..., с. II.
27. БАРСУКОВ Н.П. Ук. соч., кн. 17, с. 272, 278—279.
28. Там же, с. 280, 312.
29. ПОГОДИН М.П. Борьба..., с. II.
30. БАРСУКОВ Н.П. Ук. соч., кн. 17, с. 284—285.
31. ПОГОДИН М.П. Борьба..., с. II.
32. БАРСУКОВ Н.П. Ук. соч., кн. 17, с. 289—290.
33. Там же, с. 297, 299.
34. Там же, с. 308—309.
35. БАРСУКОВ Н.П. Ук. соч., кн. 1, с. 312—313.
36. ПОГОДИН М.П. Мое представление историографу (Отрывок из записок). — Русский архив. М. 1866, № 11—12, с. 1766—1770; БАРСУКОВ Н.П. Ук. соч., кн. 1, с. 330—331.
37. ПОГОДИН М.П. О жилищах древнейших руссов. Сочинение г-на N. и критический разбор оного. М. 1826, с. I.
38. ПОГОДИН М.П. Второе письмо к г. Костомарову, с. 173.
39. Там же, с. 175.
40. ПОГОДИН М.П. О литовском начале руси..., с. 156.
41. ЕГО ЖЕ. О происхождении руси. Историко-критическое рассуждение. М. 1825, с. 177.
42. ЕГО ЖЕ. Исследования..., т. II, с. 32.
43. Там же, с. 166.
44. ПОГОДИН М.П. Исследования... Т. III. М. 1846, с. 28—29.
45. ЕГО ЖЕ. Г. Гедеонов..., с. 2.
46. ЕГО ЖЕ. О литовском начале руси..., с. 156.
47. ЕГО ЖЕ. Гостинец г. Костомарову. В кн.: Борьба..., с. 389.
48. Там же, с. 385, 390.

Эмиграция сербов, хорватов и словенцев в Россию в XIX — начале XX в.

А.Н. Птицын

Первая волна сербской эмиграции в нашу страну имела место в 20—50-е гг. XVIII в., когда из Габсбургской монархии на российскую службу было приглашено несколько тысяч сербских солдат и офицеров. Вместе со своими семьями они были поселены на территории Новороссии, где возникли два сербских национальных района — Новая Сербия и Славяносербия. Однако достаточно быстро эти переселенцы ассимилировались среди местного населения, и в дальнейшем о сербском происхождении их потомков напоминали лишь фамилии ¹.

Позднейшая эмиграция австро-венгерских южных славян в Россию имела меньшие масштабы и утратила организованный характер. В XIX — начале XX в. жители сербских, хорватских и словенских земель переселялись в Россию небольшими группами, отдельными семьями или поодиночке. Существовало несколько каналов миграции: трудовая миграция, учебная миграция, переселение в качестве колонистов, поездки торговцев и прочее. Миграции имели, как правило, долгосрочный характер. Даже временные поездки (для торговли, на учебу и т.д.) часто затягивались и завершались поселением в нашей стране на постоянной основе.

Зарубежных славян привлекали большие возможности, открывавшиеся перед ними в России в плане трудоустройства, заработка, поступления на службу, получения образования и т.д. Им imponировало хорошее, порой покровительственное, отношение к «славянским братьям» со стороны российских властей и общества. Важную роль играли идеи славянской солидарности и симпатии к крупнейшей славянской державе — России, широко распространенные в то время, причем они сочетались с негативной оценкой положения славян в Австро-Венгрии. И хотя многих эмигрантов, по выражению современника-словенца, «влек в Россию желудок, а не сердце», значение идейного фактора среди побудительных мотивов эмиграции не следует недооценивать ².

Общую численность переселенцев из южнославянских земель в России на рубеже XIX—XX вв. позволяет определить Первая Всеобщая перепись населения 1897 г., которая зафиксировала пребывание в нашей стране 1815 сербов,

Птицын Андрей Николаевич — кандидат исторических наук, доцент Северо-Кавказского федерального университета. Ставрополь.

хорватов и словенцев (их считали вместе). Лишь четверть из них (464 чел.) составляли женщины. Редакторы материалов переписи специально оговаривали, что это были недавние эмигранты, поскольку переселившиеся в XVIII в. сербы уже давно ассимилировались. Сербы, которых сближала с русскими православная религия, составляли большинство и среди недавних переселенцев. Следует отметить, что сербские эмигранты представляли три страны — Сербию, Черногорию и Австро-Венгрию — в то время как все хорваты и почти все словенцы были выходцами из Австро-Венгрии. Эмигранты из габсбургских земель составляли примерно треть проживавших в России сербов, хорватов и словенцев³.

Южнославянская диаспора в России носила ярко выраженный трудовой характер, поскольку на три четверти состояла из мужчин, которые приезжали на заработки, оставляя семьи дома. Самостоятельными хозяевами, по данным переписи среди сербов, хорватов и словенцев были 1170 чел., остальные 645 имели семьи, и такое соотношение также свидетельствовало о трудовом характере миграции. Диаспора была по преимуществу городской, в городах проживали две трети переселенцев, в этом отношении выделялись Одесса (278 чел.), Петербург (155), Варшава (72) и Москва (60). Наибольшее количество сербов, хорватов и словенцев было сконцентрировано в причерноморских и приазовских губерниях — Херсонской (390 чел., включая Одессу), Таврической (237), Екатеринославской (92), Бессарабской (53) и Донской области (69). В Царстве Польском проживало 217 представителей данных народов (в основном, в Варшавской губернии), на Кавказе — 53, в Сибири — 13, в Средней Азии — 9⁴.

Социальный и профессиональный состав южнославянских переселенцев в России был сложным, он включал торговцев, рабочих, ремесленников, крестьян, моряков, учителей, студентов и других. Одну из крупнейших профессиональных групп составляли торговцы. По данным переписи 1897 г., торговлей в нашей стране было занято 253 серба, хорвата и словенца (22 % от общего числа самостоятельных хозяев). При этом 77 чел. торговали сельскохозяйственными продуктами, 51 — тканями и одеждой и 45 чел. занимались развозной и разносной торговлей. Сербские и хорватские купцы на постоянной основе проживали в портовых городах Черного и Азовского морей (Одессе, Николаеве, Мариуполе, Бердянске, Таганроге), занимаясь операциями по экспорту зерна и других сельскохозяйственных продуктов. Среди торговцев-разносчиков были представлены, главным образом, словенцы, распространявшие мелочные товары⁵.

Крупным российским предпринимателем являлся словенец Иван Кос. В 1869 г., еще молодым человеком, он приехал в Петербург и поступил на службу в торговую фирму. Приобретая необходимый опыт и скопив средства, в 1884 г. И. Кос совместно с германским подданным О. Дюрром основал в Петербурге торговый дом «Кос и Дюрр», который занимался оптовой торговлей строительными материалами, промышленным и железнодорожным оборудованием. В 1895 г. Кос стал совладельцем цементного и кирпичного заводов в Петербургской губернии. Интересно отметить, что словенский предприниматель был также одним из сильнейших российских шахматистов того времени⁶. Заметной фигурой в книготорговом и издательском бизнесе Петербурга на рубеже XIX—XX вв. был хорват Крунослав Геруц, поселившийся в российской столице в 1886 году. Он открыл на Невском проспекте «Российско-славянский книжный магазин», основал собственное издательство, редактировал газету «День», а также занимал должности библиотекаря Государственной думы и секретаря общества «Русское зерно»⁷.

Помимо торговли проживавшие в 1897 г. в России сербы, хорваты и словенцы были заняты в следующих сферах: в промышленном и ремесленном производстве (304 чел., или 26% самостоятельных хозяев, большинство из них

работало в металлообрабатывающей отрасли); в сельском хозяйстве (76 чел. или 6 %); на водном транспорте (56 чел. или 5 %); на службе у частных лиц (111 чел. или 9 %). Кроме того, 62 чел. (5 %) из числа самостоятельных хозяев жили на доходы с капиталов и недвижимости, а также на средства родственников. Трудились в нашей стране и сезонные рабочие: так, словенцы выезжали на Кавказ для работы на лесозаготовках ⁸.

Словенцы и сербы присутствовали среди иностранных колонистов, расселявшихся в Причерноморье и Предкавказье, однако их, в отличие от немцев, болгар и чехов, было немного. Попытку массового переселения в Россию словенцы из окрестностей г. Фиуме предприняли в 1861 г., обратившись с соответствующим ходатайством через российского вице-консула в этом городе В.Ф. Кожевникова. Российское правительство разрешило переселение 1000 словенских семей в Крым, однако австрийские власти запретили им выезд за границу, и переселение в итоге не состоялось ⁹. Единственная словенская колония в России, называвшаяся Итальянский хутор, возникла на рубеже 1870—1880-х гг. в окрестностях г. Владикавказа. Ее название было связано с тем, что основатели колонии (Матеуж Рутар, Матеуж Приможич и Иван Терлихер) принадлежали к числу резьянских словенцев, живших на территории Италии неподалеку от австрийской границы. Они были странствующими торговцами, ведшими дела на Северном Кавказе, и по случаю смогли дешево купить участок земли, куда затем перевезли свои семьи и пригласили несколько семей земляков. В этой колонии было 8 дворов и несколько десятков жителей ¹⁰.

В нашу страну смог переселиться также ряд семей сербских колонистов. Так, в 1875 г. российские власти удовлетворили просьбу уроженца австрийской Сербии Матвея Верта «о разрешении некоторым семействам его единоплеменников переселиться в Россию» ¹¹. В 1882 г. земельные наделы в Таврической губернии получили сербы-переселенцы из оккупированной Австро-Венгрии Герцеговины — Николай Среданович, Иван Божович и другие ¹². В то же время несанкционированная миграция российскими властями пресекалась. Так, прибывшие в 1877 г. в Новгородскую губернию без соответствующего разрешения «12 семейств австрийских подданных, именующих себя сербами», были, по настоянию местного губернатора, высланы из пределов России ¹³.

Заметное место среди южнославянских переселенцев занимали представители интеллигенции, прежде всего, преподаватели. Согласно итогам Первой Всеобщей переписи, «учебной и воспитательной деятельностью» в России было занято 26 сербов, хорватов и словенцев, «деятельностью в сферах науки, литературы и искусства» — 29, а еще 92 чел. получали средства от казны, общественных учреждений и частных лиц (в основном это были студенты и другие учащиеся, получавшие стипендии) ¹⁴.

Приглашение в нашу страну южнославянских педагогов и ученых имеет давнюю традицию, восходящую к XVII в., когда в Москву приезжал знаменитый хорватский ученый Юрий Крижанич. Заметную роль в развитии российского образования сыграл сербский педагог Федор Янкович де Мириево, приглашенный в Россию Екатериной II и разработавший план школьной реформы, проведенной в 1780-х годах. В начале XIX в. в российские вузы было принято несколько преподавателей из числа австрийских сербов. Юрист Григорий Терлаич в 1804—1811 гг. являлся профессором Петербургского педагогического института. Физик и астроном Афанасий Стойкович в 1805—1813 гг. был профессором Харьковского университета и дважды занимал должность его ректора. Философ Андрей Дудрович приехал в нашу страну в 1806 г. в качестве учителя гимназии в Чернигове, а в 1814 г. перешел в Харьковский университет, где и прослужил до своей смерти в 1830 г., причем в последние годы являлся его ректором. Юрист Константин Паулович (Павлович) также начинал

свою карьеру в России в 1807 г. как учитель гимназии (в Черкасске, а затем в Харькове), а в 1811 г. был принят на службу в Харьковский университет, где проработал до своего выхода в отставку в 1834 году ¹⁵.

В 1869 г. на должность профессора Новороссийского университета в Одессе был приглашен хорват Валтасар Богишич, но проработал там недолго, поскольку был командирован в Черногорию для разработки свода законов этого государства. Знаменитый хорватский филолог-славист Ватрослав Ягич был профессором в двух российских университетах — Новороссийском (1871—1874) и Петербургском (1880—1886), а в 1880 г. был избран академиком Российской академии наук ¹⁶.

В 1860—1880-е гг. на российскую службу было привлечено более 200 австро-венгерских учителей латинского и греческого языков, потребность в которых была значительной в связи с проводимой в то время гимназической реформой, предусматривавшей внедрение классического образования. Приглашенных педагогов называли «славянскими стипендиатами», поскольку они принадлежали к числу австро-венгерских славян и после приезда в Россию в течение одного-двух лет проходили переподготовку в Петербурге, получая специальную стипендию. Часть стипендиатов также обучались в Русской филологической семинарии при Лейпцигском университете. Среди приглашенных преобладали чехи и русины, а южные славяне были представлены 17 словенцами, 4 хорватами и 2 сербами. Тогда же в российские гимназии было принято несколько южных славян в качестве преподавателей немецкого и французского языков.

Учителя из южнославянских земель трудились по всей Российской империи. Так, в Петербурге служили словенцы Иосиф Клеменчич и Стефан Широкий; в Центральной России — словенцы Варфоломей Брезовар (Курск), Франц Целестин (Владимир и Харьков), Мартин Боле (Тула и Калуга), Франц Штифтар (Калуга), Мартин Крамарич (Смоленск), Мартин Хостник (Рыльск, преподаватель немецкого и французского языков), а также хорват Иван Млинарич (Москва и Тула); в Финляндии — словенец Власий Крайгер (Гельсингфорс); в Царстве Польском — словенец Николай Жагар (Мариамполь); в Причерноморье — словенцы Лаврентий Лесковец (Кишинев и Одесса) и Франц Ребец (Бердянск, Кишинев и Симферополь), хорваты Стефан Радошевич (Одесса), Илья Шушак (Керчь) и Эрнест Якович (Бердянск, преподаватель новых языков), сербы Семён Чекердакович (Екатеринослав, Николаев и Кишинев) и Иосиф Сормилич (Бердянск и Глухов); на Кавказе — хорват Адольф Якшич (Ставрополь и Тифлис) и словенец Андрей Юртела (Ставрополь, Москва, преподаватель немецкого и французского языков); на Урале и в Сибири — словенцы Доменик Пасколо (Уфа, позднее — Одесский учебный округ), Викентий Шуми (Уральск, затем Причерноморье), Мартин Мулей (Уральск), Матвей Вук (Троицк), Пётр Лешник (Екатеринбург) и Андрей Логарь (Иркутск и Красноярск) ¹⁷.

Большинство приглашенных учителей проработали в России долгие годы. Только один из педагогов-словенцев (Ф. Целестин) через несколько лет вернулся на родину, но и его отставка была вынужденной, став следствием самоубийства одного из учеников. Остальные же надолго или навсегда связали свою судьбу с нашей страной ¹⁸. Двое словенских учителей смогли сделать карьеру, став директорами гимназий в Кронштадте (И. Клеменчич) и Красноярске (А. Логарь), еще несколько стипендиатов работали инспекторами гимназий.

На примере учителей можно рассмотреть проблемы адаптации южнославянских эмигрантов в нашей стране. Главной трудностью для приглашенных на первых порах была необходимость овладеть русским языком, очень сложным для иностранцев. По отзывам современников, многие из славянских стипендиатов, даже проработав в России несколько лет, продолжали говорить с заметным акцентом. Известный политик П.Н. Милюков в мемуарах так опи-

сывал первые шаги на педагогическом поприще своего учителя в Московской 1-й гимназии — хорвата И. Млинарича: «По-русски он только от нас начал учиться, и класс не мог не смеяться...», когда тот на ломаном русском языке делал какое-либо «филологическое объяснение»¹⁹.

Еще одной проблемой для переселенцев-южан был суровый российский климат. Некоторые учителя, направленные на работу в северные губернии, ходатайствовали о переводе их «по состоянию здоровья» на юг, хотя некоторые их земляки смогли проработать по 25 и более лет на Урале и в Сибири. Трудности, особенно на первых порах, вызывали бытовые условия, с которыми иностранные выходцы сталкивались в российской провинции, однако существовавшая там «дешевизна жизни» и хорошее жалование мирили приезжих с этими сложностями (здесь уместно заметить, что заработок российского учителя гимназии в 1870—1880-е гг. был примерно в 2 раза выше, чем в Австро-Венгрии, что являлось серьезным стимулом для эмигрантов). Приезжая в Россию, молодые педагоги, в своем большинстве, были холостыми. В дальнейшем они женились на россиянках, что значительно облегчало им процесс адаптации. Большинство учителей со временем приняли российское подданство и православие, что свидетельствовало об их успешной адаптации.

Важной составной частью южнославянского переселения в Россию была учебная миграция. Австро-венгерские выходцы учились в Петербургском, Московском и Киевском университетах, Киевской духовной академии и других вузах. Особенно много южнославянских студентов было в Новороссийском университете в Одессе. Примечательно, что после получения образования в России многие южные славяне оставались жить и работать в нашей стране. Слушателем Археологического института в Петербурге был словенец Янко Лаврин. В 1908—1911 гг. он издавал и редактировал журнал «Славянский мир», выходивший в российской столице и пропагандировавший культурное сближение славян. Я. Лаврин принимал активное участие в культурной жизни Петербурга, был членом различных литературно-художественных кружков, а в годы первой мировой войны являлся корреспондентом газеты «Новое время»²⁰.

Таким образом, южнославянская миграция в Россию имела сложный характер, включая в себя трудовую, предпринимательскую, учебную и другие формы миграции. Переселенцы своей деятельностью, безусловно, содействовали экономическому и культурному развитию тех российских регионов, где они проживали. Со временем южнославянские переселенцы стали частью многонационального российского социума.

Южнославянская эмиграция также играла важную роль в установлении и развитии культурных и экономических связей между славянскими землями и Россией. Переселенцы, прежде всего представители интеллигенции, выступали в качестве своеобразных посредников в процессе межкультурного взаимодействия. Во-первых, они способствовали взаимному изучению языков. Так, первые русско-словенский и словенско-русский словари составил и опубликовал словенский учитель-эмигрант М. Хостник. Во-вторых, переселенцы-интеллектуалы занимались переводами литературных произведений своих земляков на русский язык и российских писателей на свои родные языки, а также публиковали статьи о жизни и творчестве писателей, знакомя с ними широкую общественность. В-третьих, эмигранты часто выступали на страницах периодической печати, как российской, так и австро-венгерской, со статьями, информирующими об истории, культуре и современном положении России и славянских народов. В-четвертых, переселенцы способствовали установлению и развитию личных контактов через общение, переписку, во время регулярных поездок на родину в отпуск и т.д. Таким образом, деятельность южнославянских эмигрантов была многообразной и плодотворной, способствовала знакомству и сближению зарубежных славян с Россией.

1. Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в. М. 2003, с. 277—289.
2. ДРНОВШЕК М. Словенские миграции и Россия в XIX в. В кн.: SLOVENICA I. История и перспективы российско-словенских отношений. СПб. 2011, с. 37.
3. Общий свод по империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 29 января 1897 г. Т. II. СПб. 1905, с. 3.
4. Там же, с. 3, 21, 39.
5. Там же, с. 327; ДРНОВШЕК М. Ук. соч., с. 41—42.
6. ВИШНЯКОВ-ВИШНЕВЕЦКИЙ К.К. Иностранцы в структуре Санкт-Петербургского предпринимательства во второй половине XIX — начале XX века. СПб. 2004, с. 308—309.
7. ВАЩЕНКО М.С. «Хорватский консул» в Петербурге: Крунослав Геруц и его пропаганда в России. — Родина. 2010, № 4, с. 59—62.
8. Общий свод по империи..., т. II, с. 327; ДРНОВШЕК М. Ук. соч., с. 43.
9. Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40—80-е гг. XIX в. М. 1975, с. 212; Русско-словенские отношения в документах (XII в. — 1914 г.). М. 2010, с. 192—193.
10. ДРНОВШЕК М. Ук. соч., с. 41—42.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 381, оп. 16, д. 21 271, л. 16.
12. Там же, ф. 398, оп. 1, д. 15 104, л. 4.
13. Архив внешней политики Российской империи, ф. 155 (Второй департамент), оп. 693, д. 427, л. 6.
14. Общий свод по империи..., т. II, с. 327.
15. Иностранцы профессора российских университетов (вторая половина XVIII — первая треть XIX в.). Биографический словарь. М. 2011, с. 89—90, 121—123, 145—148, 151—152.
16. Зарубежные славяне и Россия, с. 525, 554.
17. РГИА, ф. 733, оп. 169, д. 230; оп. 234, д. 12; Русско-словенские отношения в документах, с. 552—561; ГЕЛЬБКЕ Ф.Ф. Календарь для учителей. СПб. 1882—1914.
18. ЧУРКИНА И.В. Протоиерей Михаил Фёдорович Раевский и югославяне. М. 2011, с. 163—164.
19. МИЛЮКОВ П.Н. Воспоминания. М. 1991, с. 52. Здесь следует заметить, что П.Н. Милюков, считавшийся специалистом по славянскому вопросу, в мемуарах ошибочно называет хорвата И. Млинарича чехом.
20. Янко Лаврин и Россия. М. 2011.

Судьба вице-президента Синода Г. Дашкова

А.Р. Павлушков

Георгий Дашков относится к числу наиболее известных церковных иерархов первой трети XVIII в., сыгравших заметную роль в развитии государственно-церковных отношений в период формирования абсолютизма. Его жизненный путь был примером успешной карьеры и в то же время быстрого падения с политического олимпа. Некоторые считали его креатурой А.Д. Меншикова, с которым у него сложились теплые отношения, открывшие путь для быстрого взлета по служебной лестнице. Однако обширная переписка Меншикова с представителями церковной элиты ставит под сомнение этот довод: светлейший князь был патроном для многих людей из церковной среды. Некоторые из них, как, например, Ф. Прокопович, были одновременно врагами Дашкова и друзьями Меншикова¹.

Судьба Дашкова была также свидетельством участия в политической борьбе церкви, вынашивавшей идею реанимации патриаршества и своего бывшего могущества². Отстранение его от власти усиливало позиции государственного крыла высшего состава клира, рассматривавшего светскую и церковную идеологию как единое целое³. Расколотившееся в результате петровских реформ церковное общество было очень полярно по своим взглядам. Большая его часть была недовольна земельной и судебной секуляризацией, в результате чего положение духовенства в целом ухудшилось⁴. Она была благодатной почвой формирования латентных протестных настроений, облеченных в религиозную окраску. Именно в церковном обществе, по мнению В.О. Ключевского, была разработана легенда о Петре-антихристе, представлявшая «страшную форму вольного страдания за благочестие», подкреплявшаяся народными фантазиями о царе иноверце⁵. Другая, лояльная часть духовенства, объединялась вокруг Феофана Порокоповича, являвшегося апологетом церковной реформы⁶. Они добивались расширения влияния партии малороссов в высшем составе церковного руководства, усиления церковной дисциплины, обновления церковной организации.

Архиепископа Ростовского Дашкова сложно отнести к какой-то одной из этих партий. С одной стороны, он выступал за восстановление патриаршества⁷, с другой — его стремительный карьерный рост во многом обеспечивался знакомством и поддержкой первых лиц государства, включая самого Петра I. В

Павлушков Александр Рудольфович — кандидат исторических наук, доцент Вологодского института права и экономики.

1711 г. Дашков был назначен архимандритом Троицко-Сергиевой лавры, в 1718 г. стал епископом ростовским, в 1725 г. его избрали членом Святейшего Правительствующего Синода ⁸, а уже через год он был возведен в архиепископы и назначен вице-президентом Синода. Его политическое и общественное влияние было очень велико.

Между тем, Дашков никогда не был абсолютным сторонником церковной реформы. Современники вспоминали о нем, как о человеке, который осторожно и даже небрежно относился к европейским ценностям и западной науке ⁹. Оставаясь внешне лояльным к власти, он по-прежнему оценивал происходящие изменения традиционными религиозными критериями, в которых чувствовалось дыхание уходящего XVII столетия. Бурные перемены в церковной жизни заставляли его серьезно задумываться о будущем православия, а внутренние душевные противоречия формировали скрытое недоверие к европеизации. Он принадлежал к той части духовенства, которая, несмотря на бурные перемены, искала случая для укрепления позиций церкви. Светское образование и европейское воспитание внушало ему опасения, так как могло стать источником ересей, а сближение с западом подрывало позиции православия. Он опасался и того, что петровские преобразования могут поколебать сложившееся влияние церкви на общество. Неслучайно часть дореволюционных исследователей относила Дашкова к оппозиционно настроенным деятелям петровского и послепетровского времени ¹⁰.

Самым тяжелым жизненным испытанием для Дашкова явилась опала и ссылка его сначала в Вологодский Спасо-Каменный монастырь, а затем перевод в Нерчинский Сибирский Успенский монастырь. В общей сложности он находился в заключении девять лет, из них большую часть времени провел на вологодской земле.

Отставка вице-президента Синода Дашкова не была неожиданностью.

Во-первых, в условиях тотального контроля друг за другом положение членов Синода было крайне неустойчивым. Его первоначальный состав просуществовал короткое время, а установленная численная норма «продержалась недолго» ¹¹. Предшественник Дашкова — вице-президент Синода, архиепископ Феодосий Яновский — 13 мая 1725 г. был отрешен от должности за «непотребные поступки и непристойные слова» и сослан в Корельский монастырь на вечное заточение под караулом ¹². Бывший ассессор Синода иеромонах Варлаам Овсянников 5 февраля 1723 г. был арестован по указу императора, лишен священства и сослан в тюрьму Соловецкого монастыря ¹³. Этот список можно было бы продолжить, так как только за первые два десятилетия XVIII в. было отрешено от должности и сослано несколько членов духовного правительства ¹⁴. Особенно сильно репрессивный механизм был раскручен в правление Анны Иоанновны, правительство которой отличалось чрезмерной подозрительностью и постоянно искало следы оппозиции, в том числе, и в церковной среде. Напуганный репрессиями и «желая высказать свое рвение перед светской властью», Синод часто забегал вперед и определял наказания с излишней суровостью ¹⁵. Из духовных лиц никто не мог быть уверенным в том, что кто-нибудь из знакомых, не выдержав пыток в Тайной канцелярии, не назовет его имени. В этом отношении отставка Дашкова, несмотря на его высокое положение, не была исключением, а скорее подтверждала общую практику полицейского государства.

Во-вторых, падение Дашкова было результатом борьбы двух партий Синода: великороссов (Георгий Дашков Ростовский, горицкий архимандрит Лев Юрлов, Феофилакт Лопатинский) и малороссов — выходцев из провинциальной России (Феофан Прокопович). Борьба между ними была проекцией политической борьбы членов правительства, в центре внимания которой стоял вопрос о западном влиянии ¹⁶. После смерти Петра I противостояние обнажилось, а

духовенство пыталось все активнее завить о своих правах. В Синоде, где были сосредоточены полярные силы, конфликт интересов постепенно обострялся. При Екатерине I внутренние противоречия ограничивались лишь личным неприязненным отношением друг к другу, императрица не допускала усиления ни одной из группировок в церковном руководстве. Однако после ее смерти ситуация стала резко меняться. При правлении Петра II в Синоде заметно возвысилось крыло великороссов. Прочные связи Дашкова с государственной элитой обеспечивали ему возможность быть полновластным хозяином духовного правительства. Он укрепил состав Синода новыми членами из великороссов, объединившихся против Феофана. Против последнего было выдвинуто обвинение в еретичестве, а в духовную коллегия поступил донос из 47 пунктов, в котором он обвинялся в отходе от православия¹⁷. Безусловно, талант ораторского искусства помог Прокоповичу отразить все обвинения, но его положение оставалось крайне шатким.

Смерть юного императора и приход к власти Анны Иоанновны резко изменили ситуацию в расстановке политических сил. Прокопович сумел оттеснить партию великороссов, в которых правительница видела потенциальную угрозу собственной власти, скрытую оппозицию в форме старомосковского дворянства. Прокопович никогда не был своим для родовой церковной элиты, как и императрица, он пришел на вершину власти из провинции в условиях острой политической борьбы. Сближение Анны Иоанновны с Прокоповичем было естественным шагом, направленным на то, чтобы заручиться поддержкой той части Синода, которая сама нуждалась в постоянной поддержке. Большую роль сыграла и подозрительность Анны Иоанновны, постоянно опасавшейся заговоров, и возложение на архиереев полицейских функций, обязывавших доносить обо «всех противностях»¹⁸.

За падением «верховников» последовала «зачистка» Синода от великороссов. Формальным поводом послужило дело воронежского архиерея Льва Юрлова, обвиненного в задержке молебна в честь восшествия на престол Анны Иоанновны. К делу «притянули» всех представителей партии великороссов, контактировавших с Юрловым. Георгий Дашков и Игнатий Смола были признаны противниками власти. Дашкова обвинили в затягивании расследования по делу воронежского архиерея.

Возвышение Прокоповича сопровождалось отставкой и ссылкой его противников. Б.В. Тетлинов, характеризуя начало 1730-х гг., назвал этот период временем «торжества Феофана после унижения», временем его «расплаты над своими противниками»¹⁹. Правление Анны Иоанновны отличалось значительным «оскудением состава Синода». Исследователи по-разному оценивали столь разительные перемены в эволюции духовной коллегии. Т.В. Барсов в быстрой смене духовной элиты видел естественный генезис развития церковных институтов, реорганизация которых происходила под воздействием внутренних причин²⁰. Напротив, Н. Суворов, П. Знаменский подчеркивали политический контекст быстрой ротации духовной коллегии, где Дашков представал жертвой закулисной борьбы Прокоповича²¹. Знаменский полагал, что Прокоповичу «удалось внушить подозрительному немецкому правительству, что в России существует «злодейская фракция», к которой был причастен и Дашков. Прокопович умело манипулировал этой подозрительностью, подбрасывая мнимых заговорщиков и поддерживая статус «ока государева». Императрица и светское правительство смотрели на дела в церкви глазами Феофана»²². Розыск церковной оппозиции продолжался в течение всего правления Анны Иоанновны и стоил жизни многим представителям духовенства.

Предчувствуя опасность, архиепископ Георгий 13 сентября 1730 г. написал в Святейший Синод письмо, в котором просил уволить его от должности

по причине болезни и невозможности исполнять службу. Он просил разрешения остаться в Толгском монастыре. Однако члены Синод побоялись самостоятельно принять решение о судьбе столь важной персоны. Архиепископу Георгию позволили находиться там временно до решения императрицы. 5 октября того же года в Синод поступило распоряжение от Анны Иоанновны об увольнении архиепископа Георгия от управления ростовской епархией и определении его в Вологодский Спасо-Прилуцкий монастырь. Императрица не позволила Дашкову остаться в богатом ярославском монастыре на близком расстоянии от Москвы из-за опасения возможного появления оппозиции²³. Там он должен был находиться на период осуществления следствия.

Дашков проходил по делу бывшего воронежского епископа Льва (растриги Лаврентия). Нашлись и те, кто дал новые показания против Льва, преследуя свои цели. Им оказался архимандрит Донецкого Предтечева монастыря Иосаф, обвинивший епископа в незаконном изъятии денег из монастырской кассы. По мнению А.В. Карташёва, архимандрит таким шагом надеялся добиться автономии для своего монастыря²⁴. В результате вместо одного обвинения против Юрлова было выдвинуто несколько новых обвинений: уклонение от немедленного перемещения в другую епархию, растрата монастырских денег в сумме 1500 руб. и незаконное изъятие церковной утвари из Донецкого Предтечева монастыря²⁵.

Дело против Юрлова имело явно политический характер, оно постепенно раскручивалось, чтобы убраться и Дашкова. Последнего обвинили в попытке скрыть преступления Юрлова. Дашков решительно отверг все обвинения в свой адрес. Первичное расследование показало, что он не являлся сообщником Юрлова. Тем не менее, подозрения с него не были сняты. Прокопович выдвинул в отношении своего противника новое обвинение в самовольном отъезде того из епархии. Было понятно, что Прокопович не простил Дашкова и жаждал его устранения.

19 ноября 1730 г. последовал именной указ императрицы о разрешении Дашкову отбыть в один из харьковских монастырей на келейное содержание. То, что за ним оставили сан епископа, говорило о некоторых сомнениях государыни. Но все сомнения были развеяны новым указом от 28 декабря 1730 г., согласно которому Дашкова публично перед синодальным собранием лишили архиерейского сана и отправили в Вологодский Спасо-Каменный монастырь под именем схимника Гедеона. Отдаленная обитель, расположенная на небольшом острове в устье Кубенского озера, идеально подходила для изоляции политических противников. Вологодский епископ Афанасий должен был лично проконтролировать отправку ссыльного из Вологды на Каменный остров, а также осуществлять постоянный контроль за действиями ссыльного, не допускать к нему посторонних лиц, не разрешать пользоваться корреспонденцией²⁶.

Прокопович боялся опального иерарха. Об этом говорит хотя бы тот факт, что за время его ссылки на Каменном острове следствие по новым обвинениям продолжалось несколько лет, до самой кончины Прокоповича (1736 г.). Последний приказал окружить ссыльного неусыпным надзором, приставив к нему караул из нескольких солдат. Он регулярно посылал в Вологду инспекции по проверке режима заключения Гедеона, а от местных духовных властей требовал отчеты о его содержании²⁷.

Страхи Прокоповича были не напрасны. Дашков был очень известной личностью, народное сознание превратило его в настоящего героя — страдальца за истинную веру. Паломники в большом количестве посещали остров, несмотря на все запреты. В их число входили как простой люд, так и представители купечества. Контактам со ссыльным способствовало и то обстоятельство, что к концу лета вода в озере значительно спадала, образуя естественную узкую

песчаную дорогу. Остров становился более достигаемым, дорога от него шла до самого побережья.

Первоначально режим содержания бывшего вице-президента Синода был относительно свободным. Он мог передвигаться по небольшому острову, в его распоряжении были слуги, которые помогали ему обустроить быт, он имел особый стол и получал продукты извне. Беседы Гедеона с посетителями острова проходили часто, о чем свидетельствовал архимандрит в своих доношениях вологодскому архиерею. Бывшее высокое положение опального иерарха давало о себе знать: настоятель монастыря в основном ограничивался мерами изоляции его от внешнего мира, а братия относились к нему скорее как к «почетному иноку», чем ссыльному.

В епархиальное управление на Гедеона постоянно поступали доносы, в которых указывались его контакты с населением, а также его критические суждения о происходивших в стране событиях. Напуганный столь большим количеством жалоб, вологодский епископ Афанасий отправил в Синод развернутое доношение, к которому приложил два сообщения от архимандрита Спасо-Каменного монастыря Иессея. Страх вологодского архиерея был вполне объясним, так как он нес личную ответственность за организацию надзора над ссыльным. По всей видимости, о содержании этих сообщений стало известно Анне Иоанновне, которая инициировала доставку под охраной архимандрита и келаря островной обители для допроса в Москву.

Ровно через год (5 декабря 1731 г.) в Вологду были направлены две специальные команды: одна, состоявшая из трех солдат и сержанта, отправлялась на трех ямских подводах для усиления охраны Гедеона; другая, состоявшая из копииста и двух солдат, отправлялась на четырех подводах для проведения новых следственных действий и сопровождении в Синод архимандрита Иессея и келаря Авраамия Дамаскина Спасо-Каменного монастыря для допроса о поведении и разговорах ссыльного²⁸.

В последний момент состав второй группы был увеличен до пяти человек. Для дополнительной охраны Гедеона по приказу генерал-адъютанта С.А. Салтыкова было выделено четыре военнослужащих Преображенского приказа. Старшим обеих команд были выданы письменные инструкции о действиях в пути и по приезде на место. Сержанту запрещалось показывать сопроводительные документы посторонним лицам, а солдатам — производить незаконные поборы с населения и вступать в разговоры с охраняемыми лицами. Солдатам предписывалось «поспешать в скорости», беречь подводы и «охранять накрепко» указанных лиц. В случае нарушения требований конвоирования предусматривалась ответственность в форме ссылки на галерные работы²⁹.

Для получения объективной информации об организации охраны в Спасо-Каменном монастыре, новая воинская команды прибыла на остров внезапно, не заезжая к Вологодскому епископу. Первым делом сержант проверил сам факт нахождения Гедеона в обители, наличие у него чернил и бумаг, о чем было отправлено сообщение в Синод. Инструкция страже дает достаточно полное представление об организации охраны Гедеона. Ему категорически запрещалось переписываться и свободно передвигаться по монастырю, разговаривать с населением и принимать посетителей, отлучаться с острова и принимать жалобы. Сержант был обязан сопровождать Гедеона при посещении церкви и не допускать к нему посетителей во время богослужения³⁰.

О том, насколько сильным был надзор за ссыльным, говорил и тот факт, что при посещении туалета его обязательно сопровождал солдат. В свою очередь, сержант должен был записывать все произнесенные Гедеоном «поносительные слова», конфисковывать любые бумаги, поступившие на имя ссыльного извне и с нарочным опрашивать их в Синод. Опасения Синода основывались

на том, что Спасо-Каменный монастырь не был полностью изолированным объектом. Даже охранная инструкция запрещала солдатам «чинить обиды населению во время поездок в святую обитель. В то же время другой документ обязывал вологодского архиерея следить, чтобы «того монастыря всякого звания духовного и мирского люди были во всем послушны, и противности б никакой не чинили»³¹.

В свою очередь, следственная группа выполняла другие задачи. В Вологде ее состав был увеличен до шести человек (из них три человека были военнослужащими для охраны проверяющих). Возглавил следственную группу назначенный Синодом иеромонах Евсений из Московского Крестовоздвиженского монастыря, ему помогал секретарь Вологодского архиерейского дома Степанов и копиист синодальной канцелярии. Таким образом, состав следственной группы был смешанным, в нее входили представители Синода и местной епархии³². Комплектование следственных групп по смешанному принципу являлось сложившейся практикой.

Инструкция Синода подробно регламентировала процедуру допроса и обыска Гедеона. Обыск предполагал просмотр и опись всех вещей без их конфискации, выемку всех писем с последующим опечатыванием их, изъятие чернил и бумаг и других подозрительных вещей. Для ведения допроса был составлен «вопросный список», включавший двадцать вопросов. Их условно можно разделить на 3 группы. Первая часть вопросов касалась режима содержания Гедеона (обстоятельно выяснялось, где и как проживал все это время Гедеон, какую именно пищу принимал: особую или монастырскую; какими излишествами он пользовался, чем занимаются его слуги и как они себя ведут). Вторая группа вопросов давала возможность изучить поведение ссыльного (сколько проступков и какого рода совершил ссыльный, есть ли у Гедеона помощники и сочувствующие, посещает ли он церковь и как часто). Третья группа вопросов была нацелена на выявление его контактов с внешним миром (выяснялось, кто и когда из монахов посещал Гедеона, с кем из паломников он встречался на острове и о чем разговаривал, куда и на сколько времени отлучался, кто давал разрешение на посещение ссыльного, что и кому писал)³³.

Содержание Гедеона ужесточилось, а ссылка по форме стала напоминать келейное заключение. Разговоры с паломниками не разрешались, сержант нес персональную ответственность за режим охраны, за нарушение которого грозила ссылка на галеры. В декабре 1735 г. по настоянию Прокоповича Гедеона перевели в Тобольскую губернию, после чего в качестве места заключения ему был назначен Успенский-Нерчинский монастырь Иркутской епархии. В 1739 г. Дашков умер в заключении.

Таким образом, судьба Георгия Дашкова отражала сложные процессы развития взаимоотношения церкви и государства в период складывания абсолютизма. Первопричиной противоречий, разумеется, была церковная реформа, в результате проведения которой обнаружились две тенденции: во-первых, произошел раскол Синода на противоборствующие силы, по разному воспринимавшие статус РПЦ и начавшийся процесс европеизации; во-вторых, внутри церкви формировались силы, пытавшиеся вернуть ей былое политическое могущество путем восстановления патриаршества.

Примечания

1. ПОЛОНСКИЙ Д.Г. Православное духовенство в переписке с А.Д. Меньшиковым: этикет, риторика и прагматика. Меньшиковские чтения 2012: Научный альманах. Вып. 3 (10). СПб. 2012, с. 96—109.

2. КОМИССАРЕНКО А.И. Русский абсолютизм и духовенство в XVIII веке. М. 1990.
3. ЖУКОВА Н.С. Церковная идеология и религиозная идеология. Понятие, сущность и специфика церковной идеологии. — Гуманитарные и социальные науки. 2013, № 4, с. 89—93.
4. КУЗНЕЦОВ И.Н. Отечественная история: Учебник. М. 2005, с. 139.
5. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Курс русской истории. Сочинения. Т. IV. М. 1989, с. 211—214.
6. БАРСОВ Н.И. Феофан Прокопович и его время. — Христианское чтение. 1869, № 4, с. 625.
7. АМВРОСИЙ (ОРНАТСКИЙ), архиепископ. История Российской иерархии. М. 1807—1815, ч. 1, с. 55—57.
8. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания (ПСПиР), т. 5, № 1638.
9. Например, Кантемир А.Д. критиковал консерватизм высшего русского духовенства. См.: СЕМЕНТКОВСКИЙ Р.П. А.Д. Кантемир, его жизнь и литературная деятельность, СПб. 1893; СОЛОВЬЁВ С.М. История России с древнейших времен. М. 2006, с. 688.
10. ЗАКРЖЕВСКИЙ А.Г. Архиерейская власть в системе церковно-государственных отношений в первой половине XVIII века: Автореф. дисс. канд. ист. наук. СПб. 2000, с. 23.
11. БАРСОВ Т.В. Святейший Синод в его прошлом. СПб. 1896, с. 262.
12. ПСЗ-I, т. VI, № 4717.
13. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего синода (ОДДАСС), т. 3, № 125.
14. Например, в 1734 г. были лишены звания синодальных членов и отстранены от настоятельства при монастырях с лишением звания архимандриты Евфимий Колетий и Платон Маленовский.
15. ТИТЛИНОВ Б.В. Правительство Анны Иоанновны в его отношении к делам православной церкви. Вильна. 1905, с. 8.
16. КАРТАШЁВ А.В. К вопросу о православии Феофана Прокоповича. СПб. 1913.
17. СОЛОВЬЁВ С.М. История России с древнейших времен. М. 2006, с. 648.
18. ВЕРХОВСКОЙ П.В. Очерки по истории Русской церкви в XVIII и XIX столетиях. Варшава. 1912.
19. ТИТЛИНОВ Б.В. Ук. соч., с. 32.
20. БАРСОВ Т.В. Святейший Синод в его прошлом, с. 278—279.
21. Исторические сведения об иерархах Древне-Пермской и Вологодской епархии. Вологда. 1868, с. 162.
22. ТИТЛИНОВ Б.В. Ук. соч., с. 34—35.
23. ПСПиР, т. 7, № 2382.
24. КАРТАШЁВ А.В. История Русской Церкви. Т. 2. М. 2000, с. 576—578.
25. ПСПиР, т. 7. № 2450.
26. Там же, № 2396, 2411.
27. Исторические сведения об иерархах Древне-Пермской и Вологодской епархии, с. 160—164.
28. ПСПиР, т. 7, № 2512.
29. Там же, № 2513, с. 396.
30. Там же, с. 396—397.
31. Там же, № 2513, с. 397; № 2516, с. 401.
32. Там же, № 2516, с. 401.
33. Там же, № 2516.

Официальная периодика Русского Охранного Корпуса

А.Н. Белков

Великая Отечественная война была не только самой масштабной и разрушительной по сравнению со всеми предыдущими войнами, но и первой войной, где столь важную роль играла идеология. Участие русской военной эмиграции на стороне Гитлера — также в большой степени вопрос идеологический. Одним из самых масштабных воинских соединений, укомплектованных эмигрантами, был Русский Охранный Корпус.

Говоря о проблеме историографии периодической печати Корпуса необходимо вкратце осветить историю создания данного соединения. Основные противоречия между советской властью и будущими чинами Корпуса породила Гражданская война в России. Это военно-политическое противостояние привело к тому, что многие участники Белого движения, а также их родственники или просто «классово враждебные элементы» вынуждены были покинуть Родину и поселиться на чужбине. В Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (СХС) (с января 1929 г. — Югославия) находилась одна из крупнейших общин белоэмигрантов. Отечественный историк К.М. Александров отмечает, что по состоянию на 1 ноября 1925 г. IV (Югославянский) отдел Русского Общевоинского Союза (РОВСа) насчитывал 10 955 чинов (в том числе 6,5 тыс. генералов и офицеров), уступая по численности лишь I отделу, находившемуся во Франции¹. Следует отметить, что значительная часть эмигрантов в Югославии придерживалась правых политических взглядов и жило идеей «весеннего похода», поэтому нападение нацистской Германии на Советский Союз эти люди встретили более, чем оптимистично. В обращении «к русскому народу и русской эмиграции», подписанном русскими журналистами в Сербии, среди которых были А.В. Ланин, Е.Э. Месснер, Е.А. Шелль, Н.Н. Чухнов и др., говорилось, что «22 июня... пробил час, который, начиная с 1917 г., ожидали все национально-мыслящие русские люди... германские вооруженные силы... объявили беспощадную войну не Русскому народу и не России, а... коммунистическому интернационалу... Победа над... коммунистами... принесет Русскому народу освобождение и избавление, подлинную свободу, мир, порядок, справедливость и национальную Русскую власть»². Вполне естественно, что люди с таким мировоззрением не желали оставаться в стороне от вооруженного противоборства, и уже 12 сентября 1941 г. под руководством генерал-майора М.Ф. Скородумова начал формироваться Отдельный Русский Корпус³. 23 декабря 1941 г. вышел в свет первый номер официального печатного издания соединения — «Ведомости Охранной Группы» (с № 51 от 9.12.1942 — «Ведомости Русского Охранного Корпуса в Сербии»).

Белков Алексей Николаевич — соискатель Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ.

Несмотря на то, что самому Корпусу отечественными и зарубежными исследователями внимание уделено ⁴, его периодика рассмотрена крайне фрагментарно. Тем не менее, условно историографию по рассматриваемому вопросу можно разделить на два периода: советский и постсоветский. Первый период характеризуется достаточно сильным воздействием господствующей идеологии. Одно из первых упоминаний «Ведомостей...» в советской историографии встречается в монографии историка Л.К. Шкаренкова «Агония белой эмиграции». Вот, что сообщает автор: «Среди созданных гитлеровским командованием из числа бывших белогвардейцев охранных и карательных отрядов особой известностью пользовался “охранный корпус”... первые отряды этого корпуса... начали действовать в сентябре 1941 г.» ⁵. Далее, ссылаясь на выпуск «Ведомостей...» за 9 сентября 1942 г., Шкаренков пишет: «12 сентября в Белграде, на Банице, немецко-фашистское командование устроило смотр “охранного корпуса”. Квислинговский газетный листок “Ведомости охранной группы” с лакейской готовностью заявил о желании “оправдать оказываемое доверие”» ⁶. Это упоминание содержит ряд неточностей: 12 сентября 1941 г. только появился приказ генерал-майора М.Ф. Скородумова о создании Русского Корпуса. Во 2-м параграфе этого документа были назначены даты от 18 до 21 сентября включительно, когда должны были явиться военнообязанные тех или иных родов войск и служб ⁷, следовательно, смотр «немецко-фашистское командование» в тот день устроить не могло, хотя бы потому, что смотреть собственно еще было не на что. Далее автор пишет, что, согласно Югославской военной энциклопедии, первые отряды Корпуса начали действовать в сентябре 1941 г., хотя известно, что первый бой, в котором корпусники приняли участие совместно с немцами, состоялся 25 ноября ⁸, а самостоятельно они отбили нападение партизан на охраняемый рудник 8 декабря 1941 года ⁹.

После распада Советского Союза многие, ранее замалчиваемые, темы стали привлекать внимание отечественных исследователей. Среди них и тема измены Родине в годы Великой Отечественной войны. По рассматриваемому вопросу также выходит ряд исторических работ. Среди них упоминание корпусной периодики можно встретить в справочнике исследователя С.В. Волкова «Русская военная эмиграция: издательская деятельность», вышедшем в свет в 2008 г., где сообщаются следующие сведения: «Основным печатным органом Корпуса была издававшаяся в 1942—1944 гг. в Белграде под редакцией Е.Э. Месснера еженедельная газета “Ведомости Русского Охранного Корпуса в Сербии” (с 1943 г. — “Русское Дело”)...» ¹⁰. В данном случае краткость обусловлена объемом работы. Что касается начала выпуска «Ведомостей...», Волков указывает 1942 г., хотя первый номер был выпущен 23 декабря 1941 года ¹¹.

В 2009 г. вышло в свет второе, исправленное и дополненное, издание биографического справочника «Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944—1945» К.М. Александрова. В биографии командира Корпуса генерал-лейтенанта Б.А. Штейфона упоминается о выходе корпусной газеты: «Пригласил своего старого сотрудника, полковника Е.Э. Месснера на должность редактора газеты “Ведомости Русской Охранной Группы”, выпустившего в свет первый номер 23 декабря 1941» ¹². В сноске к названию издания историк указывает на изменения в названии газеты: «с 1944 — “Русское Дело” (Белград), с 1945 — “Борьба” (Вена)» ¹³. Эта запись является не совсем корректной. Ведь «Русское дело» — это не новое название «Ведомостей...», а газета, которая получилась путем объединения печатного органа Русского Корпуса и еженедельного информационного органа Бюро по защите интересов русской эмиграции в Сербии «Новый путь» ¹⁴. Первый номер объединенного издания вышел 6 июня 1943 года. Газета «Борьба» также появилась путем соединения двух редакций: «За Родину!» и «Русское Дело», о чем свидетельствует подзаголовок издания, а выходила она с декабря 1944 года.

Более полное описание «Ведомостей...» встречается в работе А.Ю. Тимофеева «Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии. 1941—1945», вышедшей в 2010 году. Сначала историк дает общие сведения об издании: «Спустя некоторое время после создания РОК начали выходить еженедельные “Ведомости Охранной Группы” (с 23 декабря 1941 г.) под редакцией одного из высших офицеров, полковника Генерального штаба императорской армии Евгения

Эдуардовича Месснера. Газета помещала не только пропагандистские заметки, но и зарисовки, касавшиеся жизни гражданских лиц — членов семей служивших в Корпусе лиц... с июня 1943 г. было принято решение о слиянии изданий “Новый путь” и “Ведомости...” в единое издание “Русское дело”, выходявшее до 15 ноября 1944 г.»¹⁵. Далее автор рассматривает орфографию корпусной периодики и отмечает, что «Ведомости...» хранили верность старому, дореволюционному правописанию, хотя с весны 1942 г. редакция отказались от использования твердого знака в конце слов для экономии места, а «Русское дело» с первого номера перешло на новую орфографию¹⁶. Затем исследователь подводит небольшой итог своего анализа военной эмигрантской печати, где пишет, что она была «...рупором немецкой пропаганды, дословно переписывая или пересказывая сообщения из немецких или местных сербских газет»¹⁷. Анализ материалов указанных газет, а также изучение биографий авторов позволяет не согласиться таким выводом Тимофеева. Так, например Е.Э. Месснер (главный редактор «Ведомостей...», «Русского Дела» с 1 февраля 1944, а до этого времени — редактор военного отдела этой газеты и «Борьбы») был достаточно известным не только в эмигрантских кругах журналистом. Еще до войны он работал военным обозревателем в сербских газетах «Время» («Время»), «Општинске новине» («Муниципальная газета») и русской эмигрантской «Сегодня». Во время войны он был не только редактором «Ведомостей...», но и некоторое время занимал аналогичную должность в сербской газете «Обнова» («Обновление»), а также сотрудничал с изданием «Ново Време» («Новое Время») и был постоянным военным обозревателем газеты «Сегодня» (Рига). Очень сомнительно, чтобы такой человек занимался плагиатом или простой перепечаткой материалов из других изданий. Кроме этого, корпусные издания полны авторских материалов с мест несения службы. Эти материалы вряд ли помещались в официальной немецкой или сербской периодике. Однако следует добавить, что официальные периодические издания Русского Корпуса помещали обзоры прессы или перепечатки из других газет, но во-первых, об этом всегда указывалось, а во-вторых, такие материалы были скорее исключением, чем правилом.

Таким образом, в отечественной и зарубежной историографии периодические издания Русского Корпуса рассмотрены лишь фрагментарно, большинство исследователей, затрагивающих данную тему, приводят лишь общую информацию без какого-либо анализа. Тимофеев касается содержания и тематики данных изданий, но лишь в той степени, насколько они входят в рамки рассматриваемых им вопросов. При этом официальная периодика Корпуса является достаточно важным источником не только по истории самого соединения и эмиграции, но и по истории русско-сербских и русско-немецких отношений. Если данную периодическую печать рассматривать в более широком смысле, то, безусловно, она является информативным источником по истории пропагандистской и идеологической работы, психологической войны (в последнее время используется термин «информационная война») и второй мировой войны в целом.

Учитывая высокий фактологический потенциал данных источников и их слабую изученность, надеемся, что уже в ближайшее время исследователи уделят им гораздо больше внимания. Наш взгляд это поможет в организации работы по противодействию попыткам фальсификации отечественной и мировой истории.

Примечания

1. АЛЕКСАНДРОВ К.М. Белая военная эмиграция в Сербии: к истории создания 12 сентября 1941 года Отдельного Русского Корпуса. Труды II Международных исторических чтений, посвященных памяти профессора, Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина. Белград. 10—14 сентября 2011 года. Сб. статей и материалов. СПб. 2012.
2. ИАБ (Исторический архив Београда), ф. Zika Jovanovic, д. 115. Цит. по: Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии. 1941—1945.
3. СКОРОДУМОВ М.Ф. История образования Русского корпуса в Сербии. Мемуары власовцев. М. 2011; АЛЕКСАНДРОВ К.М. Белая военная эмиграция в Сербии. Там же; В дальнейшем Отдельный Русский Корпус неоднократно менял свое название: с 2.10.1941 — Русский

- Охранный Корпус, с 18.11.1941 — Русская Охранная Группа, с 1.12.1942 — Русский Охранный Корпус в составе Вермахта, с 10.10.1944 — Русский Корпус в Сербии, с 31.12.1944 — Русский Корпус, с 16.02.1945 — Русский Корпус в составе Вооруженных Сил КОНР (РОА).
4. См. например: ШКАРЕНКОВ Л.К. Агония белой эмиграции. М. 1981; ЕГО ЖЕ. Агония белой эмиграции. М. 1986 (по рассматриваемому вопросу в обоих вариантах информация идентична); ОКОРОКОВ А.В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. М. 2000; ЦУРГАНОВ Ю.С. Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М. 2001 (эта работа была переиздана в 2010 г. под названием Белоэмигранты и Вторая мировая война. Попытка реванша. 1939—1945.); ДРОБЯЗКО С.И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941—1945. М. 2004; ЧУЕВ С. Проклятые солдаты. М. 2004.; АЛЕКСАНДРОВ К.М. Русские солдаты Вермахта. М. 2005.; ГОЛДИН В.И. Роковой выбор. Русское военное Зарубежье в годы Второй мировой войны. Архангельск-Мурманск. 2005; ВОЛКОВ С.В. Русская военная эмиграция: издательская деятельность. М. 2008; АЛЕКСАНДРОВ К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова. В кн.: Биографический справочник. М. 2009.; ВОЛКОВ С.В., СТРЕЛЯНОВ (КАЛАБУХОВ) П.Н. Чины Русского Корпуса. Биографический справочник в фотографиях. М. 2009; ДРОБЯЗКО С.И., РОМАНЬКО О.В., СЕМЁНОВ К.К. Иностранцы формирования Третьего рейха. М. 2009.; ТИМОФЕЕВ А.Ю. Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии. 1941—1945. М. 2010; ГОНЧАРЕНКО О.Г. Изгнанная армия. Полвека военной эмиграции. 1920—1970 гг. М. 2012.
 5. ШКАРЕНКОВ Л.К. Агония белой эмиграции, с. 220.
 6. Там же.
 7. Русский Корпус на Балканах. 1941—1945 гг. М. 2008.
 8. Там же, с. 57.
 9. Там же, с. 70; Русский Корпус на Балканах (1941—1945 гг.). Сб. воспоминаний и документов. СПб. 1999, с. 93.
 10. ВОЛКОВ С.В. Русская военная эмиграция: издательская деятельность. М. 2008, с. 125.
 11. Ведомости Охранной Группы (г. Белград). 9.IX.1942, № 38.
 12. АЛЕКСАНДРОВ К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова, с. 906.
 13. Там же, с. 916.
 14. Ведомости Русского Охранного Корпуса в Сербии (г. Белград). 26.V.1943, № 75.
 15. ТИМОФЕЕВ А.Ю. Ук. соч., с. 61.
 16. Там же, с. 64.
 17. Там же, с. 65.

ARS. Исследования нижегородских искусствоведов.
 Сборник научных статей. Нижегородский университет
 им. Н.И. Лобачевского. Вып. 1. 2012. 107 с., илл.
 Вып. 2. 2014. 182 с., илл.

В 2010 г. на историческом факультете Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского на базе учебно-научного центра музеологии, существовавшего к тому времени свыше 10 лет, была образована кафедра археологии, искусствоведения и музеологии. Одним из начинаний кафедры стал выпуск сборника работ нижегородских авторов по вопросам истории зарубежного и отечественного искусства (под редакцией доктора искусствоведения А.Н. Дони́на) один раз в два года. К настоящему времени вышло два выпуска.

Прежде в Нижнем Новгороде не существовало периодического искусствоведческого издания. Город никогда не был в числе видных центров науки об искусстве, правда, местным авторам принадлежат определенные, подчас весьма важные, заслуги в исследовании таких вопросов, как, например, народная резьба и роспись по дереву (М.П. Званцев, Т.И. Емельянова) или истоки и специфика импрессионизма в русской живописи (В.А. Филиппов). С открытием в 2004 г. в Нижегородском государственном лингвистическом университете им. Н.А. Добролюбова специальности

«Теория и история изобразительного искусства» в регионе было положено начало искусствоведческому образованию. Появление сборника «ARS...», несомненно, стало важным событием в культурной жизни города, показателем успешного развития нижегородского искусствознания.

Оба выпуска имеют одинаковую структуру: в первом разделе помещены статьи нижегородских авторов, далее следуют работы приглашенных к участию иногородних специалистов и завершает сборник раздел «Нижегородское искусствознание: Personalia», содержащий биографический очерк и воспоминания о том или ином ученом. В первом выпуске этот раздел был приурочен к 85-летию Н.И. Шарун, в течение сорока лет возглавлявшей научную работу в Нижегородском государственном художественном музее, во втором были опубликованы материалы к биографии исследователя русского искусства рубежа XIX—XX вв. и известного в городе педагога В.А. Филиппова, ученика Д.В. Сарабьянова по МГУ.

Отсутствие каких-либо ограничений по тематике позволяет авторам представить результаты самых различных исследований; наряду с работами авторитетных специалистов в сборник включены статьи начинающих искусствоведов. Отрадно видеть среди участников сборника сотрудников Нижегородского государственного художественного музея (НГХМ), который не осуществлял никаких научных изданий с 2007 года. Однако вместе с положительными сторонами необходимо отметить и ряд негативных моментов.

Из названия сборника, казалось бы, явствует, что цель издания — как можно полнее показать современное состояние нижегородской науки об искусстве. Но на его страницах нашли отражение далеко не все направления, по которым развивается сейчас нижегородское искусствознание: не представлены достижения в изучении народного искусства (Н.В. Квач), русского искусства периода Серебряного века (Н.В. Рязанова, С.В. Рязанова), немецкой печатной графики эпохи Возрождения (Н.А. Багровников). Только одна статья на оба выпуска (И.В. Маршевой о местных выставках второй половины XIX — начала XX в.) затрагивает историю искусства региона. Сравнительно с рецензируемым сборником ежегодно проводимая Нижегородским лингвистическим университетом им. Н.А. Добролюбова и музеем

Н.А. Добролюбова международная конференция Добролюбовские чтения, в рамках которой действуют две искусствоведческие секции, дает более полный и объективный «срез» нижегородского искусствознания.

Несомненно, в ряде случаев требовался более строгий отбор публикаций по их научному уровню. Так, в первом выпуске статья Т.В. Зуйковой о роли впечатлений от природы Бретани в творчестве импрессионистов, явно случайная по теме у этого автора, специализирующегося на современном церковном искусстве, повторяет общеизвестные факты, а статья Н.С. Масляевой об опыте экспонирования западноевропейской иллюстрированной книги в НГХМ вместо описания и анализа этой действительно разнообразной и богатой коллекции всего лишь кратко характеризует несколько проведенных музеем книжных выставок.

На этом «фоне» особенно положительное впечатление производит раздел «Наши гости». Если в первом выпуске в нем помещено лишь две статьи, то во втором он существенно расширен и содержит публикации преподавателей и аспирантов МГУ, Института им. И.Е. Репина, СПбГУ, Российского института истории искусств, касающиеся интересных проблем западноевропейской художественной культуры. В первом выпуске профессор Института им. И.Е. Репина А.В. Степанов предложил интересные аналитические наблюдения над эстетическими, социальными и гносеологическими особенностями современного нерелигиозного искусства, разработав удачную типологию. Все постмодернистские арт-практики он подразделяет на искусство массовой культуры, неоконсервативное искусство, претендующее на элитарность (в рамках него выделены «новый классицизм», «новая готика», неопримиитивизм, «гламур»), ироническое искусство, чьи истоки восходят к приемам поп-арта, и «актуальное» искусство. Будучи знатоком классического европейского художественного наследия и оценивая современное искусство негативно, автор совершенно справедливо указывает на такие его черты, как ценностный релятивизм, квазифилософский характер, девальвация понятия «профессиональное мастерство», работа (творчеством назвать это сложно) без самоотдачи, по принципу «наибольший резонанс наименьшими усилиями». Среди многочисленных публикаций о современном искусстве, либо восторженно-хвалебных, либо однозначно

осуждающих, статья Степанова — одна из многих, содержащих подлинно научный, объективный анализ процессов современной художественной жизни, причем этот анализ опирается на ценности и идеалы гуманистической культуры.

Во втором выпуске альманаха интересные работы опубликованы аспирантами МГУ и петербургских вузов: П.А. Алешиним — об уточнении иконографии «Пейзажа со сценами из жизни святых» из коллекции ГМИИ им. А.С. Пушкина; А.А. Троицкой — о роли надписей в английской портретной миниатюре елизаветинского времени; Л.В. Михайловой — о гравюрах немецкого мастера первой половины XVI в. Г. Шойфеляйна; О.Ю. Переведенцевой — о соотношении научного и эмблематического начал в анатомических иллюстрациях Ф. Рюйша. Главную тему своих исследований о творческом методе французских архитекторов Ренессанса продолжает доцент МГУ Е.А. Ефимова.

Во втором выпуске сборника особое внимание привлекает статья сотрудницы Нижегородского художественного музея И.В. Мироновой об определении личности изображенного на «Портрете венецианского вельможи» кисти Тинторетто из собрания музея. Это произведение поступило в НГХМ по окончании второй мировой войны в составе так называемой «венгерской коллекции» — художественных ценностей, до войны принадлежавших венгерским предпринимателям и аристократам, вывезенных фашистами на территорию Германии и затем с одной из воинских частей попавших в г. Горький. Миронова проверила сведения некоторых венгерских публикаций о том, что на портрете изображен венецианский патриций, представитель одной из 12 «апостольских» фамилий Баттиста Морозини, путем сличения нижегородского полотна с достоверным портретом Морозини работы Тинторетто из Галереи Венецианской Академии. Несмотря на разницу возраста изображенных (нижегородский портрет датируется 1563—1565 гг., венецианский — рубежом 1580—1590-х), физиономическое сходство несомненно: оба произведения написаны с одного человека. Близко и композиционное решение обоих холстов. К тому же для семейства Морозини Тинторетто выполнял и другие заказы. Атрибуция портрета из НГХМ как изображения Б. Морозини вполне убедительна и является важным событием в российском искусствоведении, тем

более, что почти все наследие Тинторетто сосредоточено в Венеции и наличие в нижегородском музее подлинного портрета его работы поистине уникально.

Искусству немецкого Возрождения посвящены статьи А.Н. Дониной в обоих выпусках сборника. В статье 2012 г. предметом его анализа стали комические черты в иллюстрациях нюрнбергского издания «Schatzbehalter oder Schrein der wahren Reichtumer des Heils und der ewigen Seligkeit» С. Фридолина (1491). Ксилографии к этой книге были сделаны, как показывает стилистический анализ, в мастерской М. Вольгемута и его пасынка В. Плейденwurфа. Автор тщательно выискивает в гравюрах Schatzbehalter'a элементы, способные вызвать смех зрителя, однако не делает попытки разграничить, где перед нами сознательное желание художников ввести смеховые элементы в нравоучительную книгу (что, конечно же, не может быть невероятным — сатирические и юмористические элементы в немецком Ренессансе были весьма сильны), а где дело заключается скорее в особенностях современного восприятия этих иллюстраций.

Статья А.Н. Дониной 2014 г. рассматривает М. Пахера как одного из предшественников дунайской школы. Сама постановка вопроса о связи мастеров дунайской школы с наследием Пахера, работавшего в Тироле, недалеко от долины Дуная, заслуживает внимания. Художник выступил одним из наиболее ярких новаторов при переходе немецкой живописи от позднего Средневековья к Ренессансу и создателем развитой и последовательной системы пространственных построений; около Пахера сложился круг учеников и последователей, в настоящее время слабо изученный, но так или иначе способствовавший распространению его творческих находок. Влияние Пахера и его круга на представителей Дунайской школы исключить нельзя, однако в статье Дониной эта проблема, думается, разработана без должной точности. Найденное автором сходство между живописью Пахера и произведениями дунайских мастеров носит слишком общий характер и сводится к таким чертам, как интерес к пейзажу, стремление к пространственной динамике, специфический эмоциональный строй образов, отмеченный религиозной экзальтацией и одновременно благоговением перед красотой мира (у Пахера эти эмоциональные характеристики, заметим, встречаются ред-

ко, он более строг и сдержан). Тем более, сам автор совершенно справедливо отмечает, что художникам дунайской школы чужда присущая творческому методу Пахера рациональность (ее Донин сопоставляет с философскими воззрениями Николая Кузанского, с которым Пахер был знаком). Ничего не говорится о наличии каких-либо документальных свидетельств о том, насколько хорошо представители дунайской школы были знакомы с произведениями Пахера, без ссылок на источники высказывается предположение, что в начале своего творческого пути А. Альтдорфер и В. Губер посетили городок Санкт-Вольфганг, где видели знаменитый пахеровский «Алтарь Св. Вольфганга». В качестве доказательства влияния Пахера на «дунайцев» приводятся случаи сходства мотивов и приемов в их произведениях, однако, это не обязательно могло быть заимствование: сходство могло возникнуть просто оттого, что художники видели в окружающей их природе похожие мотивы. К тому же в качестве примеров использованы не главные произведения дунайских мастеров, а преимущественно рисунки и гравюры. Так что, на наш взгляд, заявленная в статье Донина проблема требует дальнейшей, более тщательной разработки.

Тему немецкого Возрождения продолжает во втором выпуске работа А.С. Рачкова, ученика Донины, об Урсе Графе. Посредством анализа ряда рисунков, автор делает попытку охарактеризовать взаимоотношения художника с его социальной средой, определить роль комических и трагических черт в его графике и приходит к выводу, что «произведения Урса Графа убеждают в том, что этот лихой и разнузданный вояка, распутник и плут не был обделен способностью к сочувствию и состраданию... И каким бы грубым ни был этот юмор, он, может быть, являлся живительной силой для тех, кто постоянно сталкивался с ужасами войны...».

Статьи С.П. Никольской в обоих сборниках посвящены уточнению сюжетов произведений западноевропейской живописи XVII—XVIII вв. из собрания НГХМ. Картина круга Ш. Ванлоо, традиционно именуемая «Спящая Диана», представляет характерный и высококачественный по мастерству образец рококо, а иконография данного изображения такова, что сложно с абсолютной точностью установить представленный на полотне персонаж. Подробно рассматривая иконографию таких персонажей,

как Диана, Антиопа, нимфа, авторы (статья написана вместе с Н.В. Свириной) высказывают сомнение в традиционном определении сюжета картины, но не приходят к какому-либо однозначному решению (мы придерживаемся мнения, что изображена все-таки Диана, хотя и не в совсем типичной интерпретации). Тем не менее, статья интересна как пример тех трудностей, какие могут возникнуть при прочтении сюжетов старой европейской живописи. Публикация Никольской во втором выпуске ставит целью уточнение сюжета картины неизвестного итальянского мастера XVII в. «Скачки на празднике Палио в Сиене». Существуют несоответствия между тем, как проходит Палио, и тем, что изображено на полотне: прежде всего, показанная на картине архитектура не похожа на застройку главной сиенской площади Пьяцца дель Кампо, где проводится праздник. Однако наездники одеты в костюмы одной из контрад (кварталов, выставлявших всадников на соревнования) — участниц Палио, из чего исследователь делает предположение, что изображено так называемое экстраординарное Палио, внеплановое, приуроченное к какому-либо знаменательному событию, на котором представители данной контрады одержали победу. Если гипотеза верна, то она помогает определить время создания полотна: представители этого квартала побеждали на экстраординарных Палио 1681, 1685, 1689 годов. Остается сожалеть, что, сосредоточившись на сюжете произведения, автор оставил без внимания его стилистические особенности: рассматриваемая картина интересна с точки зрения развития итальянской живописи XVII в. в Сиене — городе, далеком от передовых тенденций и возникновения в европейском искусстве Нового времени в целом такого явления, как художественный примитив.

Сравнивая содержание выпусков «ARS...», нельзя не заметить роста научного уровня публикаций. Хочется надеяться, что в дальнейшем не возникнет финансово-организационных затруднений с выходом сборника в свет, а более строгий отбор материалов, расширение круга авторов и, возможно, организация тематических выпусков сделают нижегородское издание заметным явлением в российской науке об искусстве.

С.С. АКИМОВ

Учредитель: ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**Б.Д. Гальперина, П.А. Искендеров, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода, Р.Г. Ланда,
Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова, В.В. Поликарпов,
О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.В. Шелохаев, В.Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 7, 2015

Адрес: Редакция журнала «Вопросы истории».

Малый Путинковский пер., дом 1/2, Москва, К-6, ГСП-4, 127994.

Телефон: (495) 650-96-21. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.06.2015. Формат 70x108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 1600. Заказ 2675-2015. Индекс 70145.

ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Индекс 70145

ВИА
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**